

СИБИРСКИЕ ОГНИ

3/2024

На первой странице обложки:
Алена Залуцкая. Псалмы.
Шамот, ангобы, глазури, оксиды.
Высокий огонь. Размер 400х350 мм.
(2019)

Алена Залуцкая. CODA.
Шамот, эмали. Высота 2200 мм.
(2015)

Алена Залуцкая. Алоэ-Каланхоэ. Шамот, эмали, глазури. Восстановительная среда. (2023)

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

П. В. Басинский (Москва)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Н. Тимофеев (Москва)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Михаил Косарев

ответственный секретарь

Лариса Подистова

начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Татьяна Седлецкая

редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников

начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова

редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв

редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Л. Р. Юкляева

Верстка: С. В. Колотилов

3/2024

Содержание

ПРОЗА

- Владимир КОСТИН. **Переправа.** Повесть. 3
Галина ШЛЯХОВА. **Жили-были, прожили...** Рассказ. 32
Наталья БАКИРОВА. **При мне никто не умрет.** Повесть. 60
Светлана ВОЛЫНКИНА. **Доброе утро, красивая женщина!** Рассказ. 88

ПОЭЗИЯ

- Алексей ИВАНТЕР. **Про которую люблю.** Стихи. 54
Владимир КРЮКОВ. **Бескорыстный приют.** Стихи. 104

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Виктор ТЕН. **Молчать нельзя критиковать.** 108
Народные мемуары
Татьяна ГЛОВАЦКАЯ. **Жизнь в ожидании жизни.** Окончание. 137

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Алексей КОЛОБРОДОВ. **Юрий Бондарев: накануне столетия.** 157
Лаборатория
Ксения БАЧУРИНА. **Пилуля в мятной оболочке.**
О книге Анны Лужбиной «Юркие люди». 168
Василий ШИРЯЕВ. **Волонтер, доброволец, охотник...** 173
Денис БАЛИН. **О книге Захара Прилепина
«Собаки и другие люди».** 177
Вера КАЛМЫКОВА. **О моделировании литературного процесса.** 180

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Издано в Сибири.** 184

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

- Ольга СВЕЧНИКОВА. **Созидающий огонь Алены Залуцкой.** 188

- Авторы номера 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Владимир КОСТИН

ПЕРЕПРАВА

П о в е с т ь

Если тебя сзади похлопали по левому плечу,
обязательно оглядывайся через правое плечо.

Из пародии на «Моральный
кодекс строителя коммунизма»
(1963 г.)

Человек начинается с горя.

Алексей Эйссер

1.

Эта новость распространилась быстро и на несколько дней превратилась в самую обсуждаемую среди обитателей небольшого города. В нашем «барском» дворе ее источником была скамейка, на которую надолго и охотно присели две осведомленные старушки из квартир номер двенадцать и семнадцать. Слушателей хватало, и речи образованных бабушек обрастали новыми деталями и артистизмом.

Герой Советского Союза Иван Иванович, проживавший в квартире номер двадцать девять, опустил, не вписавшись в новую мирную жизнь, одушевленную покорением космоса, возведением Братской и других ГЭС и робкой (не сглазить бы), но упорной верой в наступление коммунизма через тринадцать лет.

Наши ночные в 1963 году очереди всеми семьями в булочную, где давали в одни руки одну буханку «Забайкальского» хлеба, виделись досадным недоразумением, чем-то наподобие болезни роста. (Кстати, как выяснилось, в хлебе отсутствовали и пшеница, и рожь.) Работала же как ни в чем не бывало по соседству «Кулинария», любимая детьми.

Неблагодарные, заигравшись на ее задах в футбол, они время от времени разбивали в ней мячом окна — в ней, где проголодавшиеся мальчишки за гроши покупали пирожки, маковые рулеты или аппетитную жареную печенку. Но не об этом сейчас слово.

Иван Иванович, уже иссохший вплотную к скелету, много пил и много говорил — лишнего и «неправдоподобного». Он не снимал

Золотой Звезды никогда, независимо от формы одежды. Чаще всего это была всепогодная пятнистая зеленая майка.

Начальник областного КГБ Петр Иванович натерпелся от него, от его цирка, от его дерзости, по самую макушку. Герою повезло: не сталинские наступили времена, «Сталина не было на него». Тогда часто звучала эта фраза, к месту и не к месту; чаще, как ни странно, в устах головотяпов, разгильдяев и несунув... Беззащитен нынче нарисовался Петр Иванович.

И вот Герой скончался при отягчающих обстоятельствах. И похоронили его прямо-таки секретно, не посвящая и не привлекая общественность. А родных у него не нашлось.

А наступила, как обычно, бурная ранняя весна.

— И он, говорят люди, видели, забрался в парк после его закрытия, ближе к ночи, с парой портвейна, выпил, обыкновенно, без закуски, и лег там на теннисный стол в зеленом павильоне (помните, где еще кто-то навалил зимой) — заснул и замерз. К вечеру-то тепло бы и наплыло, а в ночь крепко приморозило. Под утро нашли его сторожа, Санька и Афонька, — «а» да «б», туда-сюда. Опочил!

— Значит, замерз, сердечный?

— Замерз, мученик. Так с войны и не вернулся.

— Что ж теперь... Вечная ему память. Как ни крути — заслужил ее.

— Вечная память. Заслужил.

И Павлик (то есть я, на пятьдесят лет младше и совсем другой, несостоявшийся Павлик) искренне жалел вместе со всеми абантурцами непрактичного Ивана Ивановича. Детские ссоры с ним, со взаимными обзываниями — «герой с дырой», — отодвинулись далеко-далеко, спрятавшись за горевшими фашистскими танками.

Первое серьезное событие в городе в том, полном моментов истины и знамений, году.

2.

Дальше, почти до самого лета, все шло по накатанной марафонской колее; другое дело, что Павлик и его товарищи, согласно поступи возраста, эту колею для себя познавали впервые. Они начали курить, как и положено семиклассникам, пробовать на мат свои юные голоса и обсуждать девчонок, старших и младших, говоря, по законам взросления, самые гадкие вещи о тех из них, кто им больше всего нравился.

Еще говорили о дружбе, учителях — некоторых даже великодушно хвалили; о футболе и, уже с некоторой вальяжной привычкой, о космосе.

Курили они за молодыми тополями на отшибе школьного двора. Тополя зеленели, солнце распускало лучи все щедрее, недалекая степь делилась своим дыханием.

Это тебе не зимний, студеный деревянный сортир без перегоронок, тесный, битком набитый грубыми старшеклассниками, с их модой вытирать задницу листами из учебных тетрадей.

(Родители были правы, договариваясь и дружно пихая в ранцы 7-го «Б» мятые странички газеты «Правда». А туалетная бумага, по слухам, водилась разве что в обкоме и горкоме. По слухам.)

Курили дешевые папиросы — «Север», «Прибой». Сигареты без фильтра — от «Шипки» свежего привоза до тугих «Жемчужных», но особо ценили грамотную бийскую «Приму». Первыми сигаретами с фильтром были болгарские, малогабаритные — «Плиска», ими угощались избранные. Почему-то их название считалось неприличным. Изображая бывалых, на больших переменах накуривались до одурения и тошноты. Как положено. Ну не хулахуп же вертеть, как мясные девчонки?

В ликвидации последствий табачного экстаза очень убедительно помогал лихорадочно протыкавший землю под их ногами дикий хрен, великий и ужасный. Возвращаясь к партам, неминуемо наполняли класс жгучим зловонием, тем более что желудки вырабатывали некий вторичный продукт хренового потребления. Увы, мускатный орех не на каждый день. Учителя роптали, но... но...

А так все прочее выстраивалось по законам природы. Успеваемость мальчиков падала, успеваемость девочек росла. Но молодого их учителя физкультуры начинала волновать вовсе не успеваемость, что констатировали, мудро усмехаясь, ученики. Однако иные нетерпеливые переростки мечтали побывать на его месте, когда он выстраивал симпатичным девочкам правильную осанку при упражнениях на гимнастическом бревне.

Тянулись протяжные дни с их в общем-то надежной, предсказуемой рутинной. Пока труба не позвала школьников в поход — на юг, к предгорьям Саян, туда, где Енисей еще кипит, полный кислорода, и подпрыгивают рыбы, где правый берег его так живописен и так высок, что нужно задирать голову, чтобы увидеть его кромку.

Учительница истории объявила, что им предстоит экскурсия на строительство Саяно-Шушенской ГЭС. Особое значение, подчеркнула Галина Петровна, имеет тот факт, что оно должно быть завершено в 1980 году. А ведь названный год (какое знаменательное совпадение!) — год Наступления Коммунизма. Когда «от каждого по способностям — каждому по потребностям». «И мы с вами наглядно, вещественно увидим, сколько еще работы, вдохновенной и тщательной, потребуется для созидания идеального, справедливейшего в истории общественного строя».

Заданная тема активно обсуждалась под табачный дым. «Нам будет по двадцать пять — двадцать шесть лет, — оживленно тараторили ребята, — мы тут же переженимся, нам дадут квартиры, телевизоры, мы будем ездить на море и есть шашлыки». «И пить хорошее вино, — добавлял кто-то, — бургундское». «И увидим дальние страны», — добавлял кто-то третий.

О, дальние страны! Тогда все, даже законченные хулиганы из избушечных кварталов, читали, мечтая, во множестве и волшеббно появившиеся книги о героических путешествиях на суше и на море, о знакомстве с народами и ландшафтами, в которых они живут.

«О, Килиманджаро!», «О, атолл Пука-Пука!». А космос? Космос значился в ранге «само собой», но волновал, волновал «внуков Марса», грядущих покорителей галактик.

Девятый вал фантастики, советской и зарубежной, наивной и глубокомысленной, обрушился на самую читающую страну в мире с не меньшей силой, чем записки отважных странников. Дети, юноши, взрослые томились в очередях под запись за книгами, написанными Туром Хейердалом или Рэем Брэдбери. Случалось, дрались за них или отбирали дарвинистски у слабых.

Грядущий коммунизм обещал открыть все границы по горизонтали и вертикали. И — неотъемлемо — дарил право жениться, и, может быть, жениться сколько хочешь.

Про «жениться» Галина Петровна, конечно, не вымолвила ни словечка, опустив и прочие обаятельные подробности. Но им, и Павлику тоже, показалось, что она, наверное, очень умеренно верит в светлое будущее (или вообще не верит?), чужда его романтики, коль вещает без красот, устало и суконным, постным языком.

Они побывали на ГЭС и тарасились на нее добрый час. Они убедились, что завершение работ не за горами, что вот, вот-вот и вот — и готово. Такое им празднично сообщал безусый комсорг стройки. На нем синели иноземные джинсы и вишневели туфли с округленными носами! Это смотрелось каким-то обещанием: скоро все так будем!

Правда, данные мажорные впечатления осложнялись одной закавыкой, сучком зловещего искривления. В наши края в этот год явились с Дальнего Востока энцефалитные клещи в невероятном количестве. Как саранча. Очень опасные, их укусы превращали людей в скрученных инвалидов с перекошенными лицами. Клещи дожидались своих доноров повсюду: строго запрещалось сходить с асфальтовых дорожек, детей осматривали чуть ли не через час. При этом неотвратимо отбирались сигареты. А у Кости Шумова, сложившегося хулигана и вора, отняли бутылку «Терека», обнаружив ее в просторном самодельном внутреннем кармане куртки. Одноклассники сдержанно, с опаской, чтоб не взбесился, поддевали его по этому поводу.

Сообщалось, что эти мерзкие клещи — продукт трудов японских бактериологических лабораторий. Посылка из прошлого, эхо войны.

С коммунизмом мы так и не встретились, и желание встречи в нас растворилось, зато клещевая рать оккупировала Россию до ее западных границ — и сегодня, как свидетельствуют ученые, больше всего их в заповедной Карелии. В Потомской губернии, куда судьба на всю оставшуюся жизнь занесет Павлика (там он превратится в меня, беспорточного), их тоже хватает с избытком.

3.

А Павлик, повзрослев для поисков человека, «с которого можно жизнь делать», мечтал о встрече с героем своего времени. Отчаянный, бытовой и колючий Иван Иванович его не устраивал.

И в принципе, по общечеловеческому обыкновению, то есть по близорукости и нарывам зависти, рядом с нами, по соседству в магазинных очередях героев и гениев быть не может. Должны находиться дистанция и весомая доля таинственности в судьбе. Начиная с происхождения. Отсюда в студенческих общежитиях появлялись соседи, предками которых оказывались французские графы или, на худой конец, польские шляхтичи. Потом, Павлик все-таки рос в интеллигентной семье первого поколения, с подчеркнутыми, прямолинейными амбициями в поведении, с претензиями на умную и по необходимости образную речь.

(У родителей, впрочем, амбиции разнились — до того, что они развелись шесть лет назад. Мама, измученный заботами завуч школы и преподаватель литературы, читала, укладываясь спать, — и вскоре засыпала как убитая, прикрыв глаза раскрытой книжкой. Прекрасные, изящные книжки тогда начали выпускать. Отец переселился в отдельную однокомнатную квартиру в хрущевке рядом с рынком. Ему, как чтимому всей областью лектору общества «Знание», городская власть выделила жилье почти немедленно. Пренебрегая высокой словесностью, он читал советские детективы. Под ним, на первом этаже, располагался магазин «Дары природы», его лукавый директор-царедворец восхищался отцом и его манерами, и поэтому отец иногда лакомился зайчатинной, куропатками и белорыбницей, чей вкус был чужд провинциальным обывателям.)

Домашнюю же библиотеку родители имели отборную — тогда, до Брежнева, выбиравание-собиравание книг было счастливым занятием. И родители знали, что покупали, и хвала им.

Поначалу героями Павлика числились Тиль Уленшпигель и Шурочка Азарова, она же Лариса Голубкина. Но Тиль потихоньку возвратился в свою мятежную Голландию, а Лариса Голубкина пропадала где-то в Москве; и «Гусарскую балладу» не показывали.

Однажды, в лютый февральский мороз, имелся шанс познакомиться — на расстоянии, конечно, — с первым человеком страны, пророком счастливой жизни Никитой Сергеевичем Хрущевым. Вождь побывал в Братске и пообещал (сдержав посул) обеспечить молодых и задорных строителей коммунизма утюгами. Они ходили в мятой одежде не один год, расстраиваясь от вынужденной ее мятости. А затем, через Красноярск, Никита Сергеевич собирался навестить и Абантуру в целях подъема творческого духа трудящихся Хонгории.

Целый день, от сумерек до сумерек, на Первомайской площади перед обкомом выстаивала, стуча зубами и каблуками, несметная народная толпа. Примороженные на славу, люди повторяли хорошие и, надо же, плохие слова в адрес Кукурузника. Да, плохие слова и анекдоты. Их слышал Павлик. Он узнал, что при Сталине за это сажали. Так говорил его сосед по выстойке, одергивая храбрецов. Все неистово лузгали семечки, согреваясь динамикой челюстей.

А Никита Сергеевич не прилетел, видно, соскучился по Москве, и объявили о его неявке на закате. Толпа взвыла, захрипела, частично хуля его. И разбежалась за три минуты.

Вскоре Павлик присмотрелся к директору музея, что временно существовал в школьном дворе, рядом с их полевой курилкой на южной окраине. Не сложилось сразу — археолог Ричард Николаевич Думский был слишком суров, отрывист, ходил в галифе, курил вонючую трубку и топорщился массивными усами. Он неприкрыто хотел походить на Сталина, от прически до обуви. Портрет отца всех народов висел у него в кабинете, фронтально ко входу и входящим. Павлик его убоился, остерегся.

(Для справки. Другой — и больше ни у кого в городе не было — портрет Сталина хранил директор ипподрома хонгор Султреков. Видимо, в память убитой, выкошенной в 37—38 годах хонгорской интеллигенции. Как на подбор, умные, работающие и бескорыстные выросли люди. Их окрестили тюркскими националистами, выполнявшими заказ фашистской Японии.)

Ладно. Увлеченный футболом, Павлик, снижая планку, пытался возлюбить местных звездных солистов. Ведь других, рангом повыше, он знал только заочно, по газетам «Футбол» и «Советский спорт».

И опять незадача.

Знаменитый бомбардир Зубило (он же Иванов) был застигнут Павликом у пивного ларька на стадионе — расхристанным и нецензурно бранящимся, он в тот вечер не выходил на поле.

Другой кумир, непроходимый защитник «Труда» Дёма (Дёмин) встретился Павлику на улице: на ногах тапочки, ширинка расстегнута, и терпимо еще, что под ней виднелись серые, как будни, трусы.

И бог бы с ним — живем небогато и сердито. Но так совпало, что тогда в Абантуру нанесла визит дружбы команда «Заполярик» из Норильска. (Скоро выяснилось, что ее вышколили когда-то высланные из Москвы прославленные футболисты братья Старостины. Они вернулись домой — традиция осталась.) И рухнуло тотчас всякое доверие сынов Абантуры к своим футболистам. На своем поле, при переполненных трибунах они продули голубо-льдяным гостям с позорным счетом 0:6. «На мыло!» — кричали не судье, а Зубиле, Дёме и прочим.

Через неделю на местное дерби «Труд» — «Строитель» не пришел никто.

У Павлика была возможность переключиться на людей искусства. Они сами появились на экране соседского телевизора. В Абантуру, по разнарядке, конечно, а не по доброй воле, десантно прибыл вокальный квартет «Аккорд», известный стране по радиоконцертам и даже «Голубому огоньку». Вполне обаятельные, стройные и усталые, как лошади при шахте. Ясно, что гастроли по здешнему бездорожью — не сахар. Они исполнили с десяток песен вживую под частично поврежденную магнитофонную запись аккомпанемента. Очень пришлась по душе соседям, их непрошеным гостям и Павлику японская песня с припевом «Сукé! Сукé!» («любимая» в переводе, однако).

Концерт закончился, мама отправила вдохновленного Павлика за молоком в гастроном — и что же он там лицезрел?

Телестудия и дом Павлика, *наш Дом*, находились на равном расстоянии от магазина. Поэтому Павлик зашел в гастроном вслед за квартетом «Аккорд» в полном его составе. Обе солистки стояли и не стыдились взглядов и яркого света, держа в руках по бутылке «Московской», а их коллеги-мужчины поставленными голосами обсуждали, сколько им купить сушено-соленой семикопеечной кильки — полкило или, мало ли что, полное кило?

Купили кило, и Павлик провожал их испепеляющим взглядом. Они прошли двадцать шагов на восток, до входа в гостиницу «Абантура», куда и ввалились с шумом.

...Мама сказала:

— Удивил! Да они чо́хом пьяницы! Они и поют пьяные!

А «вторая мама», тетя Аня, добавила:

— И развратные, блудни! Язви их!

И добил надолго ребячью мечтательность Герман из первого подъезда, молодой подтянутый человек, вернувшийся со срочной службы в Группе советских войск в Германии. Собирался он на Братскую ГЭС. Идеальный, кандидат в члены КПСС.

Он повел мальчика в «Орленок», напоил его, за отсутствием взрослой компании, «Шахтерским» пивом и, охмелясь, в хорошем настроении, вывалил на него кучу неприличных анекдотов. Они начинались одинаково. Или: «Одна бабенка решила...», или: «Один шустрый кобель нацелился...». Анекдоты необычные, без юмора, дурного-предурного пошиба. Неужели немецкие, гэдээровские? А Павлик-Пауль собирался ехать за Германом следом, на ГЭС, приготовился ему во всем подражать. Повезло, что мама задержалась в школе и не застала Павлика в хмельном безобразии.

Но пришло спасение для души, вернув свою цену попыткам Павлика воспарить над глобусом. Маленький их столичный город проездом посетили не кто-нибудь, а великие путешественники Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд. Они объездили всю планету и написали вереницу увлекательных книг: «Африка грез и действительности», «Меж двух океанов», «Охотники за черепами» и так далее, зачитанных советской молодежью до рассыпания на странички. Они возвращались домой через Владивосток (об СССР они книгу не написали, не вдохновились).

На телестудии выступал один Ганзелка, Зикмунд приболел. Когда Ганзелка отработал свое, давши интервью здешнему писателю по фамилии Загайло, и вышел на вечернюю майскую улицу, его атаковали поклонники — школьники и студенты. Некоторые девушки и юноши обнимали его и целовали, а он никого не оставил без автографа и пары добрых слов. По-русски он говорил безупречно. В том числе он расписался и в книге «Меж двух океанов», принадлежащей Павлику. Спасибо соседу Сашке — Павлика мама не отпустила. А автографа Зикмунда не досталось, понятно, никому. «А как было бы здорово его отхватить и утереть нос всем прочим!»

На удачу, выдающихся чехов поселили в новенькой гостинице «Хонгория», классом выше «Абантуры». И находилась она в двух кварталах

от Дома, и дежурной по этажу была соседка (квартира номер 21) тетя Валя, решительная, раскованная и крупная, как медведица, женщина.

Рано утром, под зябким ветром странствий, она повела Павлика в «Хонгорию». Ганзелка и Зикмунд находились в гостевой комнате на втором этаже, где их величали местные писатели во главе с секретарем обкома Чехоминым. В восемь утра на столе стояли неисчислимы бутылки скверного вина без этикеток и блюдечки с копченостями. Зикмунд выглядел неважно — кажется, причина выяснилась. Ганзелка бодрился, но в глазах его поплавром густилась обреченность. Тетя Валя выставила Павлика перед собой. Павлик вытянул руку с книгой.

— Распишись вот здесь, — сказала тетя Валя Зикмунду, — он Павлик.

Зикмунд улыбнулся и расписался: «Павелку от...»

— А я не нужен? — спросил Ганзелка.

— А ты, милый, уже расписался, — сказала тетя Валя, — отдыхай.

Зикмунд захохотал, как дитя, снял с пиджака значок «Татра» (название их славной машины) — и наколол его на рубашку Павлика! Так тот вошел в историю и побратался с земным шаром.

...Во дворе Павлик гляделся аристократом. Расспросам не было конца, значок перещупали и примерили все, даже бабушка и хонгорский соловей, певец Танзыбеков.

А к вечеру — Павлик не уходил домой, не обедал, а пописал за качелями, — а к вечеру значок исчез. Кто-то ловкий его «скоммуниздил» (новое словечко), снял, как мог бы сотворить человек-невидимка. Черт его знает, бесстыжего. Павлик не спал всю ночь. Но в душе его сохранился хрустальный след: он взлетал.

Но тем горше в итоге: сказка оказалась мимолетной, взлетел и упал с высоты с риском расплющиться.

Он был тогда невеличка, худоба, хоть и хорошенький. Застенчивый, со сверстниками он общался скованно, боязливо, отчужденный от них и тем, что жил в «барском» доме и горделивой семье. С тех пор и надолго, до сего года, в поисках героев и неведомых красот он углубился в чтение, переходя на взрослые, нередко опасные для него книги, читал днем, читал на скамейке, читал ночью, прячась от мамы с фонариком под одеялом. Сейчас он протискивался в лабиринты «Игры в бисер» Гессе, не понимая, в сущности, ничего, но уважал себя за старание, за попытку высшего пилотажа. Он надеялся покорять вершины. Но шерпа Тенцинга рядом с ним не находилось. И подумаешь.

Но его нового героя звали не Евгений Онегин — им стал другой, живой человек, на нужный срок Онегина оттеснивший. Павлик искал живого, сегодня и здесь.

4.

Еще один человек, именно я, бывший Павлик, вошел, «возогнался» в возраст, когда, как в детстве, начинаешь жить одним днем. Но замечательно, что никакому ребенку не дано так законченно и так благородно восхищаться снегопадами и ливнями, солнцем и луной, акварелями

и гравюрами природы, радугами и печальми ненастья, как человеку в годах, не сгнившему в мелочной мороке дней. Чего стоят одни только приключения березы под моим окном, оплота чудесных синичек, которую я посадил тридцать три года назад.

Но грустно, что теперь слишком ранние и слишком поздние телефонные и дверные звонки заранее, до «слушаю» и «кто там», вызывают тревогу, намекают об очередной потере. В моей истлевающей записной книжке кресты напротив номеров уже преобладают, но я не хочу ее менять на свежую — она мое личное кладбище, а к кладбищу нужно относиться с уважением.

Со временем, поскольку круг живых собеседников сузился до того, что каждую их фамилию хочется обвести киноварью, ловишь себя при звонке: ты невольно предсказываешь, кто ушел, неужели...

И в невнятном, беспокойном предутреннем озноблении, под вой ветра и дробь дождя, звонки начинают сниться. Ты пробуждаешься вмиг — и звонки не повторяются. Их не было. Мой старый друг А. П. утешает меня: это вид условного рефлекса. На самом деле, в соответствии с сединами, тебе сообщается: пора. Пора, а ты глуховат, а внутренне — неотзывчив.

А призрачные звонки, включая, кстати, сегодняшний, продолжают.

Наше время не похоже ни на какие другие времена, и не по-хорошему не похоже. И я думаю, день за днем, что люди, настоящие мастера, гуманисты, личности, уходят, огорченные тем, что им не дали — им не удалось оставить на белом свете замены, достойных наследников. Укоризненно смотрят они с небес на безобразие масскульта и интернета (убедительно-гадко восполнивших отсутствие НКВД) и прочих факторов насилия над этикой, эстетикой человека, на наш пошлый мир в вихрях центробежных сил. Мир маргиналов, возвращенных на электронике, на суррогатах настоящего, наконец-то берет реванш у всех, кто памятливы, трудолюбив, умен, честен и способен творить.

Ныне изгнаны из лексикона — буквально — такие слова, как «пошлость», «вкус», «красота», «честь», «достоинство», «целомудрие», «дружба», «солидарность», «тонкость», «добро». Вышли из обихода сотни слов! И «любовь». Это слово поменяло свое значение... Люди лишаются необходимой личной тайны едва ли не с пеленок и становятся жертвами всемирного племени закомплексованных «психологов» — в массе своей безграмотных каннибалов.

Я не боюсь смерти (может быть, пока не боюсь), но вот это тотальное оскудение человека, состоящего из вещей, половых органов и тщеславия хама из толпы, человека потребляющего, предсказанного еще век назад (Шпенглер, Г. Ландау, Хейзинга, Замятин, Ортега-и-Гассет, Музиль...), говорит мне о том, что человек сегодня, в его новейших двух поколениях, уже и не вполне человек, он и не ставит перед собой достойных человека целей. Среди нас, расталкивая, повсеместно завелись персонажи, заслуживающие звания мутантов и манкуртов. Они успели захватить

позиции и в США, и в Грузии, и на Украине. Причем одни, «элитарные», мутанты обрекают других, «массовых», на заклятие.

«Прервалась связь времен»? Навсегда?

И снова почудился звонок в дверь. Когда я ее с непонятной надеждой открыл, то увидел: пожилой гость с раскрытым мокрым зонтом пришел к соседям. Им его появление пришлось по душе.

Дверь я распахнул слишком резко. Она, заслуженная и уязвимая, обронила на соседский коврик крупную, почти квадратную щепку. Я поднял ее, горюя, — и вспомнил. Больше полувека назад: весна, четвертый этаж школы, звонок и наш запертый на ключ 7-й «Б». Через неделю одноклассник Шумаков признается: он стащил случайно оставленный учителем в скважине ключ, чтобы получить удовольствие второгодника. Ключ он выбросил в мусорный бак, а бак не замедлили планомерно опустошить санитары города.

Дверь открыли силой — образовалась брешь от язычка. Замок вынимать не стали, поленились, а его язычок вбили молотком обратно. За процедурой наблюдала сотня зрителей, школьникам не хватало впечатлений, и они теснились, толкая друг друга и вытягивая шеи.

Завхоз принес продолговатую пиленую чурочку-плашку и поручил Павлику перекрыть ею дыру, на что вручил Павлику четыре тоненьких гвоздя. Он справился с заданием, и Ефимыч благословил чурочку незабвенной коричневой краской, мундирной для всех школьных дверей по всей стране Советов.

И тут-то и появился в толпе заметный человек лет двадцати пяти, которого и через годы не спутаешь ни с кем. Невысокий, но видный брюнет с ухоженными бакенбардами, в белом двубортном пиджаке (!), в шляпе, что была один в один с памятным по «Великолепной семерке» стетсоном. Но он подавал себя так, что никому, похоже, не приходило в голову назвать его пижоном. Естественный, сам по себе, без глаз на затылке.

Он высмотрел в замолчавшей толпе десятиклассницу Татьяну, и все услышали его спокойный баритон. Он сказал:

— Татьяна, я где-то обронил ключ, дай, пожалуйста, мне свой. Мать уехала в Мирусинск.

Логично, что публика по свежим следам развеселилась.

Ключ девушка-выпускница выдала. (Она была его двоюродной сестрой, жила в его семье и после выпускных вернулась в свою деревню.)

Он было отправился на выход, но разглядел в этом кагале Павлика и поманил к себе. Сказал, очень доброжелательно:

— А я тебя знаю. Мне тебя показывали в твоём дворе. Считают, что ты любого обдерешь в настольный теннис. Мы сейчас в «Орленке» перешли на игру в парах. Желающих до... (запнулся) полно, в общем. Будешь напарником? Поверь, я тоже кое-что умею. Мы этим... (запнулся) ребятам покажем. Из Черногорки будут приезжать, из Мирусинска — покажем! Ну как, придешь в воскресенье?

— Легко, да, конечно, — радостно ответил Павлик, — покажем!

Он был просто очарован — не одной романтической наружностью особого человека, не только тем, что его ценит и приглашает взрослый человек, но и тем, что этот человек говорил отточенно, тактично, изысканно, как не говорили в школе и на улице. Павлик трепетал и казался себе выше ростом.

Знакомый незнакомец пожал ему руку и ушел мимо почтительно расступающихся школьников, и школьники смотрели на Павлика с уважением. Кто-то щедро свистнул.

На ватных ногах Павлик отправился в класс. Его нагнал Сережа Галанин, его дружок. Осведомленный в городских текущих подробностях. Городской, так сказать, хроникер.

— Это Анатолий, — сообщил он, — авторитетный чувак. Вроде экспедитор на пивзаводе, а шепчут: темной ночью промышляет насчет магазинов и прочего. Осторожнее с ним.

Сережка ревновал. Павлик кивнул. Подумаешь, подумал он, и ничего не подумал еще: он уже ждал воскресенья. И в субботу пришел в зеленый павильон на разведку.

Лет сорок спустя, в летние каникулы, я зашел в родную школу. Дежурная учительница впустила меня неохотно, ей пришлось вставать с раскладушки. Я поднялся на четвертый этаж и мимо расписанных стен — школьники, учителя, птицы, воздушные шары — добрался до своего класса, волнуясь до подтягивания брюк.

Чурочка, от Брежнева до Путина, продолжала существовать, светясь облупленными шляпками своих четырех гвоздиков!

Тогда я, впервые после *того* лета, богатого солнцем и ливнями, вспомнил Анатолия — не зная, жив ли он или нет. А я и фамилии-то его не знал. Нужды не было, а прозвище знал: Ковбой.

5.

Городской сад, объявленный после войны городским парком, получал последовательно имена Ленина (массы считали, не годится здесь имя Ильича, ибо сиротский парк), «XXII съезда партии» и, наконец, стал «Орленком». Он находился в центре города, окруженный знаковыми зданиями и сооружениями Абантуры. Наискосок от него, через улицу Ленина, метрах в семидесяти, возвышался Дом Павлика, *наш*, самый красивый в городе, населенный интеллигенцией, русской и хонгорской, артистами театра, инженерами в чинах, заслуженными учителями и ветеранами, чиновниками и меняющимися военными. Здесь прописались и Герой, и начальник областного КГБ, и чатханщик¹ хайджи² Пабызаков. Для соблюдения советских приличий на площадях четырех или пяти квартир располагались пролетарские семьи, с подселением одиноких в маленькую комнату.

За северо-западным углом парка осела новенькая областная теле-студия при уходящей далеко в небо вышке, усеянной пылающими ночью

¹ *Чатхан* — многострунный щипковый музыкальный инструмент.

² *Хайджи* — сказитель.

красными звездочками. В конце года она начнет принимать Москву. По диагонали от Дома Павлика — метров пятьдесят.

Напротив, на центральной улице Ленина, на расстоянии метров в двадцать пять, находилась гостиница «Абантура», а правее, западнее, гастроном, получивший много позже идиотское название «Скандинав». (Спасибо, что не «Святой Грааль», как вульгарная пивнушка на въезде в соседний Потомску «почтовый ящик» — в 90-е срамные годы.)

Изначально сад, гектара на четыре, возводился на сыром, мокром месте, разливы рек и дожди оставляли здесь объемистые зацветающие лужи. Самая обширная из них называлась Кривым озером. До войны и во время ее господствовали лютые непроглядные комариные тучи. Их с переменным успехом изводили *нефтеванием*. Гнилые лужи осушали — они возрождались. Наконец лужи и буйные камыши все-таки доконали, посадили деревья — липы, акации, потом жадные до воды тополя. Победили.

До 41-го года успели окружить сад добротным деревянным забором, у входной арки появилась касса. Протянулись дорожки, раскинулась центральная аллея; еще — танцплощадка с ленивым необученным оркестром; объятые тьмой, замигали пятнадцать (!) лампочек. Еще — отличная библиотека-читальня, оазис вежливости и ума.

Аттракционы народные: силомер, качающееся бревно, мыльный столб, на верхушке его находился приз — зонтик, кепка, галоши. Случился и живой индюк, который клевал добравшихся до него в голову. И они, раненые, с руганью съезжали вниз. Еще — кегельбан. Еще — ресторанчик, дрянной, в нем отлавливали жуликов, а то и бандюков. Еще — зеленый театр с самодеятельностью по выходным, здесь важно выпивалось.

И летний кинотеатр без крыши. В нем показали фильм «Большая жизнь»! Город навестил сам Борис Андреев. Хорошо выпивал и закусывал, тепло общался, великий. Наш человек. Спрашивали: а где Алейников, отвечал: на съемках. «Люблю его».

И скульптуры: красноармеец и танкист. На центральной аллее белый Сталин, выше себя, с ласковой улыбкой на полном лице. Напротив — «Играющие дети». Они толкали огромный шар в небо. Зачем? Никто не понял.

В войну забор растащили на дрова. Сад замолчал. По нему гуляли, угощаясь самогоном, пациенты эвакуированных военных госпиталей. В кинотеатре, пока он не сгорел, показывали патриотические фильмы: «Оборона Царицына», «Котовский», «Сталинград»...

После войны парк ожил и стал очень популярен, густо населен, вернулось общение! Мало-помалу он разбогател. Новый деревянный, но поместительный кинотеатр «Мир». Бильярдная, карусель, садовые арки, телескоп. Стенды с профилями классиков марксизма-ленинизма. Плакаты-агитки. Лекции-доклады. Кружки для детей. Утренняя физкультура. Городки, волейбол. Шахматы и настольный теннис в зеленых павильонах.

(Год назад Павлик навострился играть в настольный теннис. Во дворе Дома поставили стол — и Павлик неожиданно для самого

себя обыгрывал всех подряд с помощью китайской ракетки, отличной реакции и маленького роста. Пока стол не украли темной ночью, унеся неведомо куда, в какое-то закрытое место.)

И новые скульптуры — «Девушка с веслом», «Женщина с мальчиком», бюсты Орджоникидзе, Чкалова, Щетинкина. И вокруг — клумбы, вазоны с цветами, надежно охраняемые нетрезвыми сторожами.

Снова приезжал Борис Андреев и сфотографировался на фоне «Девушки», восхищенно простирая к ней длань. У него был хороший вкус!

Парк обновлялся во все хрущевское правление: новые качели, карусель «Орбита», «Лошадки», «Комната смеха» для отборных сограждан и парашютная вышка. Павлик попытался прыгнуть с нее — и завис, за малым весом. Публика глумилась над ним, и он не сдюжил — прослезился.

Но при Брежневе парк заметно опустел, то ли народ стал разборчивее, то ли пропало в нем ярмарочное чувство. Дети, конечно, штурмовали карусели по воскресеньям, но в будни, особенно летом, жизнь давала о себе знать лишь в павильонах для шахматистов (там славились отец Павлика и его соперник, музыкант-педагог Левич) и теннисистов, где проявит себя текущим летом Павлик.

Даже кинотеатр оскудел зрителями. Но когда в нем целую майскую неделю подряд демонстрировали «Великолепную семерку» с полурусским Юлом Бриннером в главной роли, случилось натуральное вавилонское столпотворение.

Больше других фильм восхитил и потряс нового друга Павлика по имени Анатолий. Можно сказать, он голову потерял, посмотрев его шесть раз, и выучил его наизусть.

6.

Полтора годами ранее начальник областного КГБ Петр Иванович Забабурин переехал из нашего дома в отстроенный неподалеку, на улице Колхозной, стекающей к рынку, напротив парка, торцом к нему, обкомовский дом. Дом скромной провинциальной знати, вполне советливой, у которой еще не подросли кичливые и разухабистые детки. Такие дома, охраняемые, с высокими потолками, безукоризненным сантехническим обслуживанием и достойными, но в чем-то и спартанскими интерьерами, были типовыми. Я наткнулся на их близнецов и в Потомске, и в Самаре, и в Кирове.

В освободившуюся квартиру ненадолго поселилась семья военного, подполковника по фамилии Погожий. В семье подрастали две дочери. Младшая, Ольга, совсем дитя, хохотушка, и Надя, годом старше Павлика, — стройная и строгая брюнетка, по-украински красивая — и серьезная, отличница, чистюля. Взгляд ее карих глаз повергал в оторопь и вызывал у объекта чувство стыда за себя и соответствующие воспоминания. А воспоминания о грехах томили душу любого отрока, угрызали совесть.

Утром в субботу, перед набегом в «Орленок», Павлик выносил мусорное ведро. Двор гудел — ассенизаторы в три агрегата выкачивали

золото из автономных подземных хранилищ. С раннего детства Павлик дружил с ними, как и прочие малыши. Труженики разрешали им нажимать заветную кнопку, превращавшую машину в ревущую перед стартом космическую ракету. Павлик поговорил со старыми знакомыми, услышал, что «говно нынче дружное», но беседу прервали подступившие к нему Кабачок и Вовочка Дангулов.

Вовочка, низенький и пухленький, стремительно старел, у него было лицо сорокалетнего готтентота. У смуглого Кабачка на подбородке вились три волоска, и походил он на баклажан.

— Мы, — перебивая друг друга, сообщали они, — сейчас насмотрелись на девчонок Погожий. Они там на качелях качаются, а Надя даже на турнике висела. Мы разглядели, у них сарафаны коротенькие: у Надьки зеленые трусики!

Заинтересованный новостью, Павлик глянул налево, в палисадник. Девочки стояли под акациями. Оля болтала и махала руками, а Надя слушала, снисходительно, заложив руки за спину, как его любимая учительница по литературе, Суворочка Ираида Андреевна.

Видимо, они собрались домой. Ага, пошли. Оля ускакала вперед. Надя не торопилась. Представить ее бегущей было невозможно. Оля — речной глассер. Надя — морской фрегат.

Когда Павлик зашел в подъезд, Надя не спеша восходила над ним на второй этаж. И он не удержался, машинально (ли?) посмотрел вверх и увидел загорелые ножки и зеленые трусики. Запоздало застыдил: ох; а она на секунду приостановилась, отметив его зоркость. Видно, подумала: «Он нарочно подглядывает?» — и взлетела по ступенькам.

А Павлик остался на месте, глядя теперь в ведро. Поникнув, дожидаясь, когда захлопнется ее дверь. И вдруг, во искупление, прошептал себе: «Сегодня на ночь буду читать “Онегина”. А чертов Гессе пусть сам себя читает».

Он хотел ее видеть. Наступившие кстати каникулы помогли ему: он боялся с ней заговорить, но дожидался ее выхода в летний двор, болтаясь среди акаций или забравшись на тополь; оставался во дворе, пока она не уйдет, но стеснялся ее сопровождать.

Она делала вид (?), что его не замечает. Но он не мог не верить свято, что она за ним приглядывает, интересуется. Пусть он и маленького роста. Пушкин тоже был маленький, и Лермонтов. И аккуратно принимал, сам того не ведая, байронические позы. Он не осмеливался влюбиться в Надю или не признавался себе в этом, но любовался ею и видел ее, как водится, во сне.

7.

Суббота разгонялась. Через час, заплатив тридцать копеек, Павлик переступил порог заветного павильона. На подходе, за метры асфальта, сменяющегося глиной, он сообразил: еще не играют — не слышно было ударов по шарик и воплей — конвоя ударов очень удачных и очень неудачных. Шарик не щелкал по столу, стенкам и полу. Считаная компания,

как выяснилось, завсегдаев, расселась по перилам, скамейкам, кто-то сидел на корточках, кто-то курил, — и громко общалась, безжалостно делясь познаниями в области личной жизни, братва.

— Эге, — сказал один, — клопик пришел! Неужто обыгрывать нас напыжился? Ишь, ракетка у него — иноземная, казовая.

— Погоди, — сказал другой (сосед Сашка Саражаков, неожиданность), — он вас с прищура уделает. У нас во дворе он чемпион.

— Ну-ну, — сказал третий, — побачим.

— Надо подождать, — предупредил Павлика (до июля переименованного в Клопика) Саша, — придет Виктор — и начнем. У него и сетка своя, и шарики, чтоб не платить.

Столов обнаружилось два, но играли на северном, по суеверию. На южном, как сообщили, сражаться было впадлу. На нем умер Иван Иванович, по данным сторожей парка Александра и Афанасия, забавно смотревших в разные стороны, как двуликий Янус, при рассказе о весенней трагедии.

Павлик обратил внимание на то, что среди подростков, старше его на год-два-три, на скамейке сидит пожилой человек в очках и мятой шляпе, гладко выбритый, с парой зубов во рту, и курит папиросу, медленно, смакуя; докурив, немедля запалил следующую зажигалкой-гильзой. Сидит, молчит, слушает. Слесарь парка Евгений Семенович. Никак не откликается, не морщится на похабство словес с похабными телодвижениями-картинками. Стало быть, наслушался и насмотрелся за свои годы. Как об стенку горох.

Павлик не мог наглядеться на компанию. Кажется, все разные, но на всех печать уличных, забубенных ребят, знакомых с цинизмом и пластикой взрослых, выпивкой и прочими достоинствами советских людей, которых, хочешь не хочешь, примут в коммунизм. Но в довесок, только по паспорту. Для ровного счета.

В нашем Доме проживали отесанные дети, «ребята с нашего двора», их опекали старшие дети, тетушки и бабушки — и няньки, беглые из колхозов; детей нередко водили взводом в кино и на речку. А старшие играли с ними в рыцарей, ратников, гусаров и космонавтов. А на сон грядущий, без самых маленьких, в грибке вместе слушали китайское радио по транзистору: «Дорогие товарищи и друзья! Советские ревизионисты...» Смеялись, нравилось. Передачи из Пекина не глушились: видимо, главные московские чины тоже с удовольствием их слушали.

Здесь открывался новый мир. Лишь бы не побили, не отобрали мелочь или ракетку... Нет, Анатолий заступится. А — интересно, интересно.

Одеды как попало. Но тогда, и много позже, наряды для мужского пола, сколь бы они ни были скромны и нелепы, никого не смущали. И наоборот. Саша Саражаков, например, был одет вполне гармонично, потому что он — сын известного на всю Хонгорию хирурга. И кого это заботило? Он, кстати, не солировал в стихийном концерте, но барагузил со всеми, хлопая себя по коленкам.

Павлик отметил: у каждого из ребят налицо своя присказка, речевой паразит, вроде глиста.

Деревенский паренек из Таштыпа, Сергей, по кличке Колхозник, в шароварах и душном свитере, приехавший на лето к дяде, пользовался своего рода частицей «на». То есть: «иду, на, в кузню, а там, на, дед точил тяпку, на». Над ним издевались, до унижения, а он являлся в каждые выходные.

Два брата Дубовы, Николай и Всеволод — Хрен и Ховен. Погодки в самодельных жилетках и красных трико. Николай — бесконечные «значить». А Всеволод имел запросы. Напевал: «Много у нас диковин. Каждый из нас — Би-итховен». Трогательно. Подробные, бедовые пацаны.

Рыжий Семен — Рыжик. Желтая рубашка, грязные клетчатые брюки, с Согры. Достает из кармана и прячет кастет. Никогда им не пользовался и не будет. Вставлял в свою речь бесконечные «ё-маё». Меланхолик и зануда.

(В недалеком будущем Павлик узнает, что присказки звучали и в исполнении неискренних парковых сторожей. Александр, русский, повторял хонгорское «орта» — «правильно», когда даже было очевидно неправильно. Афанасий, хонгорский орел, возлюбил польское восклицание «матка боска» — «Матерь Божия». Возможно, потому, что оно ему казалось бранным, по далекому звуковому сходству.)

Неведомый их лидер Виктор опаздывал. И за час, а то и другой ожидания Павлик ознакомился с набором шедевров устного творчества сего поколения.

1. Пропели, очень небрежно, целомудренно-эротическую песню: «Ты, сорока-белобока, научи меня летать, невысоко-недалеко, прямо к милой на кровать».

2. Еще одна песня, вскоре перешедшая в бодрую декламацию: про Садко. «Садко, недолго думая, засунул в чемодан / Полдюжины гондонов / И книгу “Мопассан”». Тут и приключения, и слова были куда ядреней, забористей.

3. Затем последовало целое ожерелье анекдотов про Пушкина и Лермонтова. Вполне в духе их собственных юношеских забав, особенно Лермонтова. Они соревновались, кто убедительнее и «красивше» раскроет драматургию встречи с женщиной. Побеждал Пушкин. «Пускай стрелы Дадоновы в пещеры Соломоновы».

4. Не забыли и про великого полководца А. В. Суворова. Стих, причем белый: «Поссым, сказал Суворов...»

5. Письмо внука деду из пионерского лагеря. «Климат здесь херовый, / Я писал не раз. / Ты бы здесь загнулся...» и так далее.

6. И на десерт — пикантная история от Ховена, с брызгами из его рта. «Ереванский луна освещала небес. Выходил на балкон молодой Аванес...» — а дальше ужас.

Да, обогатился Павлик. Возмужал на пару лет.

После концерта непроницаемый Евгений Семенович докурил пачку папирос, поднялся, глухо сказал: «Работа ждет» — и скрылся за липами, погладив ближайшую своей мозолистой рукой.

И Саша сказал Павлику на ухо: «Это муж Галины Петровны, исторички. Он в лагере сидел, зэк, за какой-то там саботаж. Двенадцать лет,

советскую власть разлюбил, не верит ей. Его папа оперировал, с ним общался, а дядя Женья думал, что умрет, и язык не придерживал».

Павлик вспомнит его слова позже, а сейчас, возбужденный уколами поэзии, он ерзал, крутил головой и говорил: «Ну бубенцы, ну бубенцы».

В павильон вошел Виктор. Лидер, вождь; кличка — Господин Хороший. Самодельный китель, галифе, заправленные в начищенные кирзовые сапоги. Он старше всех, ему под двадцать. Лицо жесткое. Глаза с косинкой.

— Это кто? — сразу углядев чужого, спросил он.

— Это Клопик, — ответил ему Хрен, — он из дома специалистов. Пришел сыграть, гутарят, здорово лупит.

— А, буржуин, плохиш. По блату отучится, начальником станет, — злым голосом высказался Виктор. — Да, Клопик?

Павлик оробел и тихо ответил:

— Нет, не стану.

Виктор усмехнулся. И спросил у подчиненных:

— Ковбой не обозначился?

— Обозначится завтра, на двойки.

— Вот это нормально. Мешать нам не будет.

И начались бои. Один на один. Народу не прибыло. Суббота все-таки, рабочий день.

Павлик показал товар лицом. Гонял противников по углам, резал, подкручивал, получая половину очков прямо с низких далеких подач. Вышибал из-за стола без лишних усилий. Последним против него, как Павлик и ожидал, встал Господин Хороший. Он внимательно наблюдал за Клопиком и, похоже было, встревожился. Его одолевал лишь Ковбой, и то не всякий раз. Сейчас ему предстояло серьезное испытание. Он занервничал.

И проиграл — 7:21, позорнее всех. Матерился по-черному, с начала и до конца. И разбил шарик о стенку. Отдышался, глядя на соседей-шахматистов, и сказал:

— Смотри, Клопик, доиграешься, гаденыш. Прибью, не нравишься ты мне, настырный. Мне надо уступать, понял?

— Но я же бился по-честному, — оправдывался Павлик, — чего ты психовал? Поддаваться мне, что ли?

— Не гневи меня, плохиш! — сказал Виктор и дал ему подзатыльник. Хорошо, что не больно. И выставил за порог негрубо — взял себя в руки. Вслед за соседом вышел один Саша Саражаков.

«Завтра придет Анатолий Ковбой. Завтра я приду обязательно... А ребята промолчали, опустили котелки. Эх вы, трусы».

8.

В воскресенье жара стояла с самого утра, при полном безветрии. Ни тучки на небе. На город опустилось марево, земля будто покачивалась во все стороны; во дворах, больших и маленьких, взрослые повыносили-вее поливали клумбы и палисадники, зелень и деревья, при наличии

шлангов. Полюют дерево — и поливают и себя, вместе со штанами, и особенно — голову.

На улицах, и обычно немногочисленных, ни души. Молчат птицы, квелые.

Но в павильоне мальчишек — не протолкнуться, и половина из них пришла с самых окраин, успевая по дороге загореть до арапства и высветлить шевелюры. Играли, конечно, парами, по кубковой системе, и проигравших выбивали на фиг.

Анатолий появился сразу вслед за Павликом. На нем были беломраморные брюки, настоящая тельняшка, обнажавшая его поистине могучие бицепсы, белые сандалии на босу ногу. Часы походили на золотые. И откуда такая роскошь?!

Здороваясь, он кивал, кивал и кивал; Виктор первым протянул ему руку — пожал, но небрежно, холодно. Зато Павлика приобнял, хлопнул по плечу, вручил ему яблоко и подмигнул.

Виктор же Павлика словно «не замечал» и на его малодушное приветствие не отозвался.

Наступившую на секунду тишину прервал, предваряя предстартовый гвалт, голос из-за угла:

— Что-то сегодня будет, едрена феня. Кровь прольется!

И что-то было. Часам к трем добрались до финала две пары: Анатолий — Павлик и Господин — Ховен.

Публика почти единогласно считала, что победят первые. И действительно: Павлик со своими резаными и кручеными ударами являл необходимое вдохновенное мастерство; Анатолий, в мокрой тельняшке, был надежен, стоек, умел обмануть противников и деморализовал их короткими фразами-цитатами из песен Эдиты Пьехи и Эдуарда Хила. Просить его не пользоваться таким оружием никто не осмеливался.

Первая подача досталась Виктору. Когда он, оскалившись и сгорбившись, взял в левую руку шарик и... — Анатолий поднял свою правую с ракеткой и сказал:

— Минуточку, чуть не забыл...

Виктор застыл и изобразил негодование. Анатолий, широко, по-голивудски улыбаясь, продолжил:

— Слушайте сюда. Завтра, кто хочет-может, приходите в «Мир» в девять вечера, после закрытия парка. Будет «Великолепная семерка»! Для вас — бесплатно, я буду на входе.

Раздался рев и звучные рукоплескания. А Виктор заметил:

— Не подкупишь, Ковбой. Мы не поддадимся.

И Ховен:

— Нет. Каждый из нас Би-итховен.

Тут перешли на гогот. Анатолий снова поднял руку:

— Сеанс левый. Начальство об этом знает, но как бы не знает. Поэтому проникать тихонько, скрытно, через забор с юга. Охрана заметит, ей говорить пароль: «Понедельник — день тяжелый». Все понятно?

И Виктору:

— Приступим. Начнем, пожалуй. Огонь!

И грянул бой. Который скоро перестал походить на Полтавскую баталию. Ковбой и Клопик были беспощадны. 21:10, 21:8. Хватило двух быстрых партий. Причем последнее очко добыли при душераздирающих обстоятельствах. Анатолий срезал при высоком отскоке шарика. Для этого ему пришлось подпрыгнуть и бить «лопатой». Шарик взлетел над территорией противника до потолка, и, пытаясь в отчаянии его принять, Виктор в свою очередь взлетел — но досталось ему крепко удариться спиной и тыквой о стенку павильона — и свалиться на пол. А шарик ударился в потолок и упал ему прямо на темечко.

И Виктору пришлось вставать, качая головой и цепляясь за стол. Лицо его кривилось от боли и досады.

— Гитлер капут! — торжествующе вскрикнул Павлик.

— Недолго музыка играла! — завопил сторож Афанасий. — Матка боска!

Униженный Виктор встряхнулся, как это делают собаки, обогнул стол и дал Клопику подзатыльник, на сей раз увесистый, взрослый, так что искры из глаз посыпались. Анатолий моментально заступился за своего юного друга. Под скулой Виктора зажегся фонарь, он сел на пол, на окурки, и опустил голову. Застыл.

Праздник победы был испорчен. Все замерли. Павлик с Анатолием ушли вдвоем, оставив за собой переполненный молчунами павильон.

— Спасибо, — сказал Павлик.

— Дело чести, — ответил Анатолий.

И пока они шли к выходу из парка, и потом — Анатолий провожал Павлика до Дома, — младшему довелось услышать от старшего его страстный монолог про «Великолепную семерку», про великодушных ковбоев, спасителей мексиканской бедноты («я буду звать тебя Чико»), про красную землю Мексики и про красоту тамошних девушек («а на наших и смотреть не могу. Халды!»).

— Ну не могут же все наши быть некрасивые. Ведь есть красивые, — частично возразил Павлик.

Анатолий взгляделся в него. Павлик покраснел.

— Э-э, — протянул Анатолий, — никак ты, такой... э... юнец, умудрился влюбиться?

Павлик непорочно замотал головой. Анатолий отмахнулся от него. А навстречу им шла мама, она гуляла со своей подругой, Клеопатрой Архиповой.

— Привет, мама! Я домой. Я... мы чемпионы!

Мама что-то подсказала Клеопатре Архиповне. Та вытаращилась на Анатолия. Анатолий со вкусом поклонился. И они разминулись.

Попрощались долгим рукопожатием. Дом встречал Павлика, своего питомца, всеми окнами, эркерами и узорами. У своего подъезда Павлик увидел Сережку Галанина, знатока городского быта.

— Жду тебя целый час, — сказал Сережка, — пойдем покурим в яме. У меня «Плиска» есть, два мускатных ореха есть.

И они двинули на север, где строители рыли роскошный котлован. Там собирались возвести четырехэтажный дом с авиакассой на первом этаже.

И когда они спустились в котлован, их сразу дождалась необыкновенная находка между песком и камнями. Они еще не докурили по первой, не обменялись последними сплетнями, и Павлик не поделился с Серезжкой своим триумфом. И на тебе!

Под ногами лежали, разделенные метром грунта, две маленькие, со спичечную коробку, головки из обожженной глины. Они были без затылков, без шеи, от макушки до подбородка. Одна представляла собой женское лицо анфас с отчетливо монгольскими чертами. Это была скорее даже девушка, и симпатичная. Другое принадлежало мужчине зрелых лет, с бородой, несомненному европеюду.

Они гармонировали, это было парное изображение, созданное одним автором, привет из далекого-глубокого прошлого. Ого! Как они уцелели от лютого ковша экскаватора?

Ребята бросили куренье и закарабкались из котлована, разжевывая мускатные орехи. Договорились, что находку заберет Павлик (у него дома телефон) и позвонит историчке Галине Петровне. Может быть, их находка — открытие великого исторического значения!

Учительница была дома и, поскольку жила неподалеку, не замедлила сойтись с ними во дворе (Серезжка ее дождался).

— Да, да, — сказала она, известная как знаток местных древностей, — это, скорее всего, таштыкская эпоха, две тысячи лет назад. Плод встречи размываемых скифов с молодой монголоидной стихией с Востока. Буду связываться с Думским.

Забрала находки с собой в носовом платке.

— Ждите его вѣщей оценки и вѣщего слова.

9.

Воскресенье продолжалось, и солнце разве что намекало, что клонится к закату. Павлик остался во дворе и обливался потом. По озвученной версии, он дожидался маму. Но важнее было увидеть Надю. Как ему хотелось — осмелился бы? — пропеть ей о своем восхождении на пьедестал и своем свежем вкладе в советскую археологию! И он захватил скамейку.

И Надя появилась. Войдя во двор с родителями (отец — в штатской рубашке-вышиванке), прямоком зашла с ними в подъезд. Но при этом, уже в дверях, она оглянулась на него — на Павлика, в открытую. Он не обрадовался: взгляд ее, нет — взор ее был пронзительно грустный, тревожный. Мгновенье — и она исчезла. И в памяти Павлика еще пожил ее сарафан, синий с голубыми цветами, незабудками. Павлик несколько раз вздохнул, вопросительно, предчувственно-тревожно, и поплелся домой, зажав в кулаке ключи, чтоб не клацали, не раздражали.

Вернулась мама и с разбега напала на сына:

— С кем это ты прогуливался, молокосос бессмысленный? С кем? Мне сказала тетя Клѣпа, он ворюга, которого никак отловить не могут. Ишь, расфуфырился, кланяется. Красивой жизни хочет. Такой и Родину продаст. Запросто!

— Он мой друг, — почти прокричал Павлик, — ему нравятся герои, романтика. Мы с ним сегодня обыграли всех в настольный. Он за меня заступился, да еще как: в морду дал!

И вдруг понял, что затылок не болит. «Дело молодое».

— Тыфу, — сказала мама, — увижу с ним — выпорю. Месяц сидеть не сможешь.

И как всегда в подобных случаях, протопала на кухню. Скрипнул стул, чиркнула спичка, пахнуло табачным дымком.

Он, усталый, потерявший задор, завалился на диван и заснул без сна.

А вечером его сразили две новости. Когда он, умытый, обувался в прихожей, в дверь постучался Саша Саражаков, живший наискосок, и выпалил:

— «Мир» горит, догорает! Весь! И крыша, и стены!

— ???

— Парк закрыли в семь. Вспыхнуло в восемь, со всех сторон. Пожарные примчались (депо в двух шагах), милиция приехала — поздно. Дерево сухое, краска масляная, жара, и ветер поднялся, как дожидался. Я прибежал, а там одни головешки, пепел стоит косым столбом, милиция допрашивает сторожей. И они оба пьяные в хлам, на ногах не стоят, валятся. Как они за час сумели напиться? Их положили на скамейки, лыка не вяжут. Александр через слово лепечет по-нашему: «Абантура чаптахша» («Говорит Абантура»), а Афанасий свое: «Матка боска». «Ничего не помним». Дескать, угостил кто-то или подсунул, а кто — шут его знает. Уволят их.

А врач милицейский говорит: пустые две бутылки водки, анализ покажет, не подмешали ли туда какой отравы. Очень на то похоже, один в один, а пожарные говорят, поджог сто процентов. Солярку разливали по всем четырем углам и на входе...

— Посмотрели мы кино, — сказал Павлик. — Кто ж это сделал? А Анатолий был?

— Был. Злой, мрачный. Впервые услышал, как он сматерился. Сказал мне: «Догадываюсь, кто спалил. Но поди докажи. Попробую сам, если милиция улики не сыщет... Но у них не пытаются, а я буду пытаться...» Вот так.

Попили с ним чай, сыграли в шашки, разошлись. Павлик взял с книжной полки том Пушкина, прочитал первую главу «Онегина». Кто же... Виктор! Отомстил Анатолию.

К маме пришла соседка. Они посудачили о том о сем, и Павлику стало холодно, когда он услышал от соседки:

— А Погожие-то съезжают. Его переводят во Владивосток. Вещи начали паковать. У них немного: обжиться времени не хватило. Судьба военных какая нелегкая! Девочки уже в третью школу пойдут, тоже не подарок...

Павлик лег и снова раскрыл «Онегина». Прочитал вторую главу, третью главу. Синий сарафан плыл по страницам. Заснул очень поздно, разволновал пестренький денек (сколько их еще будет, дружок!).

Но выспаться не удалось, не дали выспаться.

10.

В понедельник, в семь утра, в их дверь замолотили с таким грохотом, будто хотели ее выломать. На пороге стоял Ричард Николаевич Думский, собственной персоной. Его встречала негодующая мама, впрочем сменившая гнев на милость:

— Какой сюрприз!

Она, как и многие, уважала его и побаивалась. «Сталин встал из гроба».

— Где ваш мальчик? — рявкнул Думский, не здороваясь. — Он мне срочно нужен.

— Спит мальчик. В его возрасте мальчики спят дома и обнимают подушку.

— Ради бога, разбудите. Он должен мне немедленно показать место находки.

— Бога ради, пожалуйста. Наука требует жертв, понимаю, — с доброй иронией сказала мама. — Может быть, чаю или кофе попьете, пока он оденется и умоется, зубы почистит?

— Не до того, милая мама. Потом умоется. Попишет — и вперед.

Галина Петровна дозвонилась ему поздно вечером, когда он вернулся затемно с раскопок — в воскресенье! — из Богградского района. Он прибежал к ней за три километра — жил он, как и Анатолий, около речной пристани — в начале первого ночи и не спал всю ночь. Глаза красные, сапоги грязные, немолоденький, с желто-зеленой гривой.

...Они спустились в котлован.

— Где?

— Вот здесь.

Он не спрашивал, что Павлик и Сережка делали в котловане. Зато прошерстил вместе с мальчиком всю богоданную территорию. И ушло на эту скрупулезную процедуру часа три. Котлован был просторный, и работали тоненькими прутиками. Ничего не нашли.

Потом Ричард Николаевич повел Павлика в музей на задворках школы и потребовал написать свидетельские показания. Мальчика потряхивало от недосыпа, но он охотно, со тщанием исполнил повеление археолога, умолчал только о курении.

— Молодец, видно, что сын интеллигентных родителей, — крикнул Думский. — Бесценное открытие! Какие-нибудь американцы отвалили бы за него сумасшедшие деньги! А мы им — кукиш!

— А покажите мне их, Ричард Николаевич, — попросил Павлик, — когда их еще и увижу.

Думский сел за стол, оглянулся на Сталина, выдвинул ящик, что слева, и достал китайскую жестяную коробку. В ней, закутанные по отдельности в розовые пеленки, и пребывали находки.

— Молодец, — повторил Думский, — но полюбовался, и будет.

Убрал коробку в ящик, закрыл его на ключ, подарил Павлику три китайских же теннисных шарика — как знал — и отпустил домой...

Павлик решил не досыпать. Стояло уже позднее теплое утро. Он хотел увидеть Анатолия. Нужно было ехать на автобусе до пивзавода, неблизко. Автобусы ходили редко. Ну и что? Полчаса ожидания. Мелочь имелась.

Дольше пришлось дожидаться на самом заводе, Анатолий развозил пивные бочки и, как всегда щеголеватый, явился к обеду. Удивился. Повел с собой в столовую и купил Павлику то, что было редкостью в городском общепите: борщ, гуляш с макаронами, чем растрогал растущий организм напарника. Присели. Опрятненько, цветы, прозрачные шторы. Пивзавод процветал.

Сначала они поговорили о пожаре в парке «Орленок». Анатолий кипел.

— Мне Саша сказал, что ты знаешь, кто поджег. Кто? — задал Павлик свой главный, жгучий вопрос. — Виктор? Господин?

— Господин? — усмехнулся Анатолий. — М-да, ничего я тебе не скажу, друг ситный, и не надейся. Извини, брат, ты мал. Тут ответственность за тебя. А то нет-нет да и проболтаешься. Опять же и я не до конца уверен. После, после. Не от меня узнаешь.

Павлик приуныл. Но вострепнулся и рассказал Анатолию про находку, про Думского, про то, что американцы какие-нибудь дорого бы дали за эти глиняные мордочки.

— Романтика настоящая, — загорелся Анатолий, — две тысячи лет назад! Жили люди, воевали, мирились... Говоришь, может, они муж и жена. Наверное, из любви они эти мордочки — свои! свои! — вылепили. Небось, жили бедно, да не вредно, с огоньком. Не то что сейчас. Гуси — нелюди, хамье, мелочные, вздорные. Рыла к небу не поднимут. А подавай им коммунизм на подносе.

— А будет коммунизм, веришь? — взволновался Павлик.

— Не знаю. Сомневаюсь, что с этими... Не знаю. Вопрос электрический, политический. Кто-то давно сказал, Горький что ли, Сладкий: «В жизни всегда есть место подвигу». А в нашей жизни найдешь ли место, о котором на плакате в «Орленке» написано? Я тебе так скажу: хочу орден получить настоящий, по-настоящему. Искалечиться готов, погибнуть! Но не пойду на какую-то работу, где наградят через пятьдесят лет. Я хочу сейчас, молодой да горячий... Чтобы меня за подвиг *сейчас* уважали, чтоб любили настоящие женщины...

Павлик слушал его как завороченный. Он знал, что Ковбой не женат, помнил про слухи о нем, но знал, что по утрам в любую погоду он переплывал Абан трижды, туда и обратно...

Возвращаясь домой, он встретил на улице мужа Галины Петровны Евгения Семеновича. Тот шел после обеда на работу в «Орленок». Поздравил Павлика с «двумя достижениями» («Бог Троицу любит»), засунул ему в карман папиросу.

— Евгений Семенович, как вы считаете, коммунизм наступит? Или так ободрают, трындят? — спросил Павлик.

Вопрос, видно, не понравился Евгению Семеновичу.

— Только этого мне не хватало, — медленно выговорил он. — Поживем — увидим. А я в своей жизни всего насмотрелся. И верю, умный ты малец, исключительно фактам. Главное — готовы ли люди? Не знаю, а знаю вот что, заруби себе на носу: впредь никому не задавай вопрос про коммунизм. Отшлепают, и ваших нет.

— А Галина Петровна, кажется, верит.

— А Галина Петровна, моя жена, не побоялась за меня замуж выйти. А у Галины Петровны такая работа: верить. Я тоже в свое время верил, но один хрен, всё едино посадили за вопросы. Да на двенадцать годочков... Пока, в воскресенье увидимся.

11.

В среду на маленькой проплешине за огородом соседнего двухэтажного дома собралась дюжина ребят разных возрастов, от седьмого до десятого класса, чтобы поиграть в футбол. По бокам — огородное прясло и задняя стена длинного, загадочного сарая; в роли ворот с одной стороны — холодный выбеленный сортир, с другой — вделанная в изгородь столешница.

Разделились соответственно возрастам и умениям и наметили играть до десяти голов. Растягивались такие матчи до двух, а то и до трех часов, как ни коротка площадка: футбол любили, в футболе разбирались, и голы забивались заслуженные и трудовые. Случались эксцессы. На юге, как упоминалось, могли разбить окно в «Кулинарии», нередко со штрафной потерей мяча в пользу детей продавщиц. На севере пробравшиеся в сортир обитатели двухэтажки испытывали раздражение, гнев, когда мяч с силой вонзался в дверь, которая охраняла их приседания над бездной. Как-то раз после удара пронзительной мощи в двери подскочил крючок, дверь распахнулась, и миру предстал беззащитный сиделец, матерщинник дядя Петя — и наслушались от него. Однажды попали мячом в голову милой пожилой Марии Галактионовны, и она, не поспевшая юркнуть внутрь заведения, упала в обморок. Перепугались страшно. Но обошлось, и Мария Галактионовна их простила.

Сегодня, поскольку как-то не удавалось собраться с полмесяца, бились со свежим азартом и взаимной симпатией — соскучились и по футболу, и друг по другу. Павлик играл неплохо, владел дриблингом.

И носились-носились указанную пару часов, команда Павлика проиграла — и по доброй традиции, делясь мелочью, направились в «Кулинарию». На чистом воздухе аппетит набегали волчий. Перелезли через забор, вышли гуськом к ступенькам и... увидели новую вывеску: «Трикотаж».

На крылечке стояла хорошо знакомая продавщица, цыганка Земфира, лет сорока. Печальная, как поздняя осень. Мальчишки окружили ее: «Что такое, что случилось, что за издевательство, мы же всё раскупали. Пирожки, маковые рулеты, слойки!» И печальная Земфира сказала им:

— Конец «Кулинарии», золотые-любезные. Сообщили: «Сырья нет, нечем вас снабжать», а вещают, голосят: «Коммунизм! Коммунизм!»

Буду трусáми женскими, до коленок, торговать. Спасибо, что на работу взяли. Коммунизм!

И с видимым отвращением зашла в магазин. Павлик получил новый урок по поводу шаткости высоких слов. А «Кулинарии» уцелели в немногих избранных городах СССР.

12.

А в субботу он попрощался с Надей. После, ночью, плакал в подушку, сидел совой на балконе, а тогда, днем, сидел сычом на скамейке, ждал Надю. Въезжает во двор маленький чихающий автобусик, выходят два солдатика, мелких, как корнишоны, ныряют в подъезд. Выныривают с вещами, тюками, матрасами. С ними носит небогатое добро и сам Погожий. С сумками выходит его жена, со всякой мелочью — Надя и Оля. Они — в брючках, кофточках, смотрят перед собой. Оля веселая, предвкушает путешествие на Дальний Восток. Надя не предвкушает.

Павлик окаменел. Он знал, что отъезд неминуем и прощания не отменить, но одно — знать, и совсем другое — видеть.

Погрузились быстро. Он не выдержал, пошел к подъезду, ближе к Наде. А Надя уже зашла в автобусик.

У двери Павлик оглянулся. У него прыгали губы. Надя выходила из автобуса и шла к нему. Он зашел внутрь и прислонился к батарее. Скрипнула дверь. Надя зашла в полумрак и встала на первой ступеньке. Выпрямилась. И сказала ему:

— Я вас любила. И любовь, быть может,
В моей душе погасла не совсем,
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.
Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была.
И я любила вас; и что же?..

Павлик робко переступил к ней. Ему хотелось взять ее за руку, поддержать, поцеловать руку. А в губы? Хотел бы, но не знал как, он никогда в жизни не целовал любимые губы...

Он хотел что-то самое нежное высказать, но Надя подняла ладони — и остановила его и словно запечатала рот. Повернулась и вышла на улицу, бережно притворив дверь. Он услышал, как хрюкнул автобусик, как не торопясь поехал к воротам. Он долго стоял в полутьме у входа. Наконец, поцеловал дверь и, считая ступеньки, поднялся к себе. *Всё.*

13.

А завтра, в воскресенье, небо расщедрилось на настоящий ливень. Что не помешало ребятам всем скопом собраться в зеленом павильоне. Ливень, искрящийся, хрустальный, не помещал приехать и мокрым

насквозь гостям-теннисистам из Черногорска и Мирусинска. У них, у этих пар, репутация была высокая, и они ее оправдали.

Однако черногорцы бездумно подвыпили, потеряли реакцию и обрекли сами себя на поражение — 2:0, 2:0. Павлик был огорчен, но и ожесточен гореванием, а значит, собран.

Мирусинцы были трезвы, уверены в себе, опытные. Развернулся спектакль в девяти сценах. И все-таки родные стены, преданные патриоты-болельщики сыграли свою роль. 2:1, 1:2, 2:1.

Болельщики дымилась и в прямом, и переносном смысле.

Побежденные добродушно жали руку Анатолию и обнимали и трепали за уши Павлика. Анатолий был невесел, напряжен (что тоже положительно сказалось на его игре) и, оглядывая скоп, забыл, что он звезда Абантуры, и явно искал в толпе кого-то. Виктора?

Виктор сегодня не появился. Он «отовсюду исчез», удивлялись и переживали его подданные.

Потом ливень прекратился, и взрослые отправились выпивать в кустах акаций за павильоном. Ребята расходились, оживленные и словоохотливые. Павлик прислонился к перилам, спиной к ним, и каждый земляк, радуясь за него и сочувствуя его неведомой грусти, трогал его плечо или гладил по спине.

Оставшись один, Павлик выкурил сигарету и встал на пороге павильона, собираясь в недалний путь домой, словно на переправе, от берега до берега.

Запахло зеленым миром. До него доносились добродушные от полноты впечатлений возгласы из кустов, они сообщали о том, что люди могут быть братьями на самых скромных основаниях. Сквозь густые, щедро, привольно разросшиеся кроны старых лип проступала наливающаяся лазурь неба. Воздух был чист, он светился. Он веял короткими ласково-ненавязчивыми репликами: подыши мной, не горюй, я с тобой, всё впереди.

Обнаружилось, что липы перед ним все разные, как люди-человеки, но отборно хорошие человеки, которым дано хорошее настроение.

Он слышал, как за липами промывтому асфальту постукивает обувь прохожих: никто не торопился, никто не хотел нарушать подаренного ливнем порядка вещей. В нем и люди, и липы, и мокрые птицы на ветвях и крышах, и убогий павильон уравнились в правах.

Хотелось быть. Хотелось приобщиться. Это было открытие.

14.

В следующее, последнее для Павлика воскресенье в парке, он перенес новую, тяжелую, решающую утрату.

Он напрасно ждал Анатолия. Вместо него, как на замену, в павильон возвратился Виктор с размытым желтым пятном на лице, слева. То был плохой знак, дурное знамение. Удрученный Павлик сидел себе молча среди шатии-братии. Теперь ему подчеркнута уступали почетное место на скамейке, рядом с урной.

Виктор зашел по-хозяйски, несвойственной ему развалочкой и с демоническим оскалом. Он походил по павильону вдоль и поперек, из угла в угол, как собака, метящая свои уголья.

Навис над Павликом:

— Ждешь? — и замахнулся, припугивая.

Павлик кивнул. Он *догадался о беде*. А Виктор схватил за ворот и выдернул его — не защищенного уже — со скамейки.

— Не дождешься? Понял? Вон отсюда, Клопик вонючий! И никогда сюда не приходи! Ха-ха, посадили твоего Анатолия!

И толкнул к выходу, занося ногу для пенделя. Скамейка вяло взвизгнула. Виктор не стал пинать Павлика. Его спасло ленивое великодушие триумфатора. И Павлик ушел, раздавленный потерей и недоумением.

Некие врата перегораживали ему путь, они захлопнулись, массивные, кованые.

15.

Через неделю, небывало длинную неделю, к нему забежал возбужденный Сережка Галанин и рассказал следующее.

У него есть дальний родственник, милиционер Миша. Вчера он приходил к Галаниным в гости, на юбилей отца. Отцу стукнул «полтинник». Миша, подвыпив как следует сержанту правоохранительных органов, поделился с отцом «закрытой информацией».

Это случилось на балконе, понятно. За курением и дополнительными возлияниями над клумбами львиного зева и левкоев, куда улетели две пустые бутылки от портвейна. Пока их осушали, Миша и делился, как чукча, у которого от чума и до чума расстояние в две трубки. («Ох и болтлив, как всегда, Сережка».)

Речь шла об Анатолии. За ним давно следили. Он проходил по пяти эпизодам, а улики не имелось. Но недавно ограбили магазин на Чертыгашева — дождались, когда сторож бегал к своей подружке, — и кто-то из злодеев обронил свой ключ. Пальчиков не было, ворюга работал в перчатках.

Прежде прочих подозревали Анатолия. И сделали так. Он отправился на работу, матушка засемила в магазин. Подошли к двери. Ключ был редкий, фигурный, на заказ произведенный. («Анатолий!») Проверили — открывается замок или нет. Открывается! Открыли, закрыли, смылись. Он!

Месяц его пасли неотступно, где, что и как.

— Он, Миша, и про теннис рассказывал, и про вашу пару непобедимых, дескать, Анатолий с каким-то мелким всех крушили. Там, в парке, по субботам, по воскресеньям, сидел свой человек, пацан деревенский. Ну, в итоге. Заметили, что Анатолий крутится около музея. Ага. Устроили засаду и взяли его в кабинете директора.

Паша, а ведь он прихватить хотел нашу находку. Миша сказал, головки какие-то доисторические. Всё-о-о. А ты: «Анатолий, Анатолий». И знал же он, где они припрятаны, и вообще — о них. От тебя?

— Нет, — ответил Павлик, подобный проколотой шине. Не потому, что разоблачат, что говорун Сережа разнесет. Ему было теперь все равно, и сам разговор был ему горше зубной боли. Хватит!

А Анатолий промолчит, он ковбой. И как ни провинился, ни предал его, Павлика, останется ковбоем. Прощай, Анатолий. Спасибо за праздники.

16.

К концу лета были прочитаны «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Повести Белкина» и «Медный всадник». К вящему изумлению мамы, Павлик научился стирать носки, чистить башмаки, жарить глазунью и гладить рубашки.

Он сожалел о том, что у него нет фотографии Нади, и понимал, что, может быть, так и нужно: Надю он больше не увидит. Важно, что она была.

С середины августа, когда ночные посыпались звезды, Павлик сошелся на горке с учителем астрономии тетей Люсей, дочерью гостиничной тети Вали. Тетя Люся спасалась от разочарования, брошенная женихом-дураком. У нее имелся телескоп с тридцатикратным увеличением, и они рассматривали планеты. Белок Венеры, медный гонг Марса, далекий-далекий Юпитер со свитой из четырех спутников. И с особым вниманием разглядывали Луну. Близкую-близкую, согретую Солнцем, с ее норами-кратерами. Тетя Люся, высоченная волейболистка, наклонялась к нему и увлекательно повествовала: «Наступит время, и мы с тобой, Павлушка, побываем на Луне». А он бестактно отвечал ей: «И ты, тетя Люся, выйдешь замуж за лунатика».

А потом, прозябнув под сырým ветром, шли спать, и спали великолепно, с космическими снами.

17.

В начале нового учебного года состоялась, как положено, первая репетиция школьного хора. Павлика в пятом классе назначили солистом. Вместе с Родькой Данненбергом, сыном сосланных баптистов, они исполняли радостную песню «Пусть всегда будет солнце!».

С нее и началась спевка. Гаврила Иванович, их повелитель с шикарным баяном, из сосланных западенцев, внимательно, морща широкий нос, прислушивался к Павлику. Павлик почувствовал неладное, он сам был недоволен своим пением и не мог уразуметь, почему ему не поется, не даются верхние ноты и откуда берется хрип.

И Гаврила Иванович, добрейший человек, стесняясь, заключил:

— Павлó, у тебя ломка голоса. Налицо, на́ ухо. Родя еще держится, а ты вставай со всеми. Не беда, это естественный процесс. Еще запоешь.

Естественный так естественный.

18.

Приписка. Много лет спустя. Я, бывший Павлик, работал в библиотеке. Мой сосед по кабинету, Андрей Яковенко, кропотливо и с увлечением собирал справочник «Золотые Звезды героев» на потомском материале. Краеведческий.

И в один прекрасный день мне пришло в голову вспомнить о Герое и узнать, когда, где и какие подвиги он совершил. Интернет, с помощью Андрея, выдал мне лаконичную, емкую информацию. Мой взгляд наткнулся на даты рождения и кончины Ивана Ивановича. Оказалось, что он ушел из жизни не в Абантуре, а в Прокопьевске и прожил еще целых восемь лет после того, как якобы замерз на столе в зеленом павильоне.

Ай да полковник Петр Иванович Забабурин, ай да... Как он уговорил коллег-прокопчан приютить Ивана Ивановича, чем расплатился за это? Не тайменями же? Или тайменей было невиданно много?

А уволенные сторожа, Александр и Афанасий, с их враньем? И сумел же кумир моего детства Петр Иванович заставить их, непутевых балалаек, во-первых, озвучить легенду (что несложно), а во-вторых, помалкивать в тряпочку, не выдать тайну (что невероятно). Жизнь состоит из сюрпризов и удивлений. И бесконечных потерь.

Галина ШЛЯХОВА

ЖИЛИ-БЫЛИ, ПРОЖИЛИ...

Р а с с к а з

Ранним июльским утром, когда знойная масть еще не накрыла деревню, к берегу пришвартовался почтовый катер. В это время Ефросинья Викентьевна, схватив замызганный подойник, торопилась на ключ. Мужская часть ее семейства, изнемогая от вчерашней браги и соленой черемши, понужнула маманю за водой. В свое время Викентьевна не позволила сыновьям ожениться — никакая невеста не могла устроить ревнивое материнское сердце, и находились разнообразные основания для отказа в благословлении: одна срамовка¹, вторая халда, третья засранка, четвертая того хуже — остоятка. Шли годы, драгоценные сыны вышли из жениховской поры, так и не вылетев из родительского гнезда, заматерели, пристрастились к горькой; а питание, оно стыд и совесть в человеке напрочь вымывает, вот и осталось в них от прежнего почтения к матери с пригоршню на троих.

— Сама виновата! — часто говаривал ей супруг Василий Петрович. — Нарожала и выпестовала лихоимцев!² Все бегала глотку за них драла, и звон че выросло! Мало я им кости считал, все тебя, язвы в душу, слушал, заступницу! А их не перстами крестить, а ухватом ломить положено было!

Сгорбатившись и резво семеня сухими ножками, поминая Божью Матерь и святых угодников, Викентьевна выбежала на угор. Глядь, а там катер, телеги, народ грузит что-то...

«А солнце, как на грех, прямо супротив и в глаза бьет, ну ничего не видать! Обождут дитяти малость...» — подумала Викентьевна, раздираемая любопытством, и вместо извилистой тропинки к ключу направилась торной дорогой напрямиком к телегам.

Судно разгружали четверо ребят, молодые зубоскалы, они шустро сбегали по трапу и складывали странные металлические конструкции, напоминающие то ли мельничные лопасти, то ли волокуши для сена,

---

¹ *Срамовка* — женщина, опозорившая себя, потерявшая честь. *Халда* — скандальная женщина, хамка. *Засранка* — здесь: неряха, плохая хозяйка. *Остоятка* — женщина из малочисленных коренных народов Севера (на Енисее в просторечье всех представителей таких народов — кито, селькупов и т. д. — называют остояками). — *Здесь и далее примеч. авт.*

² *Лихоимец* — здесь: творящий лихо, т. е. зло.

какие-то железные ящики, мотки проводов... Заметив Викентьевну с пустым ведром, один из парней, Микитка, чертыхнулся.

— Ты чего, бабка Фрося, людям день портишь — пустым ведром да костями гремишь?! — Он поправил завязанную на бедрах тельняшку.

— Ишь ты! Суеверный сыскался! — язвительно ответила Ефросинья Викентьевна и, глянув на его мускулистый торс, подметила: — А сам-то, христопродавец, без креста ходишь и оголился, срамец! Загрызи тебя комар!

— А его слоновью кожу не прокусишь! — загоготал другой работник, Арсюшка, желая поддеть товарища.

Но тут с катера гаркнули в рупор:

— Аккуратней клади! И ногами шевелите! — и молодцы метнулись обратно.

Минут через десять разгрузка завершилась, катерок отчалил, по-сигналив на прощанье.

Парни торопливо увязывали поклажу, а любопытная Викентьевна бегала от одного к другому и кудахтала:

— Это чего это такого привезли? А? Чего такое-то? Ишь, оно чего!

Когда первая телега с ящиками и двумя приезжими инженерами медленно тронулась в гору, Микитка подмигнул Арсюшке и, обернувшись к старухе, заговорщицки прошептал:

— Это, бабка Фрося, привезли секретное стратегическое оборудование! Смотри, никому!

Викентьевна всплеснула руками и напряглась в ожидании главной информации, но Микитка, все тянул паузу.

— Да разве я!.. Да ни за боже мой! — затараторила бабка, крестя рот, но поскольку парень только многозначительно тарачил глаза, не сдержавшись, ругнулась: — Да не томи, ирод проклятуший!

— Ну вот те раз! — с наигранной обидой обратился Микитка к Арсюшке. — Я ей, понимаешь, как человеку: так, мол, и так... А она мне — ирод!

Викентьевна, оправдываясь, зашелестела:

— Да, Микитушка, я женщина в годах, не сказать и того хуже — старуха почти. У меня нить сердечная уж как волосок стончалась. От таких напряжений, не ровен час, оборвется — и каюк... А тебе оно нать — меня изводить?! Меня-то уволок на кладбище, а тебе потом жить с тягостью, что бабку до смерти довел...

Микитка слегка напрягся, но весельчак-балагур в нем возобладал:

— Тебя, Ефросинья Викентьевна, колом не уложить, ты еще нас переживешь. Вишь, как бегаешь — не догнать!

Бабка Фрося расцвела, ощерив беззубый рот. Хоть и сомнительная это была похвала, но все же комплимент, а она хоть и старая, но все же баба.

— Сядь! Кого болташь! — хихикнула она.

К разговору присоединился Арсюшка:

— Это, бабка Фрося, антенна!

— Кака така антела? Это еще каво? Почто? — Ефросинья Викентьевна уставилась на парней, почти не дыша.

— Космическая антенна, со спутником связь держать будем!

— А это че такое деется?! — с ужасом выдохнула бабка. — Война опять, что ли?

— Ты че такое говоришь, типун тебе на язык! — взвился Микитка. — Темнота ты, новостей не слушаешь! У нас теперь что? У нас мир во всем мире, мы космос покоряем! Гагарин уж почти двадцать лет как на орбиту слетал.

— Так нам-то тут на кой эта антела нужна? Уж не тебя ли запускать в космос будут? — недоумевала Викентьевна.

— А хоть бы и меня! — ощерился Микитка и, понизив голос, добавил: — Эта антенна для другого. Про инопланетян слыхала?

У старухи глаза округлились и поползли на лоб, а Микитка, переглянувшись с Арсюшкой, продолжил:

— С инопланетянами будем связь налаживать, с марсианами! Нам надо в этом деле капиталистов обогнать...

С угора отборным матом предложили поспешить, и Арсюшка с Микиткой, гогоча как два жеребца, оставили опешившую бабку в одиночестве.

На несколько минут Викентьевна будто окаменела, ее взгляд блуждал по ящикам с таинственным грузом. Лишь когда телеги скрылись из виду, она встрепенулась и, не помня себя, рванула к ключу. Поток студеной воды вернул старуху в реальность. Черпая ладонями, она плескала в лицо, ощущая, как с каждым глотком к ней возвращаются душевное равновесие и силы. Наполнив подойник водой, Ефросинья Викентьевна торопливо, почти скачками, направилась в деревню.

— Это ж, Бог мой, до чего дожились? — бормотала она. — Ведомо ли — антела! Вконец свет перевернулся... И все нейметя им, все по-божески не живется... Марсы одни сплошные в башке... Говорила мне бабка, что сказано в Писании: «И разверзнутся небеса, и опустится меч карающий...» — Она на ходу накладывала на себя крестное знамение и кланялась кому-то невидимому в пояс.

В свои шестьдесят пять Ефросинья Викентьевна уже считалась в деревне женщиной почтенного возраста, но должным уважением у односельчан не пользовалась, потому что была более чем словоохотливой. Нередко она оказывалась в неловких ситуациях, давала зарок не болтать лишнего, но живая вода в ней не удерживались совсем³.

Вот и сегодня Викентьевна с неудержимой страстью понесла по деревне весть, что «пришел в деревню стратегический катер и привезли на нем груз космический, не то спутник, не то корабль... одним словом, антелу, чтоб марсиан к православной... нет, правильной — к советской жизни сагитировать». Старухи с удовольствием слушали рассказы Викентьевны, сопровождая их то изумленными восклицаниями, то пространными рассуждениями о последних временах и близости Судного дня. Однако в большинстве своем подруги с сомнением отнеслись к ее

³ Так на Енисее говорят о людях, которые не умеют хранить секреты.

словам, и хоть при ней лукаво поддакивали и ахали, после посмеивались над ее бурной фантазией и умением складно врать.

Ежедневный круг обхода у Ефросиньи Викентьевны по неписанным правилам завершился у старейшей из ее товарок — Марины Евпатыевны. Бабка Марина называла свои лета «петушиным веком». Уже почти девяностошестилетняя старуха, проводившая на погост двух состарившихся детей, сохранила здравость ума и особую крепость духа, присущую людям, пережившим самые лихие годы. Высокая, сухая, не утратившая прежней осанки и стати, Марина была необыкновенно красивой и жизнелюбивой бабкой. Правда, всем, кто с ней общался, приходилось терпеть ее пагубную страсть к курению. Курила Марина Евпатыевна с молодых лет и всегда отдавала предпочтение самосаду и махорке, но последние годы из-за невозможности заниматься выращиванием табака перешла на папиросы «Беломорканал», которыми никак не могла накуриться.

Еще в сенях у Викентьевны сперло дух, и она оставила двери в дом открытыми настежь. Бабка Марина сидела за столом с чашкой крепкого, как чифирь, чая и заправляла в костяной мундштук очередную папиросу.

— Ты, девка, двери-то не хлеблянь⁴, комар налетит.

— Да, какой комар! У вас, Марина Евпатыевна, хоть топор подвесь. Поди, курите с рассвету, не унимаясь, — торопливо проговорила Викентьевна, усаживаясь к столу.

— И не говори, дева моя, — кивнула бабка Марина. — Вчерась, стало быть, подремала днем, а ночь пришла — и сна ни в глазу, лишь под утро сморило. И знаешь, видится как наяву, хозяин-то мой, сам Михаил Климович, вот как был, является! В сапогах, знашь, хромо-вых, в рубашке алого кумача, и над ём серафимы кружат. А он будто сам из себя радостный и мне вроде машет: «Поди сюда, Марушка!» Вот на том и проснулась... — Бабка Марина глубоко вздохнула, затянулась и на выдохе заключила: — Добрый сон! Знать, ждет ешо, помнит зазнобу свою... Даст Бог, уж недолго одной-то век вековать, скоро свидимся! — И она, в очередной раз набрав полную грудь дыма, погрузилась в воспоминания.

Викентьевна учтиво кивала головой, сгорая от нетерпения рассказать о недавнем происшествии. На ее счастье, бабка Марина вскоре очнулась от дум и, хитро улыбаясь, спросила:

— Че там, Ефросинья, в миру-то нового слыхать?

И довольная гостья тут же в красках, добавляя новые обстоятельства и фантастические подробности, поведала о делах межпланетного значения, свидетельницей которых она стала. Марина Евпатыевна с невозмутимым видом внимала словам рассказчицы, пуская облака едкого тумана. Когда Викентьевна завершила повествование и начала причитать о близящемся Судном дне, хозяйка резко пресекла ее мрачные прогнозы:

⁴ Хлеблянить — открывать настежь.

— Ты, дева, не блажи по-пустому. От суда Всевышнего никому не уйти, каждый придет к Ему на ответ, но в свой назначенный час. Что до антелы этой и индопланевтян, то новость, конечно, но не диво. Я на своем веку уж столько повидала, что ничему не ахаю. В молодости лучину берегла, а сейчас эвон — лампочка под потолком! А разве ж могло мне такое представиться? Жисть, она завсегда вперед шагат...

Она протянула руку к радио, крутанула реле, и из динамика раздались позывные передачи «Театр у микрофона». Бабка Марина крякнула и добавила:

— Ишь как! А ты — Судный день...

Слегка обиженная Викентьевна не хотела сдаваться:

— Не спорю с вами, Марина Евпасьевна. Да, новое все хорошо, все к лучшему, однако вы, как человек давних, праведных устоев, скажите: какого они рожна в небо-то лезут? На земле им дел мало?

— А кто знает? Поди, Бога ищут... На земле его не всякий узреть может, а в небе-то, мож быть, лучше видать.

Киномеханик Михай Спиридонович затянул галстук, надел соломенную шляпу, сунул под мышку скрученную в рулон афишу и крикнул:

— Я, Галочка, ухожу! Часа через полтора буду дома.

Из-за штор, разделяющих кухню и прихожую, появилась Галочка. Это была солидная дама лет сорока пяти, крупная, ядреная, про каких принято говорить: «кровь с молоком». На лице ее сияла необыкновенно ласковая, солнечная улыбка.

— Михеюшка, доброго дня, сокол мой! — прощбетала она и, поправив на муже галстук и шляпу, чмокнула его в щеку.

Сутулый и нескладный «сокол» умиленно вздохнул, расправил плечи и отправился на работу.

Михей Спиридонович и Галина Васильевна жили в согласии более двадцати лет. Так уж случилось, что Бог обделил их главным счастьем — детьми, зато компенсировал это безграничной, чистой, как в юности, любовью. У них было фантастическое родство душ: любой, кто хоть раз становился свидетелем их отношений, подмечал, что их внешняя, на первый взгляд, несочетаемость ничуть не мешала восхитительному, почти зеркальному сходству или, скорее, даже единству двух взаимодополняющих частей.

Михей Спиридонович прибыл в эту деревню двадцать четыре года назад. Сам он был из далекой Кемеровской области, из семьи шахтеров, но еще в раннем детстве заболел кинематографом. В юности он грезил актерской судьбой, знал наизусть все фильмы и по много раз, оставаясь один, проигрывал любимые сцены. Но его семья была бедна, да и сам он осознавал, что при всей пылкости природы его внешность и чуть гнусавый говор вряд ли позволят ему блистать на актерском поприще, оттого не рискнул ехать поступать в театральное училище в Москву или Ленинград, а выучился в Кемерове на электрика. Но, поработав пару лет на электроподстанции, понял, что совершил непоправимую ошибку. «Да, я не стал актером, я продал мечту. Но я не могу жить без кино

и, значит, должен идти путем, предназначенным мне судьбой!» — решил Михей, уволился с работы, окончил краткосрочные курсы киномехаников и, как положено настоящему герою, отправился на передовую кинопросвещения. «Не хочу сидеть на теплом месте и “крутить кино”. Моя задача — нести культуру в народ!» — писал он в своем дневнике, когда, сидя на ящике с кинопроектором, ехал на почтовом катере в маленькую северную деревню.

Нарисованные воображением двадцатипятилетнего киномеханика испытания сбылись с лихвой. Городскому жителю пришлось адаптироваться к сельскому укладу, но он стойчески терпел все невзгоды ради своей преисполненной великого смысла цели. Ведь Михей Спиридонович привез в деревню не просто киноаппарат — он привез свет искусства!

И надо же было звездам сойтись на небосклоне так, что юная Галина Васильевна, выпускница педагогического института, волей судьбы, проявившейся в послевузовском распределении, оказалась занесенной в эту глушь. Молодая, таинственная и небесно-прекрасная...

Конечно, их пути пересеклись.

С годами Михей Спиридонович укрепился в своем особом предназначении настолько, что сначала в шутку, а потом уже и без иронии именовал себя Прометеем культуры. Деревенский народ относился к киномеханику с почтением, однако за его чудаковатую внешность, исключительную ранимость и наивность приклеил ему прозвище Исусик.

У сельского совета царило необычное оживление: два приезжих статных мужика и местные помохи собирали замысловатую конструкцию из проводов и металла, взрослые зеваки и шпана висели на заборах, перешептываясь о телевидении, добравшемся до самых глухих уголков страны. Пришлые умельцы, полные горделивой важности, командовали деревенскими подмастерьями, а те, понимая, что участвуют в историческом событии, выполняли все команды безропотно и старательно.

— Господи Исусе! — перекрестилась в ужасе Викентьевна, глядя, как растет «антела».

— Глянь, бабка Ефросинья! — улыбаясь во все тридцать два зуба, воскликнул председатель. — И к нам телевидение пришло!

— Это еще чего такое, Петр Митрофаныч? — вытаращилась старуха.

— Добрая вещь, Ефросинья Викентьевна, добрая! Как бы объяснить...

Из себя телевизор вроде ящика, только крышка передняя из стекла, она экран называется. Вот на этот экран транслируется изображение. Раньше только радио слушали, а в скором времени будем кино прямо у себя дома глядеть!

— Кино... глядеть... — промычала Викентьевна, судорожно вспоминая события дня. И отчетливо представила, как вся деревня в очередной раз поднимет ее на смех.

«Эх ты ж!» — ругнулась она про себя и в этот миг заметила на крыльце сельсовета ничего не подозревающего Микитку. Он только что прикурил сигаретку и, весело щерясь, наблюдал за созданием антенны.

— Ах ты зубоскал, усмешник подлый! — взвилась Викентьевна. — Срамец бессовестный, охальник, лихоимец! Ишь, какое издевательство устроил над пожилой женщиной! Слышьте, люди, этот обалдуй меня до испугу довел — напел про антелу и марсианов...

Разгневанная бабка двинулась к шутнику. У Микитки от неожиданности изо рта выпала сигарета, он спрыгнул с перил и попятился с крыльца. Весь любопытствующий народ с осуждением глядел на незадачливого юмориста, а когда Микитка пустился прочь, проводил его смехом и свистом.

Михей Спиридонович слегка оторопел: казалось, что на центральной улице собралась большая часть жителей. Сначала он подумал, что это внеплановый сельский сход, но шагающий навстречу председатель счастливым голосом сообщил:

— Радостное событие, Михей Спиридонович, телевидение и до нас добралось!

— Да вы что, Петр Митрофанович?! Вот это новости! — вторя председателю, бодро воскликнул киномеханик, но тут же ревность остро кольнула его в самое сердце. Несколько минут он растерянно наблюдал за тем, как молодые, пышущие энергией специалисты собирают спутниковую антенну на глазах у восторженной публики.

Появление Михея Спиридоновича с афишей, похоже, не заинтересовало никого: все, как зачарованные, смотрели на телемастеров. Михей Спиридонович поежился от мгновенно накатившей волны холода, но тут же взял себя в руки и задорно прокричал:

— Внимание, внимание! Почтенные односельчане! Сегодня в восемнадцать ноль-ноль кинопоказ для детей — сказка «Василиса Прекрасная», а в двадцать один ноль-ноль — всеми любимая комедия для взрослых «Девчата»! Напоминаю, что вход разрешен лицам от шестнадцати лет и старше!

Односельчане встретили приглашение с должным вниманием, раздались одобрительные возгласы, и Михей Спиридонович, немного успокоенный, пошел дальше по улице, приподнимая шляпу в многочисленных приветствиях.

У клуба киномеханик наткнулся на Микитку. Тот курил и матерился. Михей Спиридонович решил незамедлительно провести воспитательную беседу. Он кашлянул и, когда Микитка оглянулся, сказал:

— Ай-яй-яй! Никита, Никита... И как же тебе не стыдно! На пороге храма искусств — и такие матюки загибать!

Но вместо ожидаемых извинений получил от обычно веселого и добродушного парня хамский ответ:

— А-ну вас к лешему!

Микитка исподлобья посмотрел на очередного воспитателя, смачно сплюнул и подался к берегу.

Обескураженный Михей Спиридонович захлопал глазами, его душа заныла от горькой обиды. Он не знал о причинах Микиткиной злобы

и оттого после недолгих раздумий пришел к выводу, что эта грубость есть не что иное, как утрата уважения к нему, служителю киноиндустрии, а причина — в открывшихся перспективах телевидения.

«Да! — печально размышлял киномеханик, открывая жестяные кинобанки и проверяя, целы ли пленки в бобинах. — Возможно, это закат. Теперь телевидение придет в каждый дом. Люди перестанут ходить в клуб...» Ему вспомнилась прошлогодняя поездка в родной Ленинск-Кузнецкий: полупустой любимый кинотеатр «Победа». И пусть в тот день лил затяжной осенний дождь и промозглый ветер срывал листья с кленов, Михея Спиридоновича обидело наличие пустых мест в зале на вечернем сеансе. «Да, бесспорно, телевидение — вещь хорошая и перспективная, — про себя спорил он. — Но ведь поход в кино — это не просто просмотр, это гораздо больше! Люди, уставшие от трудовых будней, празднично одеваются, приходят в кинотеатр парами, семьями, общаются... Кинотеатр объединяет, воспитывает, привносит в обыденность новизну!»

Когда погруженный в тягостные думы Михей Спиридонович склонился над тарелкой наваристого борща и начал рассеянно размешивать ложкой сметану, Галочка окончательно убедилась в том, что муж чем-то опечален. За годы их брака она так хорошо его узнала, что иногда, казалось, слышала его мысли.

— О чем так громко молчишь, Михеюшка? — спросила она так ласково, что услышь вы этот вопрос, тут же прослезились бы и поведали без утайки обо всех своих горестях и бедах.

Михеюшка поднял взгляд на Галочку, в его глазах читался извечный трагический вопрос о смысле жизни. Но, заметив испуг жены, киномеханик тут же заулыбался и с притворной легкостью, как будто между прочим, ответил:

— А ты знаешь, Галочка, скоро у нас в деревне будет телевидение. Представляешь, какая радость!

Галочка интуитивно угадала суть его переживаний.

— Слышала. Ну и что ж с того? Телевидение и телевидение. — И, отвлекая мужа от душевных терзаний, спросила: — А что там сегодня на вечерний сеанс? Так хочется в кино сходить!

— «Девчата», — на мгновение оживился Михей Спиридонович, но заноза обиды снова шевельнулась в груди. — В этом году «Девчат» присылали дважды. В январе и, кажется, в мае... Слишком часто, не находишь?

— Что ты! Ведь это же шедевр! Потрясающий фильм! В нем есть все — и дружба, и любовь, да еще какая! А юмора сколько! А какие актеры: Рыбников, Румянцева, Пуговкин... Нет! Это вечный фильм, ведь в нем правда нашей жизни.

Говоря пылко и страстно, Галочка вся будто наполнялась особым сиянием, и сердце Михея Спиридоновича забило чаще, а все тревоги и сомнения рассеялись как туман. Он с жадностью накинулся на борщ, а Галочка, подперев подбородок пухлым кулачком, умиленно смотрела

на угловатые движения мужа. Ей всегда нравилось смотреть на него. Когда он ел, смешно морщась от горячего, а его губы подрагивали в такт его мыслям. Когда он спал, ровно и глубоко дыша, и его лицо расслаблялось, становилось умиротворенным и блаженным. Она смотрела на него, когда он работал, тщательно, по линейке, вымеряя каждый миллиметр на афише. Он был необыкновенно аккуратен и педантичен, казалось, он не афишу на день пишет, а строит проект фантастического мира.

Следующая неделя, пока монтировали телевизионную антенну, не сказалась на зрительской активности. Каждый вечер в клубе был привычный аншлаг: еще задолго до сеанса крыльцо заполнено мужиками — гогот, байки; в фойе молодые ребята играют в бильярд, на подоконнике азартный шахматный матч; бабы уже расселись в зале, перешептываясь, и посмеиваются над очередным деревенским анекдотом; старики и старухи чинно занимают почетные места в передних рядах. А Михай Спиридонович обилечивает зрителей, отвечивая направо и налево такие же угловатые, как он сам, комплименты барышням, и ручкается с солидными гостями.

Михай Спиридонович знал свое дело виртуозно. Культпросвет — наука тонкая, и в ней нет мелочей. Он никому не позволял в храме культуры грубость и мат, не разрешал дымить в помещении и бросать окурки в неположенных местах. А еще заставлял местное население чтить никем не оговоренный дресс-код: попросту не пускал на сеанс лиц «ненадлежаще выглядящих» и никакие оправдания, что, дескать, только с покоса прибыл или из-под трактора вылез, не могли его смягчить.

— Будь человеком, Арсений! Пойди умойся, причешись, рубашку надень. Тут культура тебе, а не сарай! Что? Нет и еще раз нет! Не пуцу в таком обормотском обличи! Подумай, кому приятно с таким распустехой рядом сидеть?

Но потом, кашлянув, добавлял:

— Беги, я на пять минут сеанс задержу. Видишь, люди пока общаются. Как раз успеешь, ноги-то молодые.

По воскресеньям перед началом сеанса он обычно проводил небольшую «культ-информацию», сообщая интересные сведения о фильмах и актерах. Это были довольно косноязычные выступления, но народ невозмутимо и стойко переносил их в знак уважения к киномеханику и одобрения его просветительской миссии. Некоторые «культ-сообщения» были от многократности повторений уже заучены, и древние как мир старухи шевелили губами, опережая оратора. В финале киномеханик громко гнусавил что-нибудь вроде: «Да здравствует советское кино!» — и зал взрывался аплодисментами, после чего Михай Спиридонович слегка смущенно, но с видом великолепно отыгравшего спектакль актера поднимался в кинобудку и запускал фильм. Зрители смеялись, грустили вместе с его любимыми героями, а он зорко наблюдал сквозь маленькое оконце, кто из односельчан ведет себя неприлично: ходит

по залу, шумно стучит креслом, — и затем непременно пенял нарушителю, пока не слышал извинения и обещание исправиться.

Восемнадцатого июля началось тестовое телевещание. В домах в разных местах деревни были установлены телеприемники — маленькие ящички с крошечными экранами, кнопками и датчиками на корпусе. Один телеприемник установили в сельсовете, второй — на почте, третий — у председателя, четвертый — у начальника участка, пятый выдали директору школы, шестой — передовику производства, лучшему охотнику-промысловнику Зыряну Андреевичу Воропаеву. Еще пять телевизоров в деревне уже было: у приезжих новосельцев Микушко, учителя арифметики Зябликова, сельчан Маклакова, Вершкова и Горшунова.

В день начала вещания, в обед, у сельсовета состоялось торжественное собрание, где председатель поздравил жителей села с новой, телевизионной эрой и после сдержанных аплодисментов нажал кнопку «Пуск» на выставленном на крыльцо телевизоре. Экран мигнул, и на нем появилось изображение. В тот же миг раздался свист и бурные овации, а из толпы ринулась частушка:

— Эхма! Жисть пришла —
Не сойти бы с ума!
Телевизоры вещают,
Ново счастье обещают!

Призывно грянула гармонь, которую принес на сход счастливый Зырян Андреевич. Сначала несколько смельчаков неуверенно начали пританцовывать, но когда в круг выпрыгнула и заголосила частушки молоденькая секретарша Ирочка, вся деревня пустилась в пляс. Люди ликовали так искренне, живо и непосредственно, как ликуют дети и те, кто, и повзрослев, не утратил веру в чудеса.

Спустя десять дней Михей Спиридонович потерял аппетит и даже затемпературил.

— Как это так? — сокрушался он, лежа на тахте с мокрым полотенцем на голове. — Как такое может быть? На вечернем сеансе — двадцать свободных мест! Так и до пустых залов дойдет. Ну и что с того, что картина сегодняшняя третий раз за год в прокате? Ведь фильм-то хороший!

Галочка сочувственно кивала, мешая ложкой свежезаваренный чай с мятой.

— Ты представляешь, иду я из клуба — и то там, то сям вижу тащущих стулья сельчан. Интересуюсь строго, что, дескать, за мебельная лихорадка? И представь!.. Ты только на мгновенье представь, Галочка, — это они ходят по деревне телевизоры смотреть!

— Милый мой! Драгоценный мой! Михеюшка! Ты попей мятного чаю, успокойсь, — лепетала жена. — Ну походят, посмотрят. Пройдет новизна — и снова пойдет народ в клуб...

— А если не пойдет? — не унимался Михеюшка.

— Не может такого быть! Пойми, клуб на селе — это место особое. И во многом благодаря тебе, ведь ты не только кино крутишь, ты образываешь народ!

Михей Спиридонович неожиданно даже для самого себя резко перебил жену:

— Галя, стоп! Не утешай... Неужто я не понимаю, что недотягиваю со своим просвещением до уровня центрального телевидения.

Но та настаивала:

— Нет, Михей, увидишь мою правоту. Для сельского жителя душа важна, а душу сквозь холодное стекло не увидишь. Потешит люд любопытство, и будет все как прежде. Вот смотри, когда появилось кино, многие считали, что театр умрет, но театр жив и жить будет. Сейчас с телевидением то же самое... — И она взяла мужа за руку.

Михей Спиридонович крепко обхватил мягкую, теплую ладонь жены. Он желал обрести ее уверенность и безмятежность, но весь был полон тягучим и липким унынием.

Целую ночь киномеханик не спал. Он прохаживался по кухне, как запертый в клетке зверь, иногда что-то записывал на тетрадном листе, зачеркивал, комкал, писал снова... Дойдя до изнеможения, упал на табурет, дрожащими руками вынул из ящичка стола дневник и открыл его на первой странице. Его глаза наполнились слезами. Он начал читать — и с каждой страницей в нем все отчетливее просыпалось то молодое, неистовое чувство революционера.

— Да! — шептал он. — Я стал сытым и самодовольным. Я стал рыхлым, оттого что все шло просто и гладко. Счастье размягло меня, любовь избаловала, а народное признание выпестовало во мне гордыню. И вот первое за эти два десятка лет испытание — а я слег, занемог! Малодушный и жалкий трус!

Признавшись себе в слабости, он встал и громко сказал:

— Не бывать! — но, испугавшись разбудить жену, договорил шепотом: — Не бывать, чтобы я проиграл без боя! Мы еще повоюем!

И Михей Спиридонович начал разрабатывать план по привлечению зрителя на киносеансы. Когда основные пункты плана оформились, он написал в дневнике: «И все-таки из всех искусств важнейшим является кино!» Он и сам не понял, что в этой фразе ему удалось объединить Галилео Галилея и Владимира Ильича. Если бы сейчас Михея Спиридоновича судила инквизиция, он, как и Галилей, отрекся бы от всего (исключительно ради Галочки), а потом, поверженный, но несломленный, покидая зал суда, сказал бы: «И все-таки...» — и закончил бы ленинским постулатом!

Вот уже неделю Михей Спиридонович занимался реформой клубного кинопроката. Первым делом, памятуя о том, что реклама — двигатель торговли, он начал с особой тщательностью продумывать и готовить афиши, украшать их узорами, цветами, яркими картинками. Киномеханик не без удовольствия подмечал, как ребята и взрослые разглядывают его незатейливую «живопись». Да, теперь он тратил на афиши не двадцать

минут, а несколько часов, привлекая на помощь Галочку. Но что такое время? Сколько мы сжигаем его в праздных словах и мелочных заботах, а здесь оно работало на благородную цель!

Еще он повесил в фойе клуба стенд, куда регулярно вывешивал фотопортреты актеров советского и зарубежного кино. Эти открытки он собирал десяток лет, хранил как зеницу ока, но теперь заставил замолчать мелочный страх возможной утери (ведь многие мечтают заполучить в личный альбом карточку со звездой). Ну и самое главное, он стал ежедневно, прогуливаясь по деревне в обеденный час, заглядывать к сельчанам и лично приглашать их непременно посетить вечером киносеанс.

Галина Васильевна чувствовала себя человеком благородных кровей (и в большой тайне от всех гордилась своим далеко не пролетарским происхождением — ее предки в дореволюционные времена были успешными купцами): родилась и выросла в Красноярске, окончила институт. Она была интеллектуалкой, но не скучным книжным червем, а живой, порхающей диковинной птицей, то стремящейся ввысь — к высоким идеалам, то с любопытством кружащей над всякой житейской чепухой. Еще в день ее самого первого появления в школе все отметили необыкновенную, ангельскую красоту, подкупающее обаяние, завораживающее красноречие и фантастический вкус. Она выделялась эlegantностью не только на фоне простых сельских баб, но и затмила всех модниц деревни и на целые десятилетия стала местной законодательницей стиля. Все кокетки, приходя к портнихе Марии Иосифовне с заказом, непременно говорили: «Сшейте, голубушка, под Галину-Василису...» — так за глаза величали Галину Васильевну жители деревни, вкладывая в это прозвище народное представление о красоте и мудрости.

Галина Васильевна быстро поняла, что стала деревенским эталоном красоты, и относилась к этому легко и весело. Но годы быстротечны, а век женской красоты короток, как благоухание нежного цветка. Перелетев через сорокалетний рубеж, Галина Васильевна все чаще стала подмечать следы неумолимого увядания. Жесткие пегие нити проглядывали в ее вьющихся соломенных волосах; сеточка мелких морщин растянулась паутинкой на подвижном лице. Галочка стала тучнеть, походка и жесты теряли прежнюю грацию, а звонкий голос все чаще и чаще стал сипнуть по утрам. Вот и сейчас, проводив мужа на работу, Галина-Василиса размышляла над его переживаниями, глядя при этом на себя в зеркало.

— Да... — вздыхала она. — Ничего не стоит на месте. Прогресс, движение — это и есть жизнь, и на смену старому приходит новое... — И слово «старому» ее как-то особо резануло.

В дверь постучали.

Это была Ирочка. Она лишь два года назад окончила школу, прошла курсы машинной печати и сразу вступила в должность секретаря сельского совета. Ирочка действовала на перспективу, с интересом изучала делопроизводство, бухгалтерию и уже год заочно училась в техникуме. А сейчас прибежала за помощью в выполнении контрольной работы.

— Добрый день, Галина Васильевна! Вы уж простите, что беспокою, но так нужна ваша подсказка!

Галина Васильевна любезно поприветствовала гостью и пригласила в дом.

— Вот, — вздохнула Ирочка, располагаясь на стуле, — не слушала вас в свое время, а теперь маюсь. Разве в школе понимаешь, как важно изучение иностранных языков! А теперь не могу контрольную сделать.

— Хорошо, — снисходительно кивнула Галина Васильевна. — Но позволь мне, Ирочка, на пять минут уединиться. Знаешь, не могу в домашнем наряде, неловко... — И удалилась, дабы привести себя в порядок.

— Потрясающая вы женщина, Галина Васильевна! Я с детства изумляюсь вашей красоте и модности. Признаюсь, мы с девчонками еще в школе ваши наряды зарисовывали, а еще — вы только не смейтесь! — я как-то два дня перед зеркалом училась шарфик повязывать как вы.

От этих слов Галина Васильевна зарделась.

— И сейчас вы выглядите отлично! Вам ведь уже сорок пять? — со свойственной юности непосредственностью прямо спросила Ирочка.

От этого вопроса у Галины Васильевны похолодело в груди и заняло в животе, но, взяв себя в руки, она наигранно хохотнула:

— Нет, Ирочка, еще нет сорока пяти. Мне всего сорок... с хвостиком!

— Ну вот, вам сорок! Господи, как же это много... Но как вы выглядите! Максимум... — Ирочка немного задумалась и продолжила: — Ну максимум на... тридцать восемь!

Галина Васильевна вернулась в комнату. Тонкая шелковая блуза с кружевным воротничком и прямая парчовая юбка облегали плавные изгибы ее женственной фигуры.

Ирочка ахнула:

— Вам бы в телевизор, Галина Васильевна! Ну вы точно как диктор программы «Время»!

— Скажешь тоже... — лукаво улыбнулась хозяйка, радуясь произведенному эффекту.

— Вчера я ходила к Вершковым телевизор посмотреть, так там у дикторши блуза с жабо, рюши от воротничка до самого низа, а в центре брошь с камнем! У мамы брошка с камнем есть, а в магазине у нас есть гипюр в мелкий цветочек, вот я и придумала такую же блузу сшить. Сегодня снова к Вершковым пойду, надо все детали зарисовать.

— А если диктор будет в другой блузе?

— И ее зарисую! По телевидению столько фасонов модных посмотреть можно! И десяти копеек не жалко.

— Десяти копеек?

— Вершковы за просмотр телевизора по гривеннику берут, — махнула рукой Ирочка и открыла учебник. — Вот, Галина Васильевна, не понимаю, как сделать...

Когда счастливая Ирочка удалилась, Галина Васильевна расположилась на тахте, терзаемая противоречиями. С одной стороны, ей, как и Ирочке, нестерпимо захотелось хоть одним глазком посмотреть на дикторские наряды и обновить свой гардероб на столичный манер

к началу учебного года; с другой стороны, она не хотела обидеть Михея Спиридоновича, особенно сейчас, когда он находился в таком нервном состоянии. Но все же, после долгих раздумий и сомнений, она поддалась искушению и замыслила страшное...

Вечером Галина Васильевна нежно поцеловала супруга, провожая его на работу в клуб. Сердце ее при этом съезжилось от странного холодка, а голос совести шепнул: «Поцелуй Иуды!» После ухода Михея она еще минут пятнадцать мялась в нерешительности, но страх потерять статус Василисы Прекрасной победил. Повязав на голову газовый платок, Галочка поспешила задними дворами к Вершковым.

Люба Вершкова была самой серой и невзрачной деревенской бабенкой: ни красотой, ни статью, ни умом она не блистала. Зато муж ее, красавец Федор, с юности пользовался большим вниманием среди женского сословия и безоговорочно уверился, что любая, помани он пальцем, отважится на многое. Ох, не одной девке разбил он юное сердце! А женился на невзрачной Любе. Поначалу в деревне шептались, что, дескать, в тихом омуте... Мол, приворожила она красавца Федора. Но вскоре люди смекнули, что ни при чем тут ни колдовство, ни страстная любовь, а налицо исключительно стратегический расчет. Жена Федору была нужна тихая, безропотная, трудолюбивая, неприметная, чтоб, как говорят, на одну половицу ступала, а на вторую оглядывалась. В Любе этой кротости нашлось с избытком: день и ночь она мыла, чистила, скоблила, нянчила детей, работала по хозяйству и не просила у мужа ни ласки, ни заботы, ни подарков. Ну не жена, а сказка!

— Вы ли, Галина Васильевна?! — всплеснула руками Люба. — Даже и не думала вас увидеть. Вы ж с городу. Это нам, глухим, телевизор в диковинку, а уж вы-то, поди... Ну, проходите, проходите скорей! — Она искренне радовалась такой важной гостье. — Только фильм позже, сейчас новости идут.

— Любочка, я и пришла последние новости глянуть... — густо покраснела Галина Васильевна.

— Вы уж простите душевно, — промямлила Люба, стыдливо хлопая глазами, — но Федор наказал по десять копеек с посетителей брать...

— Конечно, конечно! — Галина Васильевна торопливо сунула хозяйке гривенник.

В тесную комнату набилось полтора десятка человек. Сидели на табуретах, стульях, прямо на полу и, как загипнотизированные, смотрели на экран. Шел репортаж о Кубани. Галину Васильевну потрясло увиденное, ей стало невероятно стыдно за убогость местного деревенского быта, но более всего за собственную — духовную. Она, самодостаточная, уверенная в себе женщина, настолько боится признать, что молодость прошла!

Конечно, Галина Васильевна не сбежала сразу. Собравшись с мыслями, она посмотрела на дикторов, подметила-таки детали нарядов. Через пятнадцать минут, по завершении новостей, она попрощалась с Любой и, почему-то лебезя и сама этому удивляясь, пролепетала:

— Вы уж, Любочка, не афишируйте, что я приходила. А то и впрямь — пришла, будто не видела телевизор ни разу! Просто радио дома сломалось утром, вот и решила сходить... новости узнать.

— Да что вы, что вы! — шептала Люба. — Приходите еще, мы вам всегда рады!

Федор Вершков, статный, плечистый тридцатилетний мужик, шкурил новую лавку. По его лицу струился пот, а вокруг кружилась мошка, но он не обращал внимания на неудобства, покрякивал, ловко орудуя наждачкой.

Михей Спиридонович, совершая свой ежедневный обход односельчан, поздоровался с Федором.

— Привет работникам кинопроката! — блеснул улыбкой тот и продолжил работу.

Михей Спиридонович уходить не собирался. Немного помявшись, он начал:

— Сегодня, Федор, картина вечером хорошая — «Белое солнце пустыни». Приходите с Любочкой. Я там фото новые в фойе развесил и информацию о жизни и творчестве Марины Ладыниной...

Но Федор только ухмыльнулся:

— Эх, Спиридоныч... По чести скажу — у нас теперь в дому каждый день кино, какое хошь. А насчет информации твоей... Жили мы без портретов как-то — и теперь проживем.

Михей Спиридонович даже задохнулся от негодования. Но он знал, что с людьми нужно все решать по-хорошему, а уж если ты заинтересован в человеке, то и подавно. Поэтому проглотил обиду и добродушно парировал:

— Ну что ты, Федор, — прямо уж какое хошь?! Неужто нынче этот фильм показывать будут? — и хитро сощурился.

Федор отложил доску.

— Эх, брось ты, Спиридоныч, канючить! Думаешь, не вижу, что бегаешь ты по деревне неспроста, неспроста афиши свои хохломой обводить принялся? — Он лукаво подмигнул.

— Я для красоты... — заволновался киномеханик.

— Ага! Для красоты! Это ты другим лапшу вешай, а я далеко не дурак, хоть и вырос в деревне этой дремучей! — Федор пронизывающим, цепким взглядом впился в Михея Спиридоновича. — Ты же всех зазывает, чтоб выручку поднять. Смекнул, что люд по телевизорам ходит, а не на твои фильмы, вот и забегал!

Михей Спиридонович буквально окаменел, только хлопал ресницами и беззвучно, как рыба, шевелил губами.

— Я тебя не осуждаю, — снисходительно продолжал Федор. — Я тебя с малых годов уважаю. Ты человек из города, образованный и сечешь, как прибыль варится. Выручка больше и план выполнил — тебе и премия, и грамота, и почет с уважением. А меж тем — где рублик, где два себе в кармашек в обход кассы — и глядишь, четвертной, а то и полтишок прибытку.

— Да ты что такое говоришь?! Да чтобы я... да я... — дрожащим голосом шептал Михей Спиридонович.

Но Федор не унимался:

— Ну будет глаза округлять! Ни в жизнь не поверю, что не тянешь из котла-то. — Он ехидно скривился. — А если не тянешь, то дурак, и черт с тобой! Я, к примеру, не стыжусь, что стремлюсь лишний рубль заработать. Для себя, для детей. Он лишним никогда не будет! И прихвачу где что плохо лежит... Вот, например, доску эту спер возле склада вчера вечером, а теперь это мое! — и ткнул в лавку.

— Это же воровство! — взвизгнул Михей Спиридонович.

— Какое воровство? Это государственное — значит, общее, а значит, и мое тоже! Оставили, не прибрали как положено — я не виноват! — И Вершков весело загоготал, видя беспомощность стареющего просветителя.

Горделивая спесь полезла из Федора.

— Я парень не промах! — произнес он, торжествуя. — Еще год назад телевизор из города привез. Знал, что и в эту глухомань цивилизация дойдет, но и не думал тогда, что такое удачное вложение будет. Вот лавку мастерю — как думаешь, для чего? На ней плотняком десяток зевак поместится, а это, почитай, рублик. А прибавь сюда стулья и табуреты — почти трешка за вечер-другой, как с куста!

— Так ты что, деньги с людей берешь? — ужаснулся киномеханик.

— А ты как думал? Нет, за так у меня в доме с утра до вечера топчут! Государству можно, а мне нет?

— Так это же незаконно! Это спекуляция...

— Ты чушь-то не мели! Я ничем не торгую, а то, что деньги за просмотр беру, так ниже государственной цены. У тебя вон киношка по двадцать копеек. И удобство людям предоставляю: человеку со стулом переться не надо!

— Какой ужас! — только и смог выдавить Михей Спиридонович, а когда Федор снова рассмеялся, грозно прогундосил: — Ты подлый делец, Федор!

Но тот на это лишь махнул рукой:

— Эх, Спиридоныч, а ты и вправду Исусик, недаром тебя за спиной так называют... Носишься, блаженный, с афишками, как с образами, только нету Бога твоего! Нет его! Мир прост и жесток — либо ты, либо тебя! Душевный ты человек, право слово, душевный, но дурак... Честно тебе скажу — дурак!

Киномеханик выпрямился и процедил сквозь зубы:

— А вот руки-то я тебе больше не подам!

Глаза Федора вспыхнули адским пламенем.

— А между прочим, Галина Васильевна-то вчера в гостях у нас была и тоже телевизор глядела.

— Врешь! Врешь все! — взвился Михей Спиридонович, сжал кулаки и кинулся к Федору.

Тот, заложив руки за спину и выгнув грудь колесом, двинулся навстречу.

— Да будет тебе! Ну хошь — ударь! — веселился он. — Да ударь, ударь! Может, полегчает.

Михей Спиридонович попятился, выскочил за калитку и пустился наутек.

— Будет шуметь-то попусту! Сначала у нее самой спроси, а уж потом в драку суйся! — прокричал ему вслед Вершков.

...Михей Спиридонович плелся по улице, не видя домов и людей. В его глазах сквозь застилавший их туман проглядывали то гадкое лицо Федора, то милое и прекрасное, но уже какое-то чужое лицо Галочки.

— Как ты могла?! — выпалил Михей Спиридонович с порога.

Галина смотрела на него глазами, полными раскаяния. Ее вчерашний поход, сродни предательству, обжигал душу чувством вины и скорби. Еще вечером она хотела признаться, но понурый вид Михея после очередного киносеанса с полупустым залом не позволил ей сделать мужу еще большее.

«Как теперь быть? Броситься перед ним, бледным и измученным, на колени, целовать ему руки, моля о прощении? Или применить женское лукавство и солгать, что это была просто разведка?» — В голове Галочки творилось нечто невообразимое.

— Как ты могла... — повторил Михей, полный горя и разочарования.

Его жену сковал ужас, в эту минуту она была готова отдать все, что у нее есть, свою жизнь и даже остатки былой красоты, лишь бы вернуть время вспять! Но совершенные поступки обратного хода не имеют.

— Не молчи, — умоляюще сказал Михей. — Ну скажи, скажи мне, что я дурак, бегающий с афишками Исусик... Так они меня, кажется, называют? Смейся с ними, смейся, что я неудачник, потративший жизнь на глупое донкихотство! — Плечи его дрогнули, и он заплакал горько и безутешно. Крупные горошины катились по его щекам; он силился удержать их, силился спрятать, но это были слезы разбитого сердца.

Галочка и хотела бы что-нибудь сказать, но не могла.

— Я ухожу! — Михей выпрямился и, отодвинув жену, решительно направился в комнату.

— Не пущу! — наконец надрывно закричала Галочка, прыгнула, как дикая кошка, и вцепилась в его плечи.

— Оставь! — Михей Спиридонович впервые в жизни оттолкнул Галочку.

Под ее горькие рыдания он быстро сложил в чемодан несколько смен одежды, зубную щетку, бритвенный станок, паспорт, а сверху бросил свой дневник. Закрыл чемодан и, сунув под мышку подушку, вышел из дома.

Ефросинья Викентьевна еще издали увидела сидящего на чурке у крыльца супруга. Василий Петрович оперся подбородком на клюку и тоскливо взирал на резвящуюся неподалеку ребятню. Завидев запропастившуюся куда-то жену, он грубо выругался, встал и вперил в нее уничтожающий взгляд:

— От она явилася! Всю деревню от верьху до низу ожгнула!⁵ И бежит, упиратся... Куды опеть тебя таскало, растыка?!

— Ой, Василий Петрович! — виновато заблеяла супруга. — Ходила не по своей воле, а с поручением. Тетя Тюня попросила всех наших собрать к ей на вечерку... У самой-то у ей ногу с позатого дня запоперечило...

— Ой ли? От врать! Видел я Тюню нынче, дрова она таскала, так на ногах, а не ползком! — В голосе мужа скрежетало недовольство. — Тебя разве можно по делу посылать? Ты какой человек? Видать, сама рванула сплетни в клубки сматывать!

— Вот те крест! — Викентьевна занесла руку наложить крестное знамение, но застыла. — А знашь, почему у тети Тюни праздник намечатся? Ейный сын телевизор вчерась ей приволок! С самой Москвы привез!

Василий Петрович хоть и взмахнул рукой в знак недоверия, но не упустил возможности посетовать:

— Вот у человека дети как дети! А тут, язви их в душу мать...

А Викентьевна продолжила:

— Будем нынче вечерять да телевизор глядеть!

— Ты там смотри у меня, не навечерься... А то я тя знаю! У Тюни завсегда брага ядреная, и подаст гостям как положено... А тебя ж только пусти брагу лакать. Век срам один получатся!

Викентьевна скукожилась:

— Уж и выйти в люди не могу... Уж и по стаканчику с другими бабами тяпнуть не положено...

Но супруг ее перебил:

— Будь тебе уже нудь разводить! Ступай, кто тя держит. Но гляди у меня: блюда себя и наружности не теряй! — И он многозначительно потряс костылем.

— Да что ты, Василий! Уж не посрамлю, уж не забалую!

— То-то же...

До самого вечера старик припоминал жене ее ошибки и оплошности с молодых годов до нынешнего дня. Викентьевна меж тем выуживала из сундука разные наряды, оглядывала свой потрепанный временем гардероб и благополучно складывала все на место, так как времени и желания привести вещи в порядок у нее не обнаруживалось. В итоге она пригладила на себе ладошками утреннее платье, накинула поверх него мужнин пиджак, нацепила стеклярусные бусы и газовую косынку, глянула в зеркало и, обильно смазавшись духами «Ландыш», в завершение надела поверх шерстяных носков лаковые туфли. Все время, пока она прихорашивалась и, довольная собой, дефилировала по двору, ее сопровождали едкие комментарии мужа:

— Ишь, кого вырядилась, срамовка! Камуса-то как тянет!⁶ Ишь ты, напялила конское копыто! Тьфу! Вертихвостка старая!

⁵ Ожгнуть — обежать с большой скоростью, так что пыль столбом.

⁶ Т. е. ходит манерно, ступает как по линейке на каблуках.

Но Викентьевна игнорировала эти хлесткие высказывания, изображая приступ полнейшей глухоты, про себя же украдкой посмеивалась: «Ишь ты, шумит! Ох, ревнует еще! Гляди-ка, раздухарился не на шутку!»

Со всех концов деревни к означенному часу в околоток бабки Тюни чинно шествовали нарядные старухи. В руках каждая несла сверток, или котомку, или ридикюль с гостинцем — угощением к столу: кто прихватил соленье, кто — варенье, кто — шматок сала, кто — горсть конфет. Полагалось и хозяйку отблагодарить за гостеприимство, и свое хлебосольство показать. Даже Марина Евпатьевна, надев коралловые бусы и обмотавшись огромным, как покрывало, шерстяным посадским платком, сунула под мышку литровую банку моченых яблочек, прикупленную для особого случая пару лет назад в плавмагазине.

Хозяйка расхлебянила двери — студила дом. На столе красовалась вышитая скатерть с кистями, блестела праздничная посуда: расписные тарелки и чашечки тонкого фарфора, стеклянные стаканы с золотым ободком, вилки и ложки червленого серебра из далекой дореволюционной поры. Соленья, грибы, рыба, ягоды, молодая картошка, свежая зелень — стол ломился от незамысловатых яств, дарованных северной природой.

— Ой, мои, проходите! Всё ли слава богу? И дай бог всякого благополучия! — встречала каждую гостью бабка Тюня, благодарно принимая приношения и тут же выставляя их на стол.

Вместе с ней хлопотала Викентьевна, напустив на себя важную деловитость. Она поправляла тарелки, сопровождала товаров по избе к виновнику торжества — укрытому кружевной салфеткой телевизору, а затем усаживала всех согласно рангу за праздничный стол.

Когда старушечий сход был в полном сборе, бабка Тюня вынесла из кути банку янтарной браги и принялась обносить подруг по кругу, начав с самой древней — Марины Евпатьевны — и завершив розлив на молодой Викентьевне, а гости охали и ахали по поводу ароматности и красоты продукта.

Хозяйка взяла в руки стакан:

— Ну, девоньки мои, чтоб не последняя!

И бабки, смеясь, начали чокаться и цедить божественный напиток.

Больше часу потчевались, ведя промеж питья и еды приятные беседы — перемывая кости местным гулякам и обсуждая последние деревенские новости.

— Слыхали, бабы, — прогундела бабка Аграфена, — наш Исусик, Михей Спиридонович, от Галины-Василисы ушел! Своими глазами видала: вчера по вечеру с чумаданом и подушкой мимо избы моей идет, а сам слезьми заливается. Я ему говорю: «Ты чего, парень? Стряслось чего?» А он мне так горько, знашь, так прям... ух!.. говорит... «Все!» — говорит. «Ушел!» — говорит. «И вообще, — говорит, — уеду отсюда!»

— Да ты что?! — поперхнулась Ефросинья Викентьевна. — А я и не слышала об том!

— Ой, девки, не иначе, снег пойдет завтра! — подмигнула хозяйка. — Наша Викентьевна да такую сплетню мимо пропустила!

Старухи дружно рассмеялись.

— А чего стряслось-то у них? — вращала глазами Викентьевна. — Мож, гульнула с кем наша Галина-Василиса?

— Будь болтать! — махнула рукой старуха Фекла. — Бегала она давеча до Вершковых телевизор смотреть, а Федька вчерась Михея и обсмеял. Анька, внучка моя, энто видала. Федор ржал, как конь, мол, культурные и важные, а ко мне ходите телевизор смотреть! А Спиридоныч оскорбился так, что бегом бежал от вершковского дома. Вот, видать, в сердцах и поскандалились они с Галиной.

— Ладный да хваткий парень Федька, но злыдень первостатейный! — сокрушенно покачала головой бабка Тюня. — Ох, попадетса он мне под руку, уж я ему чихвостку устрою! Будет знать, как уважаемых людей обижать!

Старухи одобрительно закивали.

— Желчной он человек, потому как без любви живет. Головой живет, не сердцем, — вздохнула бабка Марина. — Пойду, девы, у печки табачку понюхать, а уж опосля давай, Тюня, визер твой глядеть!

Марина Евпатыевна села на чурбачок, вставила папиросу в мундштук и жадно затянулась. Хозяйка чинно поднялась со стула:

— От, мои, сподобил сын мне телевизор!

Старухи одобрительно заохали, нахваливая заботливого сына и великие родительские достижения бабки Тюни, сумевшей воспитать превосходных во всех смыслах детей, на что та смущалась, но не оставливая приятные для уха всякой матери речи. Она аккуратно сняла салфетку, свернула ее, положила на стол, затем, довольно оглянувшись на подруг, провозгласила:

— Вот оно че! — и включила телевизор.

Влажной прохладой дышала июльская ночь. Марина Евпатыевна неспешно возвращалась домой. Вся ее жизнь прошла на этом пяточке земли. Там, за поворотом, на месте сельмага когда-то стоял дом ее деда, где она появилась на свет. А здесь, на бугре, где нынче стоит новая школа, раньше коптила кузня, в ней кузнечил тятя, а маманя посылала детей снести ему свежего кваса. А там, на берегу, где нынче под березами деревенская беседка, росла ветвистая рябина, у которой они миловались с Михайлушкой...

Погрузившись в воспоминания, бабка Марина и не заметила, как оказалась у беседки. Лишь услышав горькие вздохи, она пришла в себя и пригляделась. В беседке, взмахивая руками, что-то причитал киномеханик Михей Спиридонович.

— Эка брага у Тюни ядреная! — потрянула головой старуха.

Киномеханик вздрогнул и испуганно оглянулся.

— Доброй ночи, Марина Евпатыевна... — смущенно прошептал он и вытер рукавом влажные щеки.

Старуха вошла в беседку, села на лавку, выудила портсигар и, вставляя папиросу в мундштук, со смехом сказала:

— Ой, гляди, Михей Спиридонович, как бы опосля в деревне не сплели, что ты ко мне на свиданку от жены сбег!

Тот рассеянно улыбнулся:

— Да... У нас еще не то сплетут, только повод дай.

— На то она и деревня, — глубокомысленно вздохнула старуха. — Вот ты поводу и не давай! Ступай к жене, неча недругов веселить и у молвы на языке трепаться.

— Да как идти?! Как, Марина Евпатьяевна? Когда ударила в самое сердце, без ножа зарезала... — Михай Спиридонович заломил руки и обреченно опустил голову.

— Будь тебе че попало собирать! — осадила его старуха. — Молодой ты и глупый ешо! Гордыня и спесь в тебе беснуются. Ишь, баба визер сбегла поглядеть... И что с того? Я эвон сегодня тоже его глядела. Так чего, и от меня счас сиганешь, как от чумички?

Михай Спиридонович застыл. Он понял, что вся деревня судачит об их с Галочкой разводе.

— Невидадь какая... — хмыкнула Марина Евпатьяевна и затянулась.

— Так к кому она ходила! К этому беспринципному, наглому и корыстному человеку! — взвился киномеханик.

— Ишь ты какой! — засмеялась бабка. — Судить других всякий горазд! А ты поди человеку в душу загляни, с чего он такой. Вот оно че!

— Ну уж! — Михай Спиридонович возмущенно дернул плечами.

Но старуха только улыбнулась:

— Брось, Михай, брось! Не суди сурово. Всяк из нас слаб и грешен. Всяк из нас корыстен, ток по-разному. Одному денег алчится, другому — почтения...

Михай Спиридонович покраснел.

— Жисть она и есть жисть — суета сует, одним словом.

Бабка Марина немного помолчала и, выпустив струйку сизого дыма, поглядела вдаль, туда, где на просторе к горизонту спешил могучий Енисей.

— Вишь, река убегат? То-то! Ничего в миру нет вечного, всему свой срок отмерен. На отмершем былье порастет, а опосля новое родится. Придет время, не будет ни тебя, ни меня, и памяти о нас не останется, все утечет вдаль до последней капли...

Михай Спиридонович присел рядом со старухой.

— А ведь мы-то жили-были... и, как сумели, прожили...

Он грустно вздохнул.

— Ты брось мне, парень, тоску разводить! Живи, покуда живется, люби, покуда любится, и делай все по сердцу! — Марина Евпатьяевна встала и сурово сдвинула брови. — И ступай счас же домой! А то вам, мужикам-охальникам, тёмны похощенья в доблесть, а мне, женщине приличной, стыдоба с женатым по ночи беседы вести! — Старуха хрипло рассмеялась.

Минут десять Михай и Галочка плакали, обнявшись. В памяти Михея Спиридоновича мелькали самые счастливые годы жизни. Он вспомнил их первую встречу, когда хрупкая, таинственная Снегурочка октябрьским вечером появилась в крохотном холодном кинозале

и, словно луч кинопроектора, рассекла темноту его одинокой души. Это был их самый главный сюжет, в котором он стал героем, режиссером и сценаристом, а она — героиней, музой и главным зрителем. Как жаль, что не случилось им стать родителями... Много лет это было их молчаливой болью, но человек свыкается со всем, и они свыклись, и даже стали видеть в этом не злой рок, а некий тайный смысл — их жизни предназначены для других целей — и всю заложенную в них природой душевность и любовь посвятили друг другу и работе. Нет! На земле не было и не будет для Михея Спиридоновича человека ближе и нужней, чем его Галочка!

«Ну и ладно, что ходила! Пусть! Пусть! Пусть!»

Следующим утром Михей Спиридонович проснулся в приподнятом расположении духа. «Время неумолимо движется вперед, — записал он в дневнике. — Ну и ладно! Я буду верен своему сердцу и своему любимому делу».

Кинемеханик с достоинством прошел по деревне, приглашая жителей на вечерний сеанс, повесил новую афишу, заменил на стенде фотокарточки, проверил пленку и отправился до вечера домой. Проходя мимо доски объявлений, он заметил стайку чирикающей ребятни.

— Да это через копирку! — кричал конопатый Сашка, и ему вторили его младшие братья.

— Сам ты копирка! — спорила черноголовая Маринка.

— Сейчас тресну по лбу! — злился Сашка.

Но на стороне Маринки выступил самый рослый из ребят — пятиклассник Сережка:

— Карандашом рисовано. От копирки сажа по листу бывает.

Сашка засомневался, а Маринка, почувяв, что ее правда сильнее, еще громче запищала:

— Михей Спиридонович он же не только кино крутит, он же еще художник!

Кинемеханик зарделся от смущения и поспешил скрыться незамеченным.

Алексей ИВАНТЕР

ПРО КОТОРУЮ ЛЮБЛЮ

* * *

Зерно и жмых, ячмень фуражный... Ползут полуторки в Ростов под русский мат многоэтажный и рык голодных животов. Пора! Зовут передовицы на бой за щедрый урожай... Жара! И липнут ягодицы, хоть голым в город поезжай. Горячий пот съедает спины, и жар врывается в окно, где покорители Берлина везут колхозное зерно.

На трудодень дадут чего-то когда-то или может быть. А им бы в город на работу, вот только паспорт раздобыть.

Я слышу скрип и звук моторов сквозь тыщи мелочных примет необъяснимых, без которых, наверно, родины и нет.

* * *

Стоит в степи состав, устав.
И, отражаясь в самогоне,
Среди готовых вспыхнуть трав
В огне вагон на перегоне.

Молчат ночные поезда,
И громыхает за рекою:
Гори, гори, как та звезда
Сто лет тому над Каневскою.

* * *

Бытовку, стройку, проходную,
Завод, стройбазу, мокрый хлеб —
Судьбу обычную земную
Не выбирал я из судеб.
Не при дворе царя Саула,
А в непротопленном дому
Она нашла меня, согнула
По разуменью своему.

Но под молитву майна-вира
Среди разрытых пустырей
Открыл я середину мира
В семи верстах от Снегирей.

* * *

В Ростове старом, двухэтажном, где люд ремесленный в чести, где казачок один отважный скорняжил, господи прости! Где голубей несчетны стаи, а горностаи любят счет, где снег то выпадет, то стает, где Дон течет, среди каштанов и акаций, и рыбников и мясников, задолго до эвакуаций, ночных звонков — там, в полусне провинциальном, томленном летнею жарой, у дома бабки повивальной ночной порой, среди акаций и каштанов и бабьей мелочной журьбы, под свист студентов голоштаных — предтечи классовой борьбы, что водкой травят всю заразу и уважают хром и ял... — чтоб, наконец, закончить фразу, — я не стоял. Но все отчетливей и ближе через прозрачные века я силуэты эти вижу сквозь дымку легкую пока, спросонья веки поднимаю и без рисовки побожусь, что, кажется, не понимаю, где нахожусь.

* * *

Город, горящий за узкой рекой,
Кто ты такой?
Поле, где дым от межи до межи,
Чье ты, скажи?
Мальчик, поймавший горячий металл,
Кем бы ты стал?
Некто, паркующий ночью авто,
Сам-то ты кто?

* * *

Вспоминается из детства: няня, бабушка, трамвай, руки, липкие от теста, дядя Гриша-Наливай, привокзальные торговки: рыба, ягоды, грибы, в сельской кузнице поковки, кумачовые гробы, то каширская больница, то утопленник в Крыму, ночью польская граница за болотами в дыму. А за черными полями, за Кубанью, за Донцом, камышами, ковьями — ходит девочка с отцом. Со спины себя узнаю, что такое — не пойму, вон я дочку обнимаю девятнадцать лет тому. Вон я с сыном у лощины (отмотало тридцать три)... Без причины от кручины сердце тукает внутри. Ходишь, бродишь, колобродишь, то покуришь, то попьешь, песню старую заводишь, на окурочок поплюешь... То ли жизнь пришла в начало, не доехав до конца, то ли лодку раскачало, ламца-дрица-оп-ца-ца... Подойдет сосед щербатый, крупной соли при займет... То ли сонный, то ли датый, то ли бог его поймет...

Деревенские пейзажи, плоскодонка да река, и глаза шальные кажет
среднерусская тоска, лес да убранное поле, колоски поспелой ржи,
ничего не надо боле, только водки прикажи, только песню спой такую,
чтобы горло — как в петлю, про любимую, родную, про которую люблю.

* * *

С тупым упорством чрезвычайки,
Хватая мелкую тарань,
Через пролив летели чайки
В жарой томленную Тамань,
Дышали беглая свобода
И дух тимьяна и мочи,
Как в день кровавого исхода
На переправе у Керчи.
И вспомнил я живых и мертвых
И не представленных к звезде,
В шинелях битых и потертых
Плывущих в керченской воде.
Как люди мерзли и тонули
В завесе мелкого дождя,
От мертвой зыби или пули
На дно холодное идя.
Кислы блины в кафе у Мани,
Сладко с Кубани молоко.
Я б выпил горькую в Тамани,
Да больно ехать далеко.

* * *

Чем мы останемся, чем мы останемся,
Если с землею нежданно расстанемся —
Речью горячей — словечком резным,
Воздухом зрячим, бродячим, ржаным?
Слухом ли чистым, недреманным оком,
Спящим за Истрой свинцовым горохом,
Памятью долгой старух слободских
Наших грехов непонятно каких?
Пили мы много, а слушали мало,
Как напевала она и ковала,
Благословляла и тут же кляла,
Била под дых, на поруки брала.

* * *

Позалетошних свадеб затихающий звон
Колокольчиком сзади оббренчался вдогон,
Там, где черная птица над сухою сосной, —
Ничего не случится ни с тобой, ни со мной.
Сквозь июль многотравный ты запомнилась мне
Над рекой лесосплавной в православной стране.
Как свистела цевница сквозь смертей хоровод!
Как горела пшеница в огнедышащий год!
Катерок своедельный скорбных дат посреди
Плыл как крестик прицельный по солдатской груди.
...Так летит над Россией из канав торфяных
Смех летёх, что форсили, взмах платков кружевных,
Белый стерх полудённый, черный ворон ночной,
Мат над баней районной, пар над поймой речной...

* * *

На языке инога века,
Таком понятном и родном,
Поет воронежский калека
За зарешеченным окном.

Кукуй, досужая кукушка!
Свисти, хопёрский соловей!
Живет российская психушка
По конституции своей.

Народец, крепко стереженный,
И санитаров дефиле;
А он нездешний, он плененный,
Случайный путник на Земле.

На стенах вытерта побелка,
Но ведь оттудава сюды
Летит, летит за ним тарелка
С давно оставленной звезды!

И скоро новыми гостями
Опять пополнится дурдом,
Со световыми скоростями
Семь лет летевшими с трудом.

А утром выглянут селяне,
 Чуть матовый забрезжит свет,
 А на поляне, на поляне
 Больницы нет.

* * *

В государстве кузнечиков пахнет войной:
 взял сачок и бутылочку мальчик больной,
 он играет в морскую пехоту,
 он ползет через луг на охоту.

А над лугом гудит, а над лугом ревет,
 а в лугу диковатое племя живет,
 не отдаст ни травинки без боя,
 постоит за горбом нажитое.

...А за лугом ручей сладковатый бежит,
 а застреленный мальчик в ромашке лежит,
 наклонилась к нему полевица
 на горячую кровь подивиться.

И сияет батыр из башкирских степей —
 разбиватель оков и гремящих цепей,
 охранитель кузнечьего рода
 с ВСК на краю огорода.

* * *

В Бенцах на танковой броне
 Ивантер Бенья мнится мне,
 закопанный войною
 за Западной Двиною.
 Он мне ни в дедах, ни в отцах —
 он немцами убит в Бенцах,
 в Бенцах его убило,
 там летом жарко было.
 Второго ранга воентех
 Зябко́ лежит в березах тех,
 и Шешуков убитый,
 вдовой не позабытый.
 Лежат ладком и млад и стар,
 и батальонный комиссар —
 посчитаны строною
 за Западной Двиною.

Там за Двиною, за Двиной
летают души надо мной,
из боя — над избою,
над речкой голубою...

* * *

Старый дворник выходит во дворик, и, пока умирать не пора, он из Вачи наточит топорик и на речку уйдет со двора. И, раскинув удилица кругом, закурив невозможную дрянь, назовет меня лохом и другом и осудит как полную пьянь.

Он с рыбалки своей неудачной мне как истинный духа мулла принесет для жердины чердачной три плотвицы меньшова мала. Чтоб отныне, вовеки, по-русски, как откупорю, если невмочь, я не пил под слезу без закуски, вспоминая то сына, то дочь. На земле, опаленной любовью, на земле, не сгоревшей в огне, на холодном своем изголовье не лежитя тверезому мне.

Горьковата святая водица, но вдали умноженья хлебов тут висит голубая плотвица как последняя милость Его.

* * *

...Из детства помню остановку и запах гари поутру, церковку, бровку и торговку, платки и юбки на ветру. Утюг чугунный, кофеварку, калеки скрипкий самокат. Солянку! Язу! Варварку! Ильинский сад. Там цвел миндаль. Там гули-гули. Там крыш проржавленная жесть. Там все, кого мы помянули, — пока мы есть. Они сидят, гуляют, спорят, едят, читают, водку пьют, в лото играют, шьют и порют, и песни длинные поют. И ночью в мороси столичной я вижу окон дальний свет на остановке у шашлычной, которой нет.

Наталья БАКИРОВА

ПРИ МНЕ НИКТО НЕ УМРЕТ

П о в е с т ь

Ноябрь, областной центр

Михаил сидел у стола в кабинете Льва Семеновича, ссутулившись и свесив руки между колен. Взгляд его не отрывался от полированной пепельницы из сургучного цвета яшмы, которую заполняли железные канцелярские скрепки.

— Мне теперь работу менять?

В паузу, которая простерлась после вопроса, целиком поместился вчерашний вечер. Лицо Гены: мокрое, волосы прилипли ко лбу. На руке косой заборчик шрамов — зебра был Гена, зебра злостная, упорная и тупая. Всякий раз, наверное, вены режет, когда денег на дозу нет... Несло от него потом и страхом. Жгут накладывать было неудобно, еще и видно плохо — под потолком единственная слабая лампочка на шнуре. Гена, со своей стороны, делал все, что мог: выл, стонал, изгибался. Вера Сергеевна наклонилась к ним тоже, и хотела, и не знала, чем помочь, руки ходуном, кофта наизнанку, глаза — словно раны на смятом лице.

— Идите на улицу, фельдшера встречайте, — скомандовал Михаил. Надо было ее отвлечь, занять хотя бы видимостью дела.

Вот тут оно и случилось. Или не тут. Или раньше, а он только сейчас заметил. Перчатка лопнула, болтался лоскут, и рука была в крови.

Рука в крови. Рука, облитая алым, под лампочкой атласно блестящим.

Вера Сергеевна ушла встречать скорую, Гена замолчал наконец. Стало тихо. Михаил слышал, как свербит в лампочке вольфрамовая нить. И в тишине этой прозвучал острый презрительный тенорок: «Приплыл. Завтра пойдешь на прием к самому себе».

В окно кабинета вплывал слабый свет ноябрьского утра. Он имел тот оттенок свежести и незащитности, который возможен лишь раз в году, в день, когда выпадает первый снег. Лицо Льва Семеновича с одной стороны озарялось этим свежим светом, а с другой его окатывал голубоватым холодом компьютерный монитор.

— Работу? Конечно, менять! Какой ты инфекционист? Ты на руки свои посмотри! Думаешь, спрятал, не вижу? Я чему вас учил? Отвечай, это вопрос!

Михаил положил руки на колени. Пробурчал, глядя в угол:

— «Любая царапина — входные ворота инфекции».

— Помнишь! — Тенорок профессора стал не просто острым — колючим. — Помнишь, а что творишь? Входные ворота! Тебя что, кошки драли?

Михаил поднял голову и спросил снова:

— Мне теперь работу менять?

Сентябрь, город Баженов

Батюшка, в хилой куртке поверх подрясника, дрожал всем телом и тоже был без зонта.

— Что ж вы такое творите-то, Михаил Ильич? На виду у всего города — призыв заниматься сексом!

Тьму наполнял ровный шум деревьев и душевой шум дождя.

— Это не призыв заниматься сексом, — деревянным голосом ответил Михаил, не глядя на священника. И зачем поперся через церковный парк, идиот... — Это призыв заниматься сексом в презервативе.

Ветви кустов впереди светились — в них прятался низкорослый фонарь. Листья бились и вздрагивали под золотыми струями: казалось, кусты пляшут на месте.

— Презерватив, вот именно... Ваша акция, уж простите, это какая-то пропаганда разврата!

— А по-вашему, что должно быть на баннере? Обручальные кольца?

— Обручальные кольца — прекрасная мысль! А? Михаил Ильич! Ведь прекрасная!

Пришлось ускорить шаг. Но отец Игорь не отставал — неся следом и кричал, отплеываясь от дождя:

— Даже слоган можно оставить тот же: «Соблазнов много — защита одна!»

Михаил поскользнулся на раскисшей тропинке и наверняка бы шмякнулся, но был подхвачен твердой рукой оппонента.

— Только что выявил одного — с кольцом! — выкрикнул, освобождаясь. — А беременные? Четырнадцать за прошлый год! Двенадцать за нынешний! Кольца у всех! Слово такое — «эпидемия» — слышали?

Отец Игорь взглянул прямо, блеснули стекла залитых водой очков.

— Так надо воспитывать молодежь! Верность, любовь, семья — вот чему надо учить. Не презервативам вашим! На Махатмы Ганди школа! Там дети ходят. А вы им — презерватив под нос!

Рванул ветер, вверху хрястнуло, затрещало. Коротко прошумев и подняв брызги грязи, перед спорящими шлепнулась огромная ветвь. Оба, не сговариваясь, наклонились, чтоб оттащить ее с тропинки.

...Когда он приехал сюда, была середина августа. На улицах продавали увесистые шершавые дыни и виноград. По черным липким гроздьям

ползали ленивые осы. Грело солнце, горячо пахло хвоей. Каждый день после работы Михаил ходил новой дорогой. Бывают же такие города! Раз — и поставили дома посреди бора...

Сейчас, в конце сентября, этот бор был темным от непогоды, гудящим, мокрым. Недобрым.

Вновь выявленному Михаил назначил прийти в самом конце приема, чтобы поговорить без оглядки на время. Тот пришел на час раньше и терпеливо ждал перед кабинетом: галстук висит косо, пиджак помят, из рукавов выглядывают обшлага несвежей рубашки.

Еще месяц назад кабинет служил рядовой инфекционной палатой, поэтому обстановка оставалась почти домашней. За дверью душ, туалет; белая больничная ширма отгораживает обеденную зону, куда Михаил все собирался и забывал купить чайник. Вынесли отсюда только кровать — ее место у окна занял новый письменный стол с лампой на гнутой гофрированной ноге. Михаил протянул к лампе руку — включить: сгущался вечер, и по углам уже гуляли тени, — но его новый пациент глянул затравленно, и руку пришлось убрать. Ладно, побудем без света.

— За что? Нет, вы скажите, за что? Ведь один раз, один только! У нас был, знаете, корпоратив, и там женщина... Она, ну... Да если б я гуляка был, я бы в жизни ничем таким не заразился, вот где парадокс! Я бы готов был... у меня бы эти... ваши... как их... «соблазнов много — защита одна» были с собой!

Он то и дело приглаживал волосы, которые и без того льнули к маленькой голове, как намащенные, оправдывался, лез в объяснения и так старался, будто ждал, что доктор хлопнет себя по лбу, скажет: «Ах да, конечно!» — и отменит диагноз. Смотреть на это было невыносимо, и Михаил смотрел в окно. Там, естественно, тоже не показывали ничего хорошего. Грязь там показывали, лужи, мелкий поганый дождь. И черные сосны, которые, как вражье войско, подступали к самым стенам больницы.

— Я ж не хотел... Я не думал... А жена? Господи-и! — вдруг резко и тонко взвыл масляный.

В коридоре уборщица уже гремела ведром.

Михаил взял ручку, выписал направление на анализ.

— Кровь, — он покосился в карту пациента — убедиться, что правильно запомнил имя, — кровь, Альберт Кузьмич, будете сдавать регулярно. Наша задача — контролировать вирусную нагрузку.

Еще раз объяснил, что такое вирусная нагрузка, приподнялся, прощаясь, пожал холодную влажную руку. Человечек с нелепым именем Альберт Кузьмич опять пригладил волосы, выговорил:

— Я ведь не хотел... Я не думал... — и с этими словами пропал. Просочился за дверь, исчез в коридоре, оставив тошный запашок страха, вины, тесного шкафа, из которого был вынут его костюм.

Михаил щелкнул, наконец, выключателем лампы. В оконном стекле, которое немедленно сделалось глянцево-черным, появилось

его отражение: скованная фигура, короткие волосы, лицо с провалами глаз.

В дверь просунулась уборщица:

— Долго вы еще тут? Я до ночи ждать не могу. У меня внуки!

За кованой церковной оградой простиралась лужа в оборке опавших листьев, кипевшая от дождя. Михаил поправил на плече лямку сумки-аптечки и двинулся по краю, стараясь не замочить ног — левый ботинок у него протекал, — прижимался к ограде, цепляясь за железные завитушки. Железо было скользкое, ледяное, пальцы сразу онемели.

Но вот, наконец, и улица. По асфальту идти стало легче, только вертелись под ногами сбитые шишки. Дождь обмельчал: теперь он уже не лил, а сеялся, мотаясь на ветру. Между черными стволами сосен светились окна домов.

А у «Провианта» жалась к стене эта бабка! Сидела на чем-то низком — стульчик, что ли, у нее там складной? — пряталась под нависающим козырьком. Михаил однажды увидел, как Вика, выскочив из дверей в своем форменном зеленом халатике, протягивает бабке батон и еще что-то, похожее на брусок сыра. И теперь у него в груди шевельнулось радостное и как бы родственное чувство к этой бабке.

Нащупал в кармане сторублевку, подошел, протянул — бабка подхватила тут же, привстала, сунула ему что-то легкое, теплое... Живое.

— Удача твоя, сынок. Последний остался.

— Но я не... Э!

Бабка мигом отвернулась. Принялась собирать какие-то свои пожитки, что-то куда-то торопливо упикивать, бормоча:

— Последний, тьма такая. Никто брать не хотел — у, тьма-тьмущая... Боятся черных котов, что несчастья от них. Придумают тоже: от котов несчастья! Божьи твари в бедах ихних виноваты.

Божья тварь не то зевнула, не то мяукнула беззвучно, показав ряд мелких острых зубов. Бабка, оперев руку в поясницу, с усилием распрямилась. И вовсе не Викина это бабка, с чего он решил? Та была тощая, волосы клочковатые, седые, нос крючком. А эта плотная, уж точно не голодает, и одета чисто.

— Так что аккурат вовремя ты, сынок.

— Да я...

— Топить бы пришлось!

От этих ее слов горло свело спазмом. Перед глазами заколыхалась мутная стекляннистая масса, стало невозможно вдохнуть — а когда он совладал с собой, рядом никого уже не было. Стоял дурак дураком, держал котенка, чувствуя, как холодная сырость заползает в левый ботинок — промочил-таки! — а бабка уходила прочь по раздольной улице Ганди: приземистая фигура в ореоле электрического света и сверкающей водяной пыли.

В Баженове Михаилу выделили квартиру. Муниципалитет располагал собственным жилищным фондом и мог, с разрешения думы, распоряжаться им в определенных случаях. Например, если штат медсанчасти срочно требуется усилить молодым специалистом ввиду вспышки ВИЧ-инфекции, вызвавшей эпидемию и скандал чуть ли не на всю страну.

Старая обшарпанная однушка была обставлена случайной мебелью и отличалась отсутствием излишеств — таких, как шторка в ванной или люстра в комнате. Голая лампочка под потолком была яркости изуверской, так что Михаил привык обходиться торшером. Дернешь за шнурок — свет падает на немощное кресло с вылезавшими нитями обивки, на журнальный столик: растрескавшийся лак, ненадежные ножки; на крашенный коричневой краской пол. А кровать уже пряталась в полутьме, только сползал по гнучому железу спинки слабый блик.

Котенок дрожал и, широко разевая пасть, мяукал, почти без звука, будто шепотом. Михаил снял свитер, постелил в угол. Наполнил бутылку из-под минералки горячей водой, обернул полотенцем. Недоверчиво обнюхав все это, котенок опять разразился шершавым мяуканьем.

На руках он успокаивался, прижмуривался и, кажется, засыпал. Однако любая попытка положить его рядом с теплой бутылкой кончалась тем, что он распахивал серые глазищи и начинал дрожать. Черный пух стоял дыбом на жидком тельце.

В конце концов Михаил потерял терпение.

— Так, зверь, давай-ка ты один побудешь. Мне все-таки на работу с утра.

Перетащил все хозяйство со свитером и бутылкой в кухню, оставил котенка, плотно прикрыл хлипкую дверь. Спать, спать... Он еще пристроил мокрый ботинок сохнуть под батареей, напихав в него скомканных газет, и, наконец, упал в кровать — завизжали, занули пружины панцирной сетки.

Сразу же привязался старый мучительный сон. Вода, как жидкое стекло, колыхалась, сжимала, не давала дышать. Мутным соленым пятном маячило сквозь нее солнце. Надо — к нему...

Дождь, то усиливаясь, то затихая, шел всю ночь. А к утру перестал, оставив город мокрым и встрепанным, усеянным мелким сосновым мусором: хвоинки, ветки-кисточки, потемневшие от воды шишки — все это устилало асфальт, плавало и дергалось в лужах.

В инфекционном корпусе по-утреннему пахло хлоркой.

— Ведь грех сказать, Михаил Ильич: спокойна за него, только когда он в тюрьме. — Вера Сергеевна сидела возле стола, держа на коленях разбухшую сумку с отвислыми петлями ручек. Баюкала ее, оглаживала

ей бока, словно любимой собаке. — Каждый день, каждый божий день на работу уйду, думаю — что еще натворит, что еще из дома унесет, там уж и нести-то нечего... А ведь такой хороший мальчик был, в школе-то, говорили все — Гена золото ведь у вас!

Она отвернулась, достала скомканный носовой платок, высморкалась тихонько.

— До чего дожили... И ведь что случись — даже обратиться не к кому, на скорой-то в тот раз как они ругались: зачем, кричат, опять к нам привезли, у нас дети, семьи...

Подалась вперед, навалившись на стол, глянула близко — белки глаз водянистые, в красных прожилках:

— А иногда... Грех, конечно, но ведь доведет, нет-нет да подумаешь: лучше б уж умер, чем так!

Михаил поднялся: надо накапать ей. Черт, от меня, кажется, несет кошачьей мочой... Прошел за ширму, налил в стакан воды из графина. Накапать, таблетки для Гены выдать и отпустить. Телефон свой напишу. И пусть уж она идет, с этой своей сумкой, как со старой покорной собакой.

Ноябрь, областной центр

Лев Семенович потянулся к пепельнице, вытащил оттуда скрепку и, вертя ее в пальцах, смотрел на своего бывшего студента. Похудел. Морда упрямая. Настороженный, будто ждет, что нападут из-за угла.

И ведь этот еще лучшим был на курсе! Учился остервенело. Говорили, везде и всюду ходит с аптечкой: жизни готов спасать. Невольно усмехнувшись, Лев Семенович отметил, что аптечка и сейчас при нем. В больницу — со своей аптечкой. Доктор. Герой. Сколько он проработал? Так, ординатура у меня... Потом воткнули его в этот Баженов... Всего три месяца, значит. Но как он там кинулся сразу во все стороны! — приемы вел, лекции старшекласникам читал, с милицией какие-то дела... Лев Семенович поморщился: дела Михаила с милицией ему не нравились. На местном онлайн-форуме, вон, пишет чего-то... Слог, конечно, у него так себе. Неловко пишет, казенно.

Лев Семенович покосился на монитор компьютера, где была открыта вкладка odingorod.ru/hiv/: «...анализ крови не всегда показывает верную картину. Существует период серонегативного окна: время, когда заражение уже произошло и заболевание уже развивается в организме, но антитела к патогенам еще не выработались. Благодаря этому уже инфицированный человек может получать отрицательные результаты анализов. Обычно период серонегативного окна длится от одного до трех, реже — шести месяцев, поэтому после рискованного эпизода анализ нужно сдать повторно по истечении данного срока...»

Данного срока... Он разогнул скрепку, согнул снова.

Эх, если бы там не наркоман был! У них вирусная нагрузка обычно зашкаливает, где им помнить про таблетки-то... Доктор. Сидит вот, плечи к ушам тянет. Стыдно ему. Ему, поганцу, стыдно!

Скрепка в руках Льва Семеновича хрупнула и сломалась.

Октябрь, город Баженов

Капитан Калашников не глядя сунул окурочок в пепельницу — смотрел он на Михаила. Разглядывал. Глаза капитана были маленькие, черные и круглые, без какого-либо выражения. Через нос тянулся шрам, рот сидел на лице как-то криво и сбоку, череп был обрит. Кирилл, стало быть, Петрович. Имелось и прозвище — Киллер.

— Можешь так и звать. Все зовут.

Кабинет Киллера в здании милиции представлял собой прокуренную каморку с решеткой на давно не мытом окне. На потолке гудела и вздрагивала люминесцентная лампа, заливала скудную обстановку мертвенным светом, не оставлявшим теней. Со стены смотрел канонизированный конторой Дзержинский: «Отсутствие у вас судимости — это не ваша заслуга, а наша недоработка».

— А че ты с аптечкой-то пришел? — Киллер задрал брови, разглядывая кожаную сумку с выдавленным на ней крестом. — Думаешь, я тут внезапно заболею?

Смех у него был неприятный, мокрый, похожий на бульканье. Дернув на себя ящик стола, он вытащил блок сигарет и отделил одну пачку.

— Значит, хочешь узнать, есть ли среди моей клиентуры спидоносцы...

— Это называется — люди, живущие с ВИЧ, — сдерживаясь, сказал Михаил. — Можно говорить — ЛЖВ.

Киллер вскрыл пачку и закурил. К застарелому запаху табака прибавилась свежая струя.

— От меня вот тоже требуют в отчетах писать, — он скорчил рожу, — «потребители инъекционных наркотиков»! Лажа. Потребитель — это человек, у которого хоть какая-то воля есть. А здесь все наоборот: это наркотики их потребляют. Называли бы вещи своими именами, насколько проще бы жить было...

Он глубоко затынулся, уставился в потолок и произнес глубоко-мысленно:

— Вранье — корень зла в этом мире.

По мнению черного котенка, корнем зла в этом мире был ботинок хозяина. А именно левый, подтекающий. Хозяин уничтожению зла почему-то сопротивлялся и раз даже крепко встряхнул спасителя мира за шкуру.

Извернувшись, скосив глаза и сдвинув уши, котенок азартно впился когтями в карающую длань. Да как впился-то! Михаил еле оторвал. Вытер кровь, сгреб котенка — маленького, худого, под черной шерстью легкие косточки, — прижал к груди, не давая больше царапаться, держал крепко, наглаживая и приговаривая:

— Борзый стал, да? Зве-ерь... Так, а это еще что? — Он подобрал с пола мелкий и острый, как иголка, молочный зуб. — Ну, все ясно. Вот почему ты на ботинок ополчился.

Они договорились, что зверь ботинок трогать все-таки не будет, даст ему просохнуть под батареей — Михаил, же, в свою очередь, выделит на растерзание один свой носок.

Принеся из кухни стакан с чаем, он опустился в скрипнувшее кресло, вытянул к батарее ноги — одну в носке и одну босую. Чай в стаканах любил. И чтоб крепкий, горячий. Наливаешь — поднимаются в кипящей струе взбаламученные чайники. Сделал крупный глоток, на лбу выступили капли пота. Эх, хорошо... За окном шумел дождь, барабанил по жестяному карнизу. Там что-то ворочалось, шевелилось, задувало, временами срываясь на вой, и тогда котенок отвлекался от скатанного в бублик носка, который он гонял по полу — в подозрительной все-таки близости от ботинка, — поворачивал голову и настораживал уши.

Киллер по временам звонил и со своим смешком-бульканьем осведомлялся: «Миха? Есть клиент один интересный. Не хочешь попить его кровушки?» Такой звонок мог раздаваться хоть среди ночи, да обычно среди ночи и раздавался — можно было не сомневаться, что «интересный клиент» сидит рядом, разговор слышит, и капитан Калашников косит на него страшным своим черным глазом, внушая, что вот придут сейчас пить его кровушку, и тогда-а... Душу вместе с кровью вытянут! Пока Михаил, подхватив чемодан-укладку, до милиции добирался, «клиент», надо думать, сообщал Киллеру много полезного. Морщась, он гнал от себя эти мысли — у Киллера свои дела, у него свои. Зато он обнаружил Гену. И остальных. Но каждый раз, доставая из укладки жгут, иглу, вакутейнер и видя Киллера, который с сигаретой в зубах за ним наблюдал, Михаил думал: вот у кого анализ-то надо бы взять в первую очередь. Понимая при этом прекрасно, что Киллер отказался бы. Причем не потратив ни слова, одним только взглядом да бровью поднятой отказался: что-то свое варится в этой бритой башке.

Руки чесались поскорее обуздать хворь, что точила, изнутри выгрызала маленький уральский город, бедный город, выросший посреди соснового бора. Все лучшее, молодое и упорное уезжало отсюда в областной центр и дальше, в столицу, — а оставшееся, вялое и равнодушное, отдавалось на произвол алкоголя или наркотиков. А шприц один, идет по кругу, катись-катись, яблочко, да на ком остановишься? Кому встретится, тому сбудется, сбудется — не минуется.

Это беда несла болезнь, одна беда несла другую, и потом они спорили, две беды: какая победит? какая добьет? И как ни старался Михаил, вдвоем беда с бедой были сильнее. Наркоманы на прием, конечно, не являлись, терапию не принимали — так и норовили, в общем, склеить ласты назло доктору.

Ноябрь, областной центр

Лев Семенович бросил обломки скрепки обратно в пепельницу. Выпрямился. Сказал твердо:

— Факт заражения не подтвержден. Так что будешь работать как миленький.

Зашарил на столе, вытащил какие-то листки из конверта.

— Кстати, о работе... Вот, полюбуйся.

И словно кто-то злобный сорвался с цепи, заорал в лицо из-за забора восклицательных знаков: «Все вы врете! Честных врачей не осталось!!! Деньги решают все!!! А скольких людей вы запугиваете, говорите, что у них ВИЧ? Этой болезни нет и не было!!! Вирус никто никогда не видел!!!!!!!!!!!»

Михаил поднял глаза:

— Ясно.

— Ясно ему, — проворчал профессор. — Двадцать пять лет — и все ясно... Мне вот восьмой десяток идет, мне ничего не ясно. Ведь это человек, Миша, женщина, мать! У дочки шестьдесят иммунных клеток. Шестьдесят! Ей ребенка надо спасать, а она меня письмами забрасывает.

— Как вы ей ответили?

— Никак, разумеется. — Профессор вздернул подбородок. — Я, дорогая мой, слишком стар, чтобы общаться с идиотами. По крайней мере, с незнакомыми идиотами... — Он бросил на Михаила острый взгляд. — Сообщил куда надо, ребенка отберем и будем лечить. А эта дама не мой пациент.

— Но ведь это неправильно. — Михаил выпрямился на стуле.

— Есть такие решения, коллега: неправильные, но единственно возможные.

Он забрал письмо и бросил в корзину для мусора.

— Я не могу помочь человеку, который меня об этом не просит, который моей помощи сопротивляется.

— Да ведь она эту чушь разносит! Она же сама как вирус, Лев Семенович! Таких людей надо останавливать как-то, объяснять...

Лев Семенович откинулся на спинку стула, усмехнулся тихонько. Ишь, поганец! Ожил. Порозовел. Эх! Если б только там не наркоман был...

— Школьникам своим объясняй. А эти люди уже во всем себя убедили. Ты зачем в Баженов поехал? Вот этим и занимайся. А столкнешься со СПИД-диссидентом — не лезь.

Михаил подхватил аптечку, встал.

— А твой случай... Ты сам врач, что тебе объяснять? Анализ сдавай раз в месяц, на учете годик подержим и, даст бог, забудем, — здесь профессор отвел глаза, — забудем эту историю... С кровью, главное, вообще не работай — ни под каким видом.

Посмотрел на Михаила, проворчал:

— Ладно, ладно. Не обидеть хотел. Просто знаю я вас. Сидите там, в глуши, берегов не видите. По краю ведь ходишь с этим твоим Убоищем!

— Киллером...

— Я так и сказал.

И Лев Семенович поджал губы с видом человека, который ни разу в жизни не нарушил ни одного правила.

Ноябрь, город Баженов

Рейсовый автобус шел чуть больше часа, и в Баженов Михаил вернулся задолго до начала приема. Снег, конечно, уже растаял: под ногами теперь была жидкая грязь.

По дороге на работу он зашел в «Эльдорадо» и купил чайник.

Согласно инструкции, перед использованием надо было дважды вскипятить воду, каждый раз дожидаясь, пока гладкий металлический корпус остынет полностью. Михаил, в белом халате — надел его сразу, как пришел, — сидел, дожидаясь. За окном сосны качали головами под хмурым, с набрякшими облаками, небом.

Чайник уже вскипел вторично, когда в дверь постучали.

— Михаил Ильич, вы вчера расплатились, а продукты-то бросили.

Короткое, как вздох, шуршанье: на пол опустился пакет.

— Я домой забрала все, в холодильник поставила.

Михаил моргнул. Простое слово «спасибо», которое было бы уместно сказать сейчас Вике, на ум ему не пришло. Вместо этого он стал выбираться из-за стола. Вытягивал одну ногу, другую, затем оперся руками о столешницу, начал привставать — выбирался, выбирался и в конце концов преуспел.

— Вы так быстро убежали... Это вам кто позвонил? Думала сначала, что вернетесь, сложила все, ждала-ждала, а вас нет... — Она вздохнула и посмотрела себе под ноги. — Ну, пойду...

Но не пошла, стояла.

— Вы не на работе сегодня? — нашел, что спросить, Михаил.

— Выходной... Мы два через два работаем.

— Так не торопитесь! — Он подхватил пакет. — Давайте чаю по-пьем. Идите сюда, у меня тут стол...

— А вам это нормально — пить со мной чай?

— У меня прием только в три начнется. Нормально.

— Нет, я... ну, вы не брезгуете?

— Вика! — Имя вырвалось само, до сих пор он называл ее по имени только про себя, а здесь, в кабинете, конечно, «Виктория Владимировна», но сейчас она что-то сместила этим своим пакетом, то есть, конечно, его пакетом, — взяла и принесла, как будто он ей не просто доктор, а хороший знакомый, и, если б он еще не успел нацепить этот дурацкий халат...

— Я же рассказывал: ВИЧ-инфекция так не передается.

Да. Она по-другому передается. Например, ваши руки расцарапал ваш кот, а вы подорвались спасти суицидника, несясь впереди скорой помощи, и распластали перчатку.

— Лимон... вроде я покупал вчера лимон. — Он стал рыться в пакете.

— А кто это вам позвонил?

Михаил повернулся к ней с лимоном в руках. Глаза у Вики были карие, но очень яркие — в них будто отражалось солнце. И, повинувшись мелькнувшей неясной пока мысли, спросил:

— Скажите... А вы кому-нибудь говорили, что у вас ВИЧ? Маме? Подруге?

— Брату. — Она опустила ресницы. — Собираемся сходить с ним на кладбище, выбрать место.

Вот как. Интересно, гроб она тоже выберет? Может быть, и венки? А что — девушки любят шопинг... Она между тем уже ревела. Бросилась к нему и ревела, всхлипывала, бормотала бессвязно, что боится, что не хочет жить, нет, не всегда, конечно, но иногда такие мысли, что уж лучше самой, чем этот вечный страх, и страх, что узнают... Ну что вы, Вика, как узнают, кто, это же врачебная тайна! А даже если узнают — никто вас не выгонит, не имеют права, это только врачей выгоняют, да и то не всех, а только тех, кто... с кровью работает, в общем. Вы где живете, Михаил Ильич? Они найдут себе право. Да никто и не будет меня из-за болезни выгонять, скажут — проворовалась... да если и не уволят! Жизни никакой не дадут. У нас вот жил один тоже в соседнем подъезде, так ему дверь подожгли! Вика, ну что вы, Вика...

Неловко, одной рукой, будто сроду никого не обнимал, Михаил похлопал ее между лопаток.

* * *

Зверь сидел в дверях ванной и, поводя ушами, наблюдал, как хозяин загружает в машинку белье. Белья было мало: из белого у него оказалась только одна рубашка, да и ту с последней стирки он не надевал, поэтому к халату удалось присовокупить только простыню и полотенце.

Глупо, конечно. Кто в больничной прачечной станет разглядывать, какие там на его халате пятна: не от туши ли для ресниц, случайно? И вообще вся ситуация была глупой. Неправильной, вывихнутой какой-то! Да, он слышал, врачи нередко женятся на пациентках — где ж им еще знакомиться. А главное — когда? Но... Но. Вызвать симпатию, находясь в позиции силы... практически власти над другим человеком...

«Нашел о чем беспокоиться, — ехидно утешил его острый тенорок. — Вот сдашь через месяц анализ крови — там и кончится твоя власть...»

Михаил потер грудь, прогоняя внезапную боль, и нажал кнопку. Старенькая машинка затарахтела, набирая воду.

Декабрь

На ночь во всем отделении оставалось не больше десяти человек, и Киллер знал, что никто из них к нему не зайдет. Докурив и загасив окурок, он не оставил его, как обычно, в пепельнице, а, завернув в бумажку, сунул в карман. Встал, открыл форточку.

А докторишка-то! — анализ предложил сдать. Вообще чувак без понятия, из кого можно качать кровь, а из кого нет. День борьбы у них,

видишь ли, со СПИДом. Ну не дебилы? День борьбы. День! Чуваки, я вам секрет открою, вся жизнь — борьба.

В белом халате ходит. Архангел, мать его, Мих-хаил. Лечит кого ни попадя. Вот на хрена он нариков лечит? Спросил его: «На хрена ты нариков лечишь, архангел?» Распсиховался. «Мы, говорит, врачи, наше дело — лечить, а разбирать, кто он такой, — не наше дело». Врачи! От слова «врать». Ну вылечит он какого-нибудь торчиллу — дальше что? Тот ведь размножаться будет, гены свои гнилые через поколения понесет. И во что мы превратимся лет через тыщу? Не-ет, выживать должен сильнейший. Всегда так было. А эта ихняя медицина только гробит генофонд человечества.

Еще и проект наш решил прикрыть. Не догоняет! Не догоняет архангел. Здесь капитан Калашников всегда решал, что и когда прикрывать. Можно ведь, если понадобится, доказать, что этого его СПИДа не существует. Нет никакого СПИДа — и все, и лечить никого не нужно, кха-ха... А доказать — не фиг делать. Если с умом — так вообще любую идею можно протащить. Как два пальца об асфальт. Любую! Даже если кто собрался людей жрать. Да хоть мать родную. Дожил до тридцати лет — сожри мать...

Киллер вытащил еще одну подозрительного вида сигарету, закурил и стал смотреть в потолок.

Так-то хорошо, что этот СПИД всякую шваль гасит. Вшивота вымрет — в нормальном мире жить будем. Среди нормальных людей.

...В этот вечер на улицах Баженова перестали гореть фонари. Они погасли ближе к полуночи, и сначала тьму еще рассеивали окна домов, а потом и они, одно за другим, погасли. Исчез Баженов, угрюмый город, скрылся во мраке. Только шумели невидимые теперь сосны.

* * *

Декабрь выдался холодный, бесснежный. Голая земля сжалась, скукожилась, зачерствела, как высохшая горбушка черного хлеба.

Тощая бабка с крючковатым носом и седыми патлами, выбивавшимися из-под платка, волочила пустые санки. Полозья скребли по сухому асфальту, звук отдавался в большой после вчерашнего голове. Бабку звали Варварушка — это была известная баженовская побирушка.

На толчки и накаты внутри собственного черепа Варварушка внимания не обращала, давно научившись переносить боль как что-то от себя отдельное. То маленькое, упорное, чрезвычайно энергичное нечто, которое она могла бы назвать словом «душа», не страдало от боли. Варварушка дважды попадала под машину, перенесла три операции. Перед третьей, когда взяли анализ крови, сказали про ВИЧ. Шут его знает, где и подхватила. Уж как только доктор молоденький ни старался, так ничего и не вызнал.

Варварушка стеснительно хмыкнула. На прием к доктору она ходила аккуратно — каждый месяц. Ей нравилось сидеть в чистом месте,

говорить с кем-то внимательным, тоже чистым. Таблетки он ей дает. Она ничего, принимает. Когда вспомнит, конечно. А главное, посидеть хорошо, отдохнуть от всей своей жизни. Ее ведь и собака кусала! Вот, доктору-то рассказать, как другой раз пойду, так уж он слушает хорошо... И клещ тоже кусал. Даже сыночек родной — было, было! — по голове приложил сковородкой. Вроде как обиду хотел причинить, да как на него обижаться? Каждый человек свое живет, каждый свою коробочку несет, и теснит его эта коробочка, и давит...

Что такое «коробочка», Варварушка, спроси ее, объяснить бы не сумела. Она просто видела всех людей будто внутри стенок. У одних толстые стенки, у других совсем хиленькие, просвечивают. Кому-то они побольше простору дают там, внутри, а кого-то аж под ребра подпирают, как вон доктора. У него уж и не коробочка даже, а будто латы. Ходит: лязг-лязг... Прямо гнет его к земле сбруя эта. Да как он еще людей-то лечит! Как можно людей лечить, когда самому не вздохнуть?

Варварушка заморгала и прищурилась: что это, ровно как светлячки впереди мигают? Точно. Дорожка целая светлячков. И приближаются будто.

Цепь огоньков движется по улице. Вспыхивают фонарики, нежно горят свечи, поставленные в банки для защиты от ветра, — люди идут колонной, переговариваясь, смеясь. Цокают каблук женских сапожек, глухо стучают мужские ботинки, слышатся выкрики:

— Будущее России — за свечными заводами!

— Наш город — уютный и чистый. Но нам не видно!

Встречные машины гудят, тормозят. Встречные люди спрашивают:

— Кто вы? Куда идете?

— Нам не видно! — Смех, дружный хор голосов. Но потом кто-то все-таки объясняет:

— Это флешмоб такой. Присоединяйтесь!

— Ну а что, правда, света уже три недели нет!

И кто-то лезет в пакет за еще одной свечкой, а кто-то зажигает ее, ставит в банку — идет, идет колонна, удлиняется на ходу.

Впереди всех — высокий худой парень с фонариком. Кудри гуляют без шапки: то встанут дыбом, то упадут на лоб. Остановившись возле рекламного баннера, он пропускает мимо себя людей, ощупывая их лица карманным лучом. Прохожие шуряются, закрываются руками.

— Ну Птица!

— Петька, уйди!

— С дуба рухнул?

Луч упирается в целующуюся пару. Смущенный смех, испуганные глаза, девушка прячет лицо на плече парня. Тот обнимает ее, ухмыляется, глядит бессмысленно.

— Продолжайте, не стесняйтесь, — говорит им Петр по прозвищу Птица, луч, однако, не отводя.

В другой раз ему везет меньше: в луче что-то сморщенное, лохматое, нос крючком, водянистые глазки, — на Петра-Птицу валится навозная брань. Луч вздрагивает, под общий хохот выпускает ядовитую добычу.

Потом в пятне света появляется молодой мужчина с напряженным лицом. Хмурится, щурится, поправляет ремень аптечки, пытается — ладонь козырьком — разглядеть того, кто держит фонарик.

— Ого! — удивляется Птица. — А вы, случайно, не Михаил Волков? Очень приятно. Давно хотел с вами познакомиться.

В колонне тем временем раздается громкое и раздельное, как призыв речевки:

— Есть ли совесть у мэра?

И — хором — отзыв:

— Нам не видно!

— Спасибо вам, кстати. — Птица взмахивает фонариком. — Вы с отцом Игорем своими спорами оживляете мне трафик. Я про форум, — поясняет он. — Ой, я же не представился. Петр Зяблицев. Простите, как-то привык, что в этом городе меня все знают. Все-таки владелец единственной приличной онлайн-площадки для дискуссий... Так вот насчет дискуссий. Простите, Михаил, но батюшка вас уделал.

Луч фонарика уходит вверх, к баннеру — там вместо слов про соблазны и защиту теперь сияют кресты и купола: «Покровскому храму — пять лет».

— Есть ли жизнь на Марсе? — раздается из колонны.

Хохот:

— Нам не видно!

— Только вы давно уже на форум не заходили. Имейте в виду, я-то вашу тему все-таки фильтрую, чтоб совсем уж бред не несли. Но они в ВК переметнулись.

Птица достает айфон.

Это не похоже на письмо, которое Михаил читал у Льва Семёновича. Автор пишет уверенно и насмешливо. Авторитетно. «СПИД! Нет никакого СПИДа. И не было никогда. Он только врачам нужен, чтоб на лечении наживаться. Вот эти таблетки, которыми наш герой в белом халате людей пичкает, — знаете, сколько они стоят? Поинтересуйтесь».

Что-то колючее и мелкое, как соль, начинает сеяться сверху. В пять минут всю сухую горбушку земли засыпает солью.

Январь

— Сыночка... Хороший мой, маленький... Как же так... Мы же и лечились с тобой...

Губы у Веры Сергеевны дрожали, и голос дрожал, а руки гладили мертвый лоб, щеки, волосы — как будто были сами по себе. Руки — белые птицы.

Гена лежал в гробу в черном костюме и белой рубашке. Строгий, красивый: смерть как будто умыла его и ото всего отряхнула. Михаил прижал к боку сумку-аптечку. Что ж ты жить таким не умел, каким сейчас в гробу лежишь...

После попытки самоубийства Вера Сергеевна отправила Гену в реабилитационный центр «Остров». Адрес дал отец Игорь. Работа, молитвы, никаких наркотиков. Через два месяца приехал повидаться, посидел немного дома и ушел к друзьям. А там — табачный дым, мутный разговор:

— Что, есть где взять?

— Один источник есть. И даже в долг поверит.

— Если в долг верит, точно сдаст.

Смешок:

— Этот не сдаст.

Опять смешок:

— Сто пудов, ему просто незачем.

— Да что за источник такой?

— Лучше тебе не знать. Как он говорит: «Меньше знаешь — яму не копаешь».

По углам гроба горят, потрескивают тонкие свечи. В руках собравшихся тоже свечи, светло вокруг от их дрожащих огоньков. К стенам церкви жмутся старушки. Всегда тут старушки — вечные привратницы в туго повязанных платках. Привыкают к смерти, знают — для них она. Для них сейчас пахнет ладаном и горячим воском.

Но иногда что-то идет не так, и тогда у смерти другой запах — летней пыли и нагретой травы. Убитая тропинка, листья подорожника... Блеск реки... Река ослепляла. А солнце — нет, солнце было лишь мутным соленым пятном, и горло драла злая вода-убийца. Он волок Лешку к берегу, волок, стараясь, чтобы он не бился о камни. Острые, они больно впились в ступни. И поздно было.

Ничего не было поздно! Прекардиальный удар! Искусственное дыхание!

А ведь я, пожалуй, молился тогда, с удивлением понял Михаил. Это ведь молитва была: лишь бы при мне больше не умирал никто... только бы при мне больше не умирал никто... Никто больше не умрет при мне. Я им не дам!

Идиот. Стал бы учителем физкультуры, что ли, если хотел, чтобы при мне не умирал никто. А если уж в мед, как debil, поперся, так стал бы патологоанатомом, что ли, если хотел, чтобы при мне не умирал никто...

Гулко наполняет воздух плавный баритон отца Игоря. Священник в чем-то белом и золотом, высокий убор покрывает голову, в стеклах

очков огоньки свечей стоят неподвижно. Странно: говорит он совсем другим голосом, не таким, которым сейчас поет. Лицо не выражает скорби об ушедшем. Ничего оно не выражает, лицо это. Да и скорбят ли они, Божьи люди? Ведь человек, по вере их, переходит в жизнь вечную, идеже несть ни горести, ни печали.

Гудел баритон, гудел, читал протяжно — или пел? — нет, читал все же.

...прости ему прегрешения вольные и невольные...

...схорони в месте злачне, в месте покойне...

...в блаженном успении вечный покой подаждь...

Под звуки этого голоса исчез Михаил Ильич, врач-инфекционист. Тот, кто минуту назад был молодым мужчиной с напряженным лицом, стоял у дверей и прижимал к боку сумку-аптечку, — исчез и смотрел теперь глазами женщины, сидевшей у длинной открытой коробки, в которой лежал кто-то с бумажным венчиком на каменном гладком лбу. И этим, с венчиком, был он тоже, и тесно было сердцу: так, будто вошел ты в свой дом, а дом только что обокрали. Еще он был ярким жаром, державшимся за конец нити, мог все здесь пожрать, уничтожить, но лишь дрожал тихонько в ложе из горячего воска, а ложе плескалось и жило, утекало вниз по чуть-чуть, по капле — и каждой каплей тоже был он.

Кладбище уже совсем в лесу, глубоко. Поверх снега насыпались ржавые иглы сосен. У могилы стоит влажный кисловатый дух: вот так она пахнет, мать сыра земля, когда со скриплым звуком мелких камешков, царапающих железо, лопатой отваливают пласт, начиная яму. Если копать дальше, глубже, там уже глина, рыже-бурая, плотная, и у нее другой запах, мастеровой, бодрый. На дне ямы мутная, с веточками, вода — качается в этой воде упавшая шишка. В воду и опускают гроб: плыви, лодочка... И плывет.

Михаил двинулся прочь, проваливаясь в снег, натываясь на железные оградки, и никак не мог выйти на дорогу, все путался меж могил, а могилы накопаны тесно, и оградки стоят впритык — тонкие прутья, острые пики. Одна пика уцепила за ремень аптечки и держит, не пускает — Михаил и понять не понимает, что его держит, пытается пойти, не может, снова пытается, и вот уже тихо трещат лопающиеся нити.

— Давайте помогу, — сказали рядом.

Повернулся — и в тот же миг будто солнечный луч протолкался сквозь набрякшие облака, отразился в глазах стоявшей перед ним девушки.

— Вика...

Она потянулась отцепить от ограды ремень аптечки.

* * *

Прямо с утра позвонил Марат:

— Собирайся, через час заеду!

Молния на сапоге закусил колготки, а они новые, только вчера купила, — жалко до слез.

— Не реви! Это я реветь буду, когда ты... Тебе-то чего реветь?

Минут через двадцать были на месте: утопают в рыхлом снегу ее сапоги, его берцы.

— Смотри-смотри, — Вика тормозит брата за рукав, — это же этот, который взорвался-то в позатом году, помнишь? На газовом баллоне.

Марат нахмурился.

— Ну с женой поругались они! И он самоубийством покончил!

— Дак а чё, он помер, что ли? Его ж в реанимацию увезли!

— Ну да! А там он помер!

— Да не помер.

— Помер, говорю — на могилу-то посмотри.

Марат посмотрел на могилу.

— Во debil. Если б я каждый раз дом взрывал, когда с Анькой по-сремся, весь город давно в руинах жил бы... Да не его это могила, чё ты мне говоришь! Он и с женой потом помирился, Анькина мать — соседка ихняя, ну!

— Да ты что? А чья это могила тогда?

Но Марат уже смотрел в другую сторону.

— А вон, гляди, этот... — Он покосился на сестру. — У которого ВИЧ-то был...

— Да он и не от него умер! — Вика поджала губы. — Его в гараже бетонной плитой придавило!

— Правильно придавило. Нечего жить, других заражать.

Вика вздрогнула, поглядела на Марата, развернулась и побежала.

— Стой! — Марат опомнился, закричал вслед: — Я ж не про тебя! Не про тебя, стой, Вишня!

Вика не слушала, убежала. Марат насупился. Буркнул себе под нос:

— Сама же говоришь, не от него помер... Его, может, вообще нет, вашего СПИДа.

Он сдвинул брови. А ведь точно! Что-то такое попадалось недавно в соцсетях. Ну-ка... Достал из кармана мобильник.

Налетел ветер. Снежный ком, сорвавшись с ветки, почти задел плечо бегущей девушки, упал, рассыпался, ударившись оземь.

Нет, у нее все было нормально! И побочек от таблеток почти никаких, даже вначале. Да, заморочно принимать по часам, но это быстро стало привычным — как зубы почистить. И все-таки иногда накрывало: почему я должна! Никто не должен, а я должна! Особенно если вдруг что плохое или денег не хватило до зарплаты. Тогда и без того тяжело, а тут еще и это. Таблетки пей, кровь сдавай, следи за тем, что ешь, держи себя в форме...

Нет, болезнь принесла ей не только горе, было бы нечестно говорить так. Во-первых, все стало легко. Нерешительность ушла, тревожность исчезла — ей ли бояться теперь всякой ерунды? Вот Михаил Ильич убежал

тогда из магазина, покупки бросил, так раньше она бы вся измучилась: что делать? На работу ему звонить? Оформлять возврат, расставлять покупки обратно по полкам? А тут взяла и принесла, делов-то. Человек занятой, видно же, как он выматывается на работе.

А еще она стала жить осознаннее и как-то, что ли, подробнее. Научилась дорожить маленькими радостями. Оказалось, что их ни беда не отнимет, ни страх. Они, маленькие-то, сами по себе! Ресницы накрашивать. Купить к весне туфли на тоненьких каблуках... Окружающее стала видеть отчетливо, ясно, как только дети умеют, они ведь ближе к предметам, все вокруг большое для них. Замечала то, что не замечала раньше. Прожилки на листе клена — на руках старых людей такие же прожилки. Иногда она этих стариков ненавидела. Столько времени прожили, и еще ноют чего-то!

Вика была убеждена, что сама до старости не доживет. И Варварушке выносила из магазина еду с чувством, похожим на гордость: смотри, я несчастнее, чем ты, а все-таки помогаю!

Она бежала, потом шла, постепенно успокаиваясь, пока не наткнулась на доктора, который пытался сняться с пики могильной оградки. — Ремень надорвали... Ничего. Легко починить.

Михаил глядел на нее: яркие глаза, розовые от холода щеки, прядь волос в морозном инее.

— Вика... Вы как здесь?

— Я с братом. Мы... ну... — Она посмотрела в сторону.

Да что ж такое! Сколько можно говорить: ВИЧ-инфекция на продолжительность жизни не влияет! Принимай терапию и живи сколько хочешь! Детей здоровых рожай! Захотелось схватить ее за плечи, встряхнуть как следует, дуру такую, дурищу, а Вика стояла, опустив голову, и будто чего-то ждала; он уже шагнул к ней — но тут рядом оказался плотный низкорослый мужик. Взгляд у него был тяжелый, словно кастет.

— Слышь, ты! Тебе чё от нее надо?

Крепко взял Вику за руку, будто маленькую:

— Набегалась? Пошли.

— Марат! — сконфуженно шепнула Вика. — Это же врач, я тебе говорила...

— Врач? — Марат прищурился. — Слышь ты, врач! Чтоб я тебя рядом с ней не видел. И никаких твоих таблеток убудудских она пить не будет, понял? Травите только народ. Ладно те, бараны, но за сестру я тебе... Идем, Вишня.

И он увел ее, твердо ступая, глубоко проваливаясь берцами в снег.

Михаил стоял, разглядывал порванный ремень аптечки. Гудели сосны, все вокруг двигалось, шевелилось. Валились с веток слежавшиеся снежные комья. Кто-то безжалостный надорвал этот мир, и теперь он трещал, полз по швам, обнажая изнанку, где остро пахнет травой и солнце весело горячит землю. Солнце — слепящий шар. Переливается по яркому, синему, налитому. Мишка прыгает по тропинке, убитой,

твердой, но все же для босых ног — бархатистой. В теле легкость такая, такая! Вот и кости твои уже полые, птичьи, вот уже — вот-вот! — оперятся лопатки, и ты — р-раз! пор-рх! — и взлетишь: выше кустов, выше леса, до этого яркого, синего, налитого — до неба! Там, где самолет пропахал белую рыхлую борозду. Что он видит, летчик, оттуда, сверху? Лес видит! И луг с ромашками — луг как одеяло для него! Речку видит — серебряную, вон как сверкает! Выстреливает речка искрами ему прямо в глаз! А меня — видит? Лешку видит? Мишка оборачивается посмотреть на друга — как он там, далеко заплыл? А он...

Сначала брызги, потом упругая толщина — жидкое стекло. Оно держит, не пускает; а грудь режет, и горло дерет, солнце превратилось в мутное соленое пятно где-то за этой толщей. Надо — к нему...

Февраль

Зверь, как обычно, вышел провожать. Мурчал и терся башкой о ногу. Обычно Михаил наклонялся, чесал его за ухом, шутил: «Ты мне дорогу еще перейди!» Но сейчас ничего не сказал. Повесил через плечо сумку-аптечку с кое-как заштопанным ремнем и закрыл за собой дверь.

На улице сразу ударило, ослепило солнце, и снег поддержал яркий налет — грянул снизу мириадами граней. Под ногами он захрустел, точно крепким яблочком.

Горели фонари. Бледно, почти незаметно. Михаил удивился было — зачем фонари днем? — но тут же понял: включили проверить, все ли в порядке, не ночью же это делать. Наконец-то. Два месяца света на улицах не было.

Возле Дворца культуры сколочен деревянный помост, на нем крутятся, бьют каблуками девчонки: в желтых и зеленых, синих и красных сарафанах поверх пуховиков. Гремит музыка. Рядом с помостом — чучело в три человеческих роста. Народ толпится у палаток, где разливают чай и медовуху, где дымные демоны в белых заломленных колпаках раздают шампуры, унизанные горячими сочными кусками. Пахнет костром. Дергаются и трепещут на ветру гроздь воздушных шаров, трутся друг об друга тугими боками.

На краю площади — старухи с рукоделием на продажу. У одной очки на носу, другая, тучная, вытянула вперед негнущуюся ногу. Тут же затесалась Варварушка. Перед ней на санках расстелена связанная крючком ажурная салфетка, пожелтевшая с одного бока.

— А это что за хобоза на колесах? — Тучная кивает на фургон с дверцей в бок и ведущей к ней лесенкой.

— Где? — Маленькая старушка в пуховом платке вертит головой.

— Возле магазина, глаза разуй. Да не туда смотришь, ворона!

— И смотреть не буду! Место наше заняли, где прошлый год сидели. Там народу-то больше ходит!

— А че они там делают? Крест, глянь вон, красный, как на скорой помощи?

— Кровь берут. И сразу скажут, спидозный ты или нет.

Старухи ахнули и заголосили.

— С ума посходили!

— Да кто это придумал вообще?

— Ведь праздник!

— Масленица!

Варварушка навострила уши. Кровь берут? Так это сходить ведь надо? Доктор-то молоденький дает ведь таблетки-то. Так, может, помогли? Может, вылечилась уже?

Рядом с фургоном бродил Михаил. Мотался туда-сюда, постукивая ногой об ногу, то и дело поправляя на плече ремень аптечки. Мороз залезал в рукава, подбирался к груди, леденил сердце. Уходили от него люди, снимались с учета. «Альберт Кузьмич, без терапии ваше состояние будет ухудшаться». — «Знаю я... Это только так, чтоб вам разбогатеть...» — «Да на чем я богатее?» — «А на лекарствах...» — «Не вы же платите за лекарства! Государство платит за вас. Оно бы не позволило себя обмануть». — «Знаю я...» Уходили, бросали лечиться, прекращали сдавать анализы. Кому нужен доктор, кто захочет его слушать, ведь он предлагает ужасное: труд ради здоровья. Мало мы, что ли, ради денег трудимся?

— Блины любите? — орал с помоста усатый мужик в костюме скomorоха. — Объявляется конкурс на лучший аппетит!

Откуда ни возьмись вырос Птица — куртка нараспашку, из-под нее видна рубаха в синюю клетку. Пожал руку.

— Я смотрю, у тебя тут желающих сдать анализ прямо толпа...

Михаил скривился.

— Ладно, пойду, повышу тебе показатели, так уж и быть. — И Птица полез, ухмыляясь, в фургончик.

Блины съели, опять выскочил скomorох:

— Подходи, честной народ! Новый конкурс у ворот! Покажем и чужим и нашим силушку богатырскую!

На помост начали заскакивать мужики — все как на подбор кряжистые и низкорослые. Скomorох раздал им медицинские перчатки.

— По моему сигналу! Дует — пока не лопнет!

И началось. Выпученные глаза, надутые щеки. Народ теснится к помосту, кричит, за кого-то болеет... Хлоп! — одна перчатка лопнула, взлетел общий вопль. За ней еще: хлоп!

Михаил ссутулился, сунул руки в карманы.

И тут увидел Киллера.

Киллер стоял у стойки с медовухой, принимал из рук продавца высокий пластиковый стакан. Он тоже заметил Михаила. Сдул со стакана пену, не спеша подошел.

— Ну что, архангел? Я слышал, у тебя работы уменьшилось?

Он прямо светился самодовольством.

У Михаила отяжелели руки и ноги, как у пловца, вылезшего из воды. И, видимо, лицо изменилось, потому что Киллер, ухмыльнувшись, отметил:

— Ну, слава богу, допер.

Перед глазами потемнело, воздух сгустился в мутную, стекляннстую массу.

— Почему... — Михаил усилием воли протолкнул густой воздух в легкие, — почему ты это делаешь?

Лицо Киллера лоснилось на солнце, как масляный блин.

— Почему пиво пью?

Не торопясь, он глотнул из стакана и выбрался из толпы на дорожку, которая огибала Дворец культуры. Михаил дернулся за ним.

За Дворцом простирался заснеженный парк. Посреди него в деревянной беседке собрались победители перчаток. Передавали по кругу бутылку с чем-то мутным, белесым.

— Моих мотивов, Миха, — дружелюбно сказал Киллер, — тебе не понять. И вообще. У тебя свои дела, у меня свои. Меньше знаешь — яму не копаешь.

— Но люди перестают лечиться!

— Возможно.

— Они же умрут.

— Возможно.

— То есть тебе их не жалко.

— Естественный отбор, — пожал плечами Киллер, допил свою медовуху.

— Но ведь у каждого есть кто-то близкий! Ты представляешь, каково это для матери — сына потерять? У тебя самого — мать есть?

Киллер с хрустом смял пустой стакан, бросил в урну. Лицо его теперь казалось белой, вырезанной из бумаги маской, в которой чернели, будто круглые дыры, глаза. Открылся рот — еще одна черная дыра. Ответ оттуда выпал тяжелый, как камень:

— Нет.

Поднялся внезапный грай — с деревьев взмыла воронья стая. Взмыла, запятнала небо черными кляксами.

— Что, не можешь меня переиграть, архангел? Ни хрена ты не можешь. Иди домой, халат стирай.

Все стало расплывчатым, мутным. Отчетливой была только эта рожа. Круглые глазки, шрам через нос.

Аптечка упала на снег. Солнце лопнуло, залило весь мир невыносимым светом.

И сразу кто-то заорал из беседки:

— Э! Киллера убивают!

В кафе Дворца культуры было пусто. Михаил сидел за столиком у окна, черпал остывший суп. Ногу жгло. Пусть жжет, нормально. Край раны он обработал антисептиком, наложил тампон — бинтовать не стал, зафиксировал пластырем: крупные сосуды, к счастью, оказались не повреждены. Вот она и пригодилась, аптечка... *Medice, cura te ipsum*¹.

К столику подошел Птица. Присвистнул:

— Вроде час назад виделись... Ничего себе тебя жизнь помотала за это время.

Михаил молча убрал аптечку со свободного стула. Птица уселся.

— Первый раз вижу, чтоб два фингала. В переносицу, что ли, засветили?

Если бы не набежали эти, из беседки!

Главное во время драки, он знал, — не упасть. Запинают, переломают ребра. И он не падал. Даже тогда не упал, когда что-то ударило в ногу.

Сначала, как сквозь подушку, услышал голос Киллера: «Сука, сесть хочешь? Нож мне сюда, живо!» А потом почувствовал, что по бедру течет теплое, что намокла и прилипла к телу штанина.

На этом все и кончилось. Беседочные растворились в солнечном свете — поглотив их, черных, встрепанных, протрезвевших, солнце сделалось совсем уж невыносимо ярким, — а Киллер подобрал аптечку, и они вдвоем, с запасного хода пройдя во Дворец культуры, вошли в обширный, увешанный зеркалами туалет. Там Киллер встал у двери и следил, чтоб никто не зашел, пока Михаил производил все манипуляции.

— Скажи спасибо, что этот дебилоид перо достал. А то присел бы ты у меня за нападение на сотрудника органов.

Подошла официантка — полноватая девушка с густыми светлыми волосами.

— Так... супчик такой же, как у моего друга, — сказал ей Птица. — Если даже его к жизни вернул, значит, реально крутой. Винегрет. И зеленый чай.

Проводив девушку взглядом, развалился на стуле.

— Ну что, как я слышал, лаборантам аж расходников не хватило. Ты же знаешь, кого благодарить, да? — Он слегка выпятил грудь. — Когда я пошел кровь сдавать, форумчане решили, что это очередной флешмоб. Можешь, если хочешь, оплатить мой скромный обед.

Михаил ел суп. Птица, конечно, вовремя. Только это напрасно все. Ну выявится еще нескольких заболевших, ну поставит он их на учет. А потом всех уведет Киллер.

— И ведь так страшно, оказывается! — Птица взъерошил свои и без того дыбом стоящие кудри. — Вот я вроде бы не в зоне риска. — Он похлопал по нагрудному карману, процитировал: — «Соблазнов много — защита одна!» И все-таки волновался, пока не сказали, что результат отрицательный.

¹ *Medice, cura te ipsum* (лат.) — врач, исцели себя сам.

Скребнув ложкой, Михаил зачерпнул остатки супа со дна. Через две недели тоже кровь сдавать. Он прислушался к себе, ища признаки волнения. Нет, никаких. Да и чего волноваться, почти четыре месяца прошло. Вон даже Лев Семенович повеселел... Что ж. По крайней мере, работу я сохранил. Работу...

— Работа у тебя прикольная! — Официантка вернулась с подносом, и Птица отодвинулся, чтоб не мешать ей расставлять тарелки. — Скажи, а как ты вообще решил стать врачом? С детства?

Ничего не ответив, Михаил придвинул к себе суп, стал хлебать. Ч-черт... горячий.

Берега все не было. Плясал берег далеко, издевался. Он волок Лешку, волок, шлепая по мелкой воде, и упал два раза, и уже все равно было, что Лешка чем-то там бьется, главное было — доволочь.

И вот Лешка лежит на мелкой сырой гальке. Не шевелится. Шутит, может, разыгрывает меня?

В ушах вода, и голоса слышатся смутно.

— Что ж он друга не откачал?

— Да как он мог, дети ж совсем...

— Купаться одни бегают — значит, не дети. Даже через пять минут можно было спасти.

И непонятные слова: «прекардиальный удар».

Птица глядел, склонив голову. Потом сказал вежливо:

— Ты, Миша, можешь и дальше есть из моей тарелки.

На площади торговцы уже сворачивали палатки. От догорающего чучела Масленицы валил густой дым. Праздничный красный шар, оторвавшись от связки, полетел ввысь, но не долетел до неба, зацепился за провод, замер на привязи, маленький, одинокий, а потом забился, задержался под налетевшим ветром.

Март

В Баженов пришла весна. Орали — граяли — по утрам вороны. Они оккупировали каждый островок бора, и когда забредал туда прохожий — грай возрастал многократно. Вороны ждали птенцов, были агрессивны, иногда набрасывались на людей.

По ночам еще морозило, но днем пригревало, и тогда пахло, как в незатопленной бане: деревом и сыростью. Снег оставался только у подъездов на газонах с вылинявшей перепрелой травой — лежал там осевшими кучами, пористый, черный.

Только больничный двор был покрыт снегом по-зимнему плотно.

В закипающем чайнике нарастал шум-гарахтень. Михаил, в джинсах и свитере, стоял рядом, слушал. В металлическом корпусе отражалась

его сплюснутая, искривленная фигура. Тарахтение становилось все сильнее. Вот-вот дойдет до точки кипения.

«Как вообще узнали — про доктора? Ведь тут должна быть врачебная тайна. Это преступление вообще-то».

«Давайте, давайте сопلي разводить — скрывать!»

«Согласна. Если б все знали, у кого СПИД, то новых заражений не было бы».

«По-моему, этих больных вообще нужно изолировать. В какой-нибудь резервации».

«Вы еще колокольчики предложите им на шею повесить, как прокаженным».

«А скрывать хорошо? У меня насморк — так я маску надеваю, стараюсь никого не заразить. А они — ходят среди нас».

«Да как он вас заразит? Вы пути заражения знаете хотя бы?»

«Да как угодно! Упал, нос разбил, в аварию попал — ты полез ему помогать, раз-два, и СПИД. Не-не-не, анонимность тут не канает. Хотя бы соседи знать должны!»

«Вы для своих соседей опасность представляете? Сексом, что ли, с ними занимаетесь или из одних шприцев колаетесь? Про геморрой или, допустим, простатит тоже всем рассказывать надо?»

«Скоро полстраны подохнет такими темпами! Если узнаю про кого, что спидоносец — всем расскажу, насрать на его права. Колокольчики там или нет, я не знаю. Нашивки пусть носят! Или, лучше, татухи на груди».

«А тут пишут, что СПИДа нет...»

«На заборах тоже много чего пишут!»

«И все-таки непонятно, как узнали-то? Он же сам врач! Кто-то из своих сдал его, что ли?»

Птица на уговоры долго не поддавался.

— Ты хоть понимаешь, что тебя ждет? — спрашивал.

— Да и не факт, — говорил, — что поможет. Я уверен, что это правильное решение!

Когда они вышли из кафе, площадь уже опустела. Ветер, налетев, завертел под ногами окурки, смятые бумажки. В небе, сцепившись с проводом, рвался и дергался красный шар. Глядя на него, Михаил сказал не то Птице, не то себе, не то еще кому-то — старому мудрому обладателю острого ехидного тенорка:

— Бывают такие решения. Неправильные, но единственно возможные.

Ветер стих, потом налетел опять. Птица опустил голову. Спросил тихо:

— Скажи, Миш... а если человек перестает пить таблетки, он... за какой срок умирает?

Шар — непонятно, что помогло ему — вдруг освободился, стал плавно подниматься в небо.

На сайте odigorod.ru появилась новость: «Врач Михаил Волков, который ведет в Баженове практику по различным вирусным и паразитарным

заболеваниям, стоит на учете в областном СПИД-центре по подозрению в заражении ВИЧ-инфекцией».

И началось. «Так вот почему он вел свою СПИД-пропаганду!» «Приехал к нам в город и заражает тут всех!» «А видели вы, он с аптечкой все время? Ясно, зачем: там эти лекарства его спидозные!» «Там у вас в коридоре, извините... кто-то использованные презервативы набросал...» «А я не буду тут мыть, хоть мне в три раза больше заплатите! Другую ищите дуру! У меня внуки!» «Михаил Ильич, вы же понимаете...»

Чайник, наконец, выключился. Михаил налил кипятка в кружку, бросил пакетик, всыпал сахар-песок. Вещи его, мелочи, которыми поневоле обрастаешь, когда проводишь столько времени на работе, уже были собраны — два пакета, завалившись друг на друга, лежали у двери.

Жаль, лимона нет. От кислого сока светлеет густой чайный цвет, становится чистым, янтарным. Все можно отнять, но маленьких радостей не отнять. Все можно потерять, а маленькие радости останутся. Они, маленькие-то, сами по себе. Пребудут вечно.

Он уже сделал глоток, когда появился низкорослый плотный посетитель. Глянул исподлобья, шагнул, протянул руку.

— Марат.

Рука у него была жесткая, как подошва.

— В тот раз на кладбище... — Он не договорил, отвел взгляд. — Ты, короче, это... Сеструху поставь опять на учет. Ну, недопонял, чё, со всеми бывает. Думал, реально нет СПИДа. А как про тебя стали болтать — так, ну... Если уж с врачом такое — болячка, значит, реально есть. Вишня тоже не дура, не думай. Главное, чтоб, ну, не померла.

Марат наклонил голову, будто собирался с Михаилом бодаться, переступил с ноги на ногу.

— И, это... Чё сидеть тут, пустой чай хлебать. Пошли давай к нам. Кто старое помянет, тому глаз вон.

На карниз прыгнул воробей, пробежался с жестяным перестуком. Интересно он ее называет: Вишня. Очень подходит ей. Вишня.

— Жена пирог испечет! — пообещал Марат.

У себя дома он оказался совсем другим. Исчез заряд агрессивной энергии, ушла неловкость, косноязычность: хозяин был перед Михаилом — ухватистый, складный, и даже слегка балагур. Из дохнувшей жаром духовки явился пирог, тяжело опустилась на стол чугунная сковорода с картошкой. И грибы соленые уже были тут — крепкие грузди, скользкие, со слезой, — утонули в сметане, посыпанные кольцами лука.

В рюмках булькнуло, упал в желудок огненный глоток. Михаил прожевал горячую соленую картошку, покосившись на дверь — может, она придет все-таки... — подцепил на вилку хрусткий груздь. Во всем теле разлилось тепло, электрические искры помчались по вилкам, по опустевшим рюмкам. Марат тут же наполнил их снова. Давай, Мишара! Между первой и второй перерывчик небольшой. Первая — колом,

вторая — соколом, прочие — мелкими пташечками. Чарка на здоровье, чарка на веселье. Сторонись, душа, оболью!

— У женщин знаешь на что надо смотреть? Не знаешь. Не обижайся, Мишара. Ты молодой еще. А вот руки, пальчики. Посмотришь — и сразу ясно, что она за человек. Сейчас некоторые с такими когтями ходят — консервы можно открывать! А теперь на Аньку мою глянь.

— Кому-то, я вижу, уже хватит! — сказала его Анька, поднимаясь: ей нередко случалось быть единственной женщиной во время застолья, и она безошибочно чувствовала момент, когда пора уходить.

Оставшись с Михаилом вдвоем, Марат подмигнул и достал из-за шкафа еще бутылку. Сунул в морозильник:

— Щас охладим чуток... Ты мне пока вот что скажи: кто там воду мутит, в интернетах? Там явно один типок был закоперщик.

— Был, — кивнул Михаил.

— Я думал сначала, что бывший врач. Уволился, типа, из вашей конторы и решил всю правду рассказать. Ты пирог давай бери еще. Анька пироги лучше всех печет! Я его, падлу, найти хотел. Но смылся, сука. «Аккаунт удален».

Марат покрутил в руках вилку.

— Ты знаешь, кто это? Скажи! Он у меня живо поймет, как людям мозги компостировать.

Михаил выдержал его взгляд.

— Нет, Марат, не знаю. А пирог правда очень вкусный.

* * *

Фонари сплелись в золотую сеть. Эта сеть ловила его и, конечно, поймала, он барахтался в ней, как крупная неловкая рыба. Улица моталась перед глазами; то удалялся, то приближался асфальт. Один раз он обнаружил его у самого носа. Удивился. Оттолкнул. Асфальт послушно убрался обратно, к ногам.

В прихожей было темно, ничего не видно. А потом из черноты сооткался зверь. Глаза зверя светились.

— О... сждаешь... меня?

Почему-то было важно, чтоб зверь не осуждал, а понял. Надо было все ему рассказать. С этой целью Михаил уселся на пол, прислонился спиной к двери и начал рассказывать. Как ему было плохо все это время, весь проклятый месяц, и предыдущий проклятый месяц, и проклятый месяц до этого. И вот сейчас... ты не прд... ствляешь, зверь, что они творят.

А зато, отвечал зверь, Киллер заткнулся. Ему теперь никто не поверит! Переиграл ты его.

— Да я вообще не про это думал! — возмутился Миша.

Зверь сверкнул глазами: зато он — про это. Он теперь тебе враг на всю жизнь. Такие, как Киллер, своего поражения не прощают. С самого начала не надо было с ним связываться... Но главное — в интернете на нет сошел

этот вороний грай. Точнее, там сейчас другой грай, по твою уже душу... Уж такие они тут люди. Ну страшно им, что! Бог с ними. Главное, пациенты вернулись. Даже твой Альберт Кузьмич. Ты ведь этого добивался?

Миша поерзал. Этого. Мы оба с Птицей — этого... Птица — он человек. И Марат — человек. И ты — человек, зверь. Зверь! Тьма ты моя ушастая... тьмущая... Дай я тебя обниму.

Тут зверю, видимо, надоело. Дернул он хвостом и пропал. Только глаза продолжали сиять — два их сначала было, глаза-то, потом четыре, потом больше, больше, и вот уже одно сплошное сияние. Мутное, как сквозь воду. И смех доносится. Радостный такой. Лешкин.

А потом смолк смех, и Михаил услышал хрип — свой собственный. Он хрипел, дыхания не было, и горло жгло, как будто сквозь него проталкивали занозистую доску. Он нес Лешку: сейчас, когда он был взрослым, это оказалось нетрудно, — но берег был, как всегда, где-то на горизонте. А в воду положить нельзя. Вода — убийца. На сухое надо, обязательно на сухое. Вот только донесу...

Он донес. Стоял и смотрел без единой мысли, как деревянный. А Лешка не шевелился. И Михаил тоже не шевелился, не мог. Не мог даже упасть: стоял.

Остановился и сон.

Нет! Не останавливайся, не смей — уже полупроснувшись, он толкал сновидение силой воли, хотел досмотреть, увидеть, что все пошло по-другому. Я тебя запущу... сейчас... прекардиальный удар... Ага!

Сердце пошло, вернулось дыхание, Лешка моргнул, перевалился на бок, изо рта хлынуло.

И только тогда Михаил позволил себе проснуться совсем.

* * *

— Тяжко, да? — Голос Птицы в телефоне был сочувственный и насмешливый одновременно.

— В смысле... тяжело?

— Да вот кое-кто рассказал мне, что один доктор... если точнее, инфекционист... Шел домой, как бы это сказать... элегантно придерживаясь за асфальт.

Михаил промывчал что-то неопределенное. Этот бор-городишка! Следит за ним. Никогда не спит.

— Ты давай соберись, — посоветовал Птица. — Душ прими, что ли. Чаю крепкого выпей. Ну я не знаю, что там делают в таких случаях. Тебе видней. В три часа нужно, чтоб ты был на Махатмы Ганди.

Зверь провожал до двери. Красавец он все-таки. Шерсть лоснится, еле заметно вздрагивают чуткие уши.

— Ты мне дорогу еще перейди... — сказал ему Михаил.

Не то чтобы похмельный, а все еще будто пьяный, он шел по улице Ганди. На скамейках сидели старушки в цветных платках: зеленых

с красными розами, и синих в желтых огурцах, и еще других — разных. Сыпали семечки слетающим голубям. У голубей были бензиновые радуги на шеях. Откуда-то доносилась музыка. Фредди Меркьюри вскрикивал совсем по-нашему: «Мама!» На распорках был установлен плакат — что на нем написано, Михаил издали различить не мог, зато видел, как Птица — он был в красной толстовке — вдруг обнял проходящую мимо длинноногую девушку. А вот и еще двое... Да тут все обнимаются! Какой-то парень схватил сразу двух киснувших от смеха старушек. Грузная женщина в джинсах облапила отца Игоря. Батюшка, кстати, недовольным не выглядел...

Михаил подошел к плакату и остановился.

Подскочил пухлый паренек:

— Здравсьте, Михал Ильич! А вы у нас лекции в школе читали, помните? Нравится плакат? «День объятий»! Это я рисовал! Птица сказал, что в каком-то городе такое делали — для тех, у кого ВИЧ, чтоб они себя изгоями не считали. Но у нас-то никто ж не скажет, что болен! Поэтому мы про ВИЧ не стали писать. А просто, вот, «если кому-то плохо». И Queen мы нарочно выбрали. — Он подпрыгнул от радости, и Михаил подумал, что пареньку наверняка хочется обнять побольше красивых девчонок — независимо от того, плохо им или нет. — Queen — это намек! Вы-то догадались? Ну вы чего! Сами же нам рассказывали, что у Фредди Меркьюри СПИД был!

Михаил уже не слушал. Вдруг появилось ощущение, что его кто-то зовет. Оглянулся — и увидел Вику. Светлый плащ, тонкие каблукки. Непокрытая голова — простудится же! — розовые маленькие уши, сережки-гвоздики — все увидел в одну секунду.

Она прошла по его взгляду, будто эквилибрист по канату. Будто вокруг пустой воздух и нет другого пути. И, словно всю жизнь только это и делал, Михаил обнял ее и прижал к себе.

В небе щурилось солнце.

Над широкой улицей Махатмы Ганди разносился бессмертный голос Фредди.

*Is this the real life? Is this just fantasy?*²

...нет выхода из реальности, но открой глаза, посмотри в небо...

*I'm just a poor boy, I need no sympathy*³.

...мама, жизнь только началась...

---

² *Is this the real life? Is this just fantasy?* (англ.) — Это настоящая жизнь? Это только фантазия?

³ *I'm just a poor boy, I need no sympathy* (англ.) — Я просто несчастный парнишка, меня не нужно жалеть.

Светлана ВОЛЫНКИНА

ДОБРОЕ УТРО, КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА!

Рассказ

Светлана Волынкина живет в Новосибирске и учится на втором курсе заочного отделения Литературного института в моем семинаре. По нынешним меркам она довольно поздно входит в литературный мир, но это ничего не значит. Ее рассказ отличается прекрасное интонационное оформление, а интонация для прозы даже важнее, чем для поэзии. Стихи держат рифма и размер. Проза, если она лишена внутренней интонации, не звучит никак. Светлана Волынкина свою интонацию держать умеет.

Это очень женский рассказ. Ироничный и грустный одновременно. Уже немолодая женщина ищет себя в этом мире. Оставил муж, а любовник не хочет уходить от жены. Обыкновенная история. Но именно в этой ее обыкновенности есть какая-то глубокая человеческая и чисто женская правда. Я думаю, этот рассказ полезно прочитать как раз мужчинам. Чтобы понять нюансы женской психологии, которые нам, мужчинам, возможно, покажутся мелкими и смешными, но в мужском мире мелкого и смешного ничуть не меньше. Этот рассказ — своего рода психотерапевтический сеанс для обоих полов, недаром его главная героиня — психотерапевт.

Павел БАСИНСКИЙ

Светлой памяти моего отца
Виктора Григорьевича Волынкина

Вера всю жизнь хотела завести домашнее животное. Сначала запрещали родители. Потом — комендант в университетском общежитии. Затем — ее собственный муж. Спрашивал: «Как в случае развода мы будем его делить? К жене и то прикипаешь, а уж к собаке — тем более». Накаркал. Кстати, Вера до сих пор не понимала, почему он именно собаку имел в виду.

Когда Вера в сорок два года обрела независимость и отдельную квартиру, у нее наконец появился питомец. Как-то, раскрыв утром

икеевские шторы, она обнаружила за стеклом затейливую паутину, а на ней — большого паука, белого в розовую крапинку. В том, что это был паук, а не паучиха, Вера не сомневалась. Она всегда лучше ладила с мужчинами, нежели с женщинами. Эту особенность муж ей и не простил — когда обнаружил ее двухлетний роман с клиентом. Вера считала, что то была божественная любовь и не ее вина, что Вселенная не выбирает, чьи души одаривать. Социальная роль, которую играет человек, во внимание провидением не берется. Но попробуйте растолковать это человеку, с которым прожили двадцать лет...

Паук неторопливо плел сеть и ловил туда зазевавшихся мух.

Вера забила в поиске: «Паук за окном. Приметы».

Яндекс заботливо выдал: «В древности пауков считали собаками домового. Чем их больше, тем сильнее защита и опека этого древнего хранителя человеческого жилища».

Неплохо. Что еще?

Исполнение желаний. Материальное благополучие. Судьбоносная встреча. Антисанитария.

Вера выбрала первые три приметы и засобиравалась на работу. Новую. С прошлой ее с позором уволили, потому что жена Вериного «божественного» любовника накатала жалобу вышестоящему начальству о ее профнепригодности. Вера была психотерапевтом, а Василий с Галиной посещали ее сеансы для спасения брака.

Когда Галина растрезвонила повсюду о Верином романе с Василием, Верин муж Миша, сотрудник Института ядерной физики, узнал обо всем последним. Миша был идеальным мужчиной с единственным недостатком: он был идеальным мужчиной. Недолго думая, он подал на развод, разменял огромную общую квартиру и, задействовав какие-то свои связи, спас лицензию бывшей жены — «по старой дружбе, не чужие ведь люди», — с условием строгого запрета на дальнейшие встречи с незадавшимся клиентом. Вера обещала. Тем более что выполнить обещание было несложно: Василий под конвоем супруги отбыл на Бали зализывать последней душевные раны.

Вера устроилась психологом в частную школу и жила дальше одна.

Она открыла шкаф и медленно провела рукой по своим брендовым пиджакам: на кого теперь производить впечатление — на детишек богатых родителей? Надела простые джинсы и блузку в красный горох. Замазала мешки под глазами. Все-таки лучше выспаться, а то и паук сбежит. Накрасила губы ягодной помадой. Выбор помады — целое искусство. Можно что угодно простить женщине, но только не безвкусную, дешевую помаду. А еще важен ее цвет. Здесь у Веры был свой список примет со стопроцентной исполняемостью.

Если ваша помада темно-бордовая — визажисты называют этот цвет «марсала», — вас ждет деловая встреча. Глубокая розовая, похожая на жемчужный румянец, — весь день будет прекрасное настроение. Теплая, коричневая, как карамель, — поцелуй. Наконец, яркая красная, клубничная — сами знаете что. Ягодная сулила судьбоносную встречу.

А так как Вера пользовалась ею каждый день, то из этих встреч и состояла ее насыщенная, интересная жизнь.

«Состояла, — подумала Вера. — Теперь придется затянуть поясок и проводить тесты с ошалелыми школьниками. Боже, ну за что?!»

Впрочем, отчаиваться Вера не умела. Поэтому, остановив выбор на белых кедах в тон блузке (предварительно три раза сменив кеды на шпильки и наоборот), Вера взяла сумку и направилась к выходу.

Минут двадцать она заводила машину. Машина не слушалась. Поворачивая ключ зажигания, Вера нажимала на педаль, но ее боевая подруга лишь жалобно скулила. В чем проблема? На улице сентябрь, аккумулятор вряд ли разрядился при такой температуре...

Вера по привычке набрала Мишу:

— Миш, машина не заводится.

— Ты забыла, я теперь не твой муж.

— Миш, ну по старой дружбе...

— Ваське позвони.

— Ты же сам запретил.

— А тебя это когда останавливало?

Гудки.

— Черт!..

Удивительно, но Миша как-то спокойно воспринял развод. Не бил посуду. Не уходил из дома. Просто лег в зале и сказал: «Поговорим утром». Вот где страсть и чувства?! Неужели ему было совсем все равно? Вера всю ночь не спала. А ему — хоть бы что! Через десять минут она услышала за стенкой смачный храп. Вера на цыпочках пробралась к мужу и накрыла его одеялом. Не чужие ведь люди.

Время предательски приближалось к восьми. Первый день на новой работе начнется с опоздания. Да чтоб тебя! Вера хлопнула дверью машины и направилась в школу пешком, благо, если идти быстрым шагом, до той всего тридцать минут. Все-таки хорошо, что надела кеды. Похоже, Вселенная заранее знала, как лучше.

Вера шла бодро. Проходя через красивый парк, она вдохнула полной грудью. Как хорошо! Воздух пах утром. То еле уловимое ощущение, которое обязательно рассеется, стоит лишь солнцу подняться выше. Прохожие сновали туда-сюда, кто с бумажным стаканчиком кофе, кто с портфелем за спиной, а кто и с двумя увесистыми сумками прямо спозаранку.

— Доброе утро, красивая женщина!

Вера вздрогнула. Рядом никого не было. Точнее, навстречу шел старичок, улыбающийся светло и доброжелательно. Он слегка подволакивал правую ногу. Ступня была вывернута влево, и дедушка как бы тащил ее, безвольную, за собой. При этом он ступал уверенно, помогая себе тростью. Одет был строго и, можно сказать, импозантно.

Вера вскинула руку и весело помахала ему в ответ, как старому доброму знакомому. Она производила впечатление на мужчин любого

возраста, уж этого у нее было не отнять. Даже четырехлетний сосед делился с ней жвачкой.

Потянулись однообразные будни. Работа в школе Веру абсолютно не вдохновляла. Скучные тесты, наглые дети, ничем не примечательные коллеги. Возвращаясь вечером в пустую квартиру, Вера плюхалась на диван и ловила себя на мысли, что она на полпути к отчаянию. Миши стало не хватать. Его чашки кофе с мандаринкой на десерт. Вкусного ужина. Вера терпеть не могла готовить, и сейчас в холодильнике у нее грустили заплесневелый кусок сыра и три яйца. На попытки связаться Миша реагировал вежливо, но отстраненно. В основном общался по поводу сына, пожелавшего остаться с отцом (даже матерью Вера оказалась никудышной). А на СМС с разными «прости» и «скучаю» просто не отвечал.

Одно лишь обстоятельство наполняло Веру теплом — импозантный пожилой мужчина, которого она встречала в одно и то же время и который, с приветливой улыбкой снимая шляпу, неизменно говорил: «Доброе утро, красивая женщина!» Это был своеобразный ритуал, позволявший Вере держаться на плаву.

Золотая осень подошла к концу — и внезапно, как часто бывает в Сибири, нагрелась зима. И хотя на календаре красным по белому было написано: «Октябрь», прилипшие к ногам капроновые колготки красноречиво свидетельствовали — температура ниже нуля.

Вера с тревогой смотрела на паука: интересно, где он будет зимовать? Она подумывала запустить его в дом, чтобы самой не завывать от тоски. Все-таки какая-никакая, а живая душа.

...В тот день Веру отправили на коммуникативный тренинг в другую школу. Вера села в машину, и та снова не завелась. До зарплаты было еще несколько дней, поэтому, проверив баланс в банковском приложении, Вера поплелась на автобусную остановку вместо того, чтобы вызвать такси. Есть огромный плюс в том, чтобы жить на конечной — можно сесть в автобусе, что Вера с большим удовольствием и сделала. И сразу открыла новостную ленту в телефоне.

На следующей остановке в салон зашла сгорбленная старушонка. Она была такая маленькая и так смешно жамкала ртом, когда пробиралась среди людей поближе к водителю, что вызвала умиление. Остановившись возле Веры, бабуля поставила ей под ноги два больших пакета. Вере было жутко лень вставать, но совесть, которая неожиданно у нее обнаружилась, не позволяла игнорировать пожилую женщину.

— Бабуля, присаживайтесь, — сказала Вера.

— Э-э, спасибо тебе, милочка, я с удовольствием! — Старушка лихо забралась на освободившееся место. — Подкинь-ка мои сумки, дочка.

Вера взяла пакеты и поставила их рядом с бабулей. Затем взялась за автобусную петлю, чтобы не упасть, и хмуро уставилась в окно.

Бабуля ухмылялась, демонстрируя пару гнилых зубов.

— Ты ладная деваха, — вдруг прошамкала она, — но рот-то не разевай, воришки здесь лазают! Ну а что поделаешь, у каждого своя работа.

Вера огляделась, открыла сумку и нащупала кошелек и телефон. В кошельке лежала последняя тысяча рублей и банковские карты. И того и другого было жалко.

— Давай сюда свой багаж. — Бабуля, не дожидаясь Вериного согласия, взяла ее фирменную сумку — последний подарок Миши. — Я как-то раз решила подшутить над карманниками. Купила такие купюры, ну которые для розыгрыша, и запихнула в кошелек. А кошелек пришила к сумке на самое видное место. Домой приезжаю — нет денег. Аха-а-а, то-то же! — Старуха засмеялась, и Вера почувствовала несвежий запах у нее изо рта. — Но потом стало как-то неудобно — не люди они, что ли? Я положила им в следующий раз сто рублей и пачку презервативов, а внутрь пачки — бумажку и написала там: «Трахайтесь на здоровье!» Аха-хах-ха! — Здесь уже смеялся весь автобус, включая Веру.

— А ты, дочка, не переживай. Все у тебя будет прекрасно, чувствую я. Энергия у тебя хорошая.

— Спасибо вам. Я на следующей выхожу. — Вера забрала сумку и направилась к выходу.

Возвращаясь вечером с тренинга, она заскочила в магазин. Посчитав на калькуляторе в телефоне, что такого можно позволить себе купить на тысячу рублей, чтобы еды хватило до зарплаты, направилась к кассе. Открыла кошелек и обнаружила там пятитысячную купюру. Она подняла ее, посмотрела на свет, начала разглядывать со всех сторон... Кассир поинтересовался, долго ли она собирается задерживать очередь. Вера подала деньги.

— Настоящая купюра? — спросила она.

Кассир посмотрел на нее удивленно, выбил чек и предложил еще прийти за покупками.

Добравшись до дома, Вера увидела у подъезда Василия, докуривавшего, судя по валявшимся у его ног бычкам, уже третью сигарету.

* * *

— Ты его непустила, надеюсь? — шипела на следующий день Светка в телефон.

— Впустила, конечно, это ведь элементарные правила вежливости...

— Можно подумать, очень вежливо с его стороны два года пудрить всем мозг! Тебя из-за него уволили!

— Ну не из-за него, а из-за его жены. Она ведь пожаловалась.

— Боже мой, — простонала Светка, — жизнь тебя не учит. Отберут же лицензию! Хочешь без работы остаться?

— Никто не узнает.

— Я знаю.

— Ну да. Значит, все знают.

— Я вообще-то по делу звоню. Вчера в «Бирмане» Мишка с бабой какой-то сидел. Сразу говорю — ты лучше. Но она тоже ничего. Хоть грудь и не своя, зато красиво.

— Спасибо за информацию. Ну, он свободный мужчина теперь.

— Вер, перестань, а? Мне-то уж не говори! Он же спит и видит, что ты его позовешь обратно.

— Он сам ушел.

— Конечно, ушел! Потому что уважает себя. Ладно, я тебе сейчас фото пришлю.

— Какое?

— Ну, тетки этой с Мишкой.

— Свет, не надо.

— Все, целую!

Вера положила телефон рядом с чашкой кофе и уткнулась в рабочий монитор. Телефон тут же оповестил о сообщении. Вера только глянула на экран и увидела прикрепленное фото от Светки. Открыла. Улыбка эффектной блондинки обещала райские кущи. Ну и ладно. Пусть и Мише будет хорошо. Вера поморщилась, удалила фотографию и открыла отчетную таблицу.

Телефон снова пропищал. Абонент с именем «Не брать трубку» прислал фотографию с букетом цветов. Вот он, век электронных технологий! Теперь мужчины не утруждают себя настоящими букетами и шлют вместо них картинки.

— Вера Павловна, к вам курьер, — завистливо прошептала методист мышиноного вида, первый раз в жизни видящая такое количество роз.

Вера взяла букет и первым делом проверила наличие записки. Ее не оказалось. Но телефон выдал новое сообщение от «Не брать трубку»: «Я все сказал вчера, жду ответ».

— Поклонник? — спросила методист, уронив печенье на свою затрапезную блузку.

— Ага. Сэлинджера.

На самом деле Василий был далек от американской литературы. Впрочем, как и от всякой другой. Он владел станцией технического обслуживания автомобилей (подаренной ему тестем), куда загонял подержанные машины и продавал их, слегка подлатанные тут и там, но часто с нерабочим двигателем. С каждой продажи он получал свои тридцать-сорок процентов. Одним словом — перекуп.

Иной раз Вере хотелось исправить орфографию в сообщениях любовника и заставить его делать работу над ошибками. Однако при личных встречах неграмотность Василия быстро нивелировалась, настолько он был харизматичен: говорил и делал ровно то, что хочет женщина, как по учебнику психологии.

После работы Вера отправилась прогуляться пешком. Вставила в уши наушники и включила музыку на полную громкость. Ей казалось, что судьбоносные решения необходимо принимать вот так — разбирая каждую деталь. Сегодня она будет думать о том,

как это — быть просто женой любимого мужчины. Без работы, без перспектив, без собственных денег, в конце концов. А может, ей выучиться с нуля на кого-нибудь еще? Готова ли она похоронить весь свой опыт и стаж ради любви? Мысли скакали и не хотели останавливаться, как щенки, почувявшие вкус жизни. Вся ее психологическая практика была бесполезна: невозможно помочь самой себе. Только и оставалось, что идти к другому психотерапевту. Но, как говорится, стоящий специалист денег стоит... Круг замкнулся.

На следующее утро Вера нарисовала губы алой помадой и пошла на работу — писать заявление на отпуск без содержания. Идея абсолютно дикая — в октября месяце, в школе, — но другого выхода для себя психотерапевт с пятнадцатилетним стажем не нашла.

— Доброе утро, красивая женщина! — Ей снова улыбался импозантный мужчина с элегантно тростью.

Вера по привычке помахала ему. Что-то в его облике сегодня изменилось. Как будто походка стала тяжелее, а нога совсем перестала слушаться. Но старик (который наверняка глубоко оскорбился бы такому определению) вида не подавал и гордо продолжал свою ежедневную прогулку.

— Отпуск? Вы в своем уме? — Директор школы возрился на Веру с возмущением. — У нас комиссия на следующей неделе!

— По семейным обстоятельствам.

— У вас кто-то умер?

Вера отрицательно повертела головой.

— Тогда и речи быть не может. — Директор достал из выдвижного ящика договор, демонстративно его пролистал и продолжил: — Вы устроились к нам в прошлом месяце. И, помнится мне, не без шероховатостей.

— На неделю.

— Нет.

— На три дня, пожалуйста! Возьму четверг, пятницу и понедельник.

Директор шумно вдохнул, повертел туда-сюда свой «паркер» и посмотрел на Веру. Взгляд не предвещал ничего хорошего.

— А впрочем, почему бы и нет? За свой счет, разумеется. По возвращении возьмете на себя еще девятые классы.

— Хорошо, — сказала Вера и ужаснулась своим словам.

Но ненадолго. Она вприпрыжку бежала домой, думая, какой кулак подойдет. Может, желтый в полоску? Нет, слишком просто. Розовый в пальмовых листьях? Это чересчур. Фиолетовый? Да! Надо добавить к нему тунику и забежать в магазин за новыми сланцами, белые совсем не в тему.

— Миш, можно Саша на выходных у тебя останется?

— Вообще-то у меня уже планы.

«С блондинкой?» — хотела спросить Вера, но вежливо промолчала.

— Что там у тебя опять случилось? — спросил Миша.

— Работы много, не могу войти в режим.

— Ладно, пусть на этих остается, ходим с ним в спортклуб.

— Миш, спасибо!

Гудки. Вот он всегда так — уходит по-английски. Ни тебе «до свидания», ни «приятного вечера».

Вера улетела с Василием на остров Корфу. Они рисовали на песке две буквы «В» и купались до изнеможения. А потом в новостных сводках журналисты писали о том, что местные жители возмущены безнравственным поведением туристов, нарушающих заведенный на пляже порядок. Возмущены и терзаемы желанием оказаться на их месте.

* * *

Все закончилось очень быстро. Так всегда происходит, когда очень сильно боишься кого-то потерять. Василий с невозмутимым видом сказал, что именно сейчас он не готов разводиться, но вот в следующем году, когда они решат вопрос с жилплощадью, — непременно. Вера вернулась на работу, чтобы забрать оттуда трудовую книжку. Миша сказал, что теперь ничем помочь не может и что она круглая дура. Импозантный мужчина с тростью куда-то исчез. Может, и к лучшему: вряд ли ее теперь можно было назвать красивой женщиной. С определенного возраста бессонные ночи в слезах оставляют на лице неизгладимые следы. Даже паук не захотел к ней переселяться на зиму — плюнул на свою паутину и затаился в щелях между рамами.

Но и на этом череда неприятностей не закончилась. Прождав две недели после обведенного в календаре кружочка, Вера скрепя сердце заставила себя купить тест на беременность, который, абсолютно не удивив ее, оказался положительным. С этого момента покой и радость надолго покинули Верину жизнь. Ребенок? В сорок два года? Без мужа? Без лицензии? Ответ напрашивался сам собой — аборт. Но Вера была категорически против.

Она горько усмехнулась. Положа руку на сердце, у нее на аборт и денег не было. Просить нужную сумму у бывшего мужа было ниже даже того дна, на котором Вера очутилась. В голову ей пришла поговорка про саночки: любишь кататься... Но глагол напрашивался другой. Мужчина всей ее жизни снова был в черном списке. Хотелось бы думать, что он без нее прозябал, но нет — у него все было прекрасно, Вера в этом не сомневалась. Сообщать ему о беременности ей не позволяла гордость. Впустить в дом — позволяла, а говорить о ребенке — не позволяла. Вот такой женский парадокс.

Высыпав на лицо ведро льда, которого в морозилке всегда было с избытком, и приведя себя в порядок, Вера засобиралась на прогулку. Составлять план действий. Точнее — план по спасению утопающих. Она считала, что, имея четкое руководство, сможет вытеснить из своей жизни хаос и структурировать ее.

Чем дальше Вера шла, тем злее становилась, тем бодрее был ее шаг. В чем, в конце концов, она виновата? В том, что любовь

зла? В том, что она, как дура, поверила в возможность пушистого розового счастья? В том, что она дала шанс порядочному человеку найти свою любовь и быть любимым? Под порядочным человеком Вера имела в виду Мишу, который взял на себя все заботы о воспитании сына и окончательно разорвал с ней всякое общение после ее отпуска на Корфу.

Вера села на лавочку и достала телефон. На экран падали редкие ноябрьские снежинки и тут же изумленно таяли. Вера открыла заметки и написала: «План». Потом подумала и дописала: «План по завоеванию мира». Но и этого ей показалось мало. Итоговая версия звучала так: «План по завоеванию мира и уничтожению предателей». Слишком авторитарно. Зато честно. Дальше пункты полились сами собой. Все-таки она психотерапевт, а они бывшими не бывают.

1. Найти любую работу.
2. Пресекать всяческие попытки Предателя выйти на связь.
3. Наладить общение с сыном и бывшим мужем.
4. Привести себя в порядок.
5. Следить за своим настроением и душевным состоянием.

Не позволять негативным эмоциям одерживать верх.

6. На время беременности обеспечить себе и будущему ребенку комфорт.

7. Убить Василия при встрече.

Последний пункт она стерла, потому что он шел в противоречие с пунктом номер пять.

Пальцы Веры начали замерзать. Она спрятала телефон и надела перчатку. Да и сидеть на холодной лавке было не очень приятно, к тому же вредно. Имея четкий план, но не зная, как подступиться к его исполнению, Вера направилась в сторону дома. Лицензии у нее теперь нет, в приличное место ее не возьмут. Даже если и получится, то через три-четыре месяца ее положение станет слишком очевидным.

Перебирая в уме возможности, а точнее их отсутствие, Вера столкнулась с женщиной в малахитового цвета пуховике, несшейся куда-то сломя голову.

— Извините, — бросила та в пустоту, остановившись и совершенно не видя ничего вокруг.

Вера уставилась на предмет, который женщина держала под мышкой.

— Это вы меня извините, но... откуда у вас эта трость? — спросила Вера.

— А? Это вы мне? Какая трость?

Вера показала на знакомую изящную тросточку, рукоятка которой была инструктирована перламутром.

— Это папина. А вам, собственно, какое дело?

— Я прошу прощения, а что с ним?

— Вы кто вообще?

— Да на самом деле никто, — сказала Вера и растерянно улыбнулась. — Ваш папа гулял здесь каждое утро, пока было тепло, и желал мне хорошего дня. Вот я и заперезживала, куда он пропал.

— Ах-ха, да, мой отец и при смерти за кем-нибудь волочится, он такой! Вот бегу с работы, чтобы накормить его. Никак не могу найти сиделку — такие цены, что помереть дешевле.

— А сколько сейчас берут сиделки?

Женщина внимательно посмотрела на Веру.

— Пятьсот рублей в час. А мне надо минимум на пять часов в день.

— Давайте я помогу. Я готова за двести пятьдесят.

— А опыт у вас есть? Папа после инсульта.

— Опыта сиделки нет, но я бывший психотерапевт. Хотя бывшими мы не бываем... В общем, еще и психологическую помощь могу оказать.

— Все это очень странно, конечно... Ну давайте попробуем. Продиктуйте ваш телефон.

Вера назвала свой номер и пошла домой, довольная тем, что пункт номер один удалось выполнить сразу. Работа не по специальности, конечно, но на безрыбье и рак рыба.

* * *

Минус двадцать пять. Вот так — сходу, без обиняков. Вряд ли жителей Сибири можно удивить такой температурой, но все же. За много лет Вера так и не смогла привыкнуть к резко континентальному климату.

Господи, как тошнит. Выпитый на голодный желудок стакан воды уже оказался в унитазе. Про еду и думать не хотелось. Вернее, одна мысль о ней, особенно о сочном, лоснящемся куске свиного рулета, запеченного со специями в духовке, вызывала у Веры приступ тошноты. А ведь раньше это было любимое семейное блюдо. Миша по выходным часто его готовил на ужин.

Вера надела лыжный костюм, обмоталась метровым шерстяным шарфом в полоску и крепко завязала концы. Получилось как украшение африканских женщин в виде колец на шее, только на сибирский манер. Зима почти не оставляла шансов выглядеть привлекательно, что бы там ни кричала реклама норковых шуб и дутых пуховиков.

Дом, куда спешила Вера, располагался сразу за парком. Она уверенно позвонила в домофон и поднялась на второй этаж. Дарья, дочь импозантного мужчины, в спешке докрашивала губы в прихожей.

— Доброе утро, — сказала Вера.

— Здравствуйте! Раздевайтесь, вещи можно повесить сюда. — Дарья открыла шкаф. — Пойдемте, я вас познакомлю.

— Да мы вроде как знако... — Вера не договорила, оказавшись у входа в спальню, где в кровати сидел импозантный мужчина с белой салфеткой вокруг шеи (Вера ставила сразу сто баксов, что салфетка была идеально выстирана и выглажена), читал газету и ел яйцо всмятку миниатюрной серебряной ложечкой.

Он нехотя оторвался от утреннего чтения и поднял глаза на вошедших. Уголки его рта лукаво растянулись, а в глазах заиграл

насмешливый огонек. Он промокнул рот салфеткой, прихлебнул чай и нараспев сказал:

— Доброе утро, красивая женщина!

— Здравствуйте, — смущаясь, улыбнулась Вера.

— Папа, это твоя новая сиделка, Вера Павловна. А это наш пациент — Тимьян Аскольдович.

— Бесконечно счастлив! — Тимьян Аскольдович протянул Вере руку. Вера легонько ее пожала. — С такой сиделкой я готов болеть вечно!

— Все, я побежала, — заторопилась Дарья. — Будут вопросы — звоните. Хотя лучше писать, не всегда могу взять трубку.

Входная дверь хлопнула, и Вера Павловна вступила в новую должность.

— Вот так встреча! — Тимьян Аскольдович не производил впечатления лежачего больного, скорее он выглядел как аристократ, проснувшийся после обеда и не торопящийся покидать постель. — Как вас угораздило?

— Набираюсь опыта. Для расширения кругозора.

Тимьян Аскольдович рассмеялся. Это не был смех старика, пережившего инсульт, это смеялся здоровый, крепкий мужчина, весело проводящий время в обществе привлекательной женщины.

— И чем мы сегодня займемся? — спросил он.

— А чего бы вам хотелось?

— Честно признаться — вернуться к работе.

Тимьян Аскольдович Мотовилов окончил Восточный институт во Владивостоке и стал выдающимся ученым-востоковедом. Знал более десяти языков, среди которых китайский, японский, хинди, тибетский, корейский, монгольский и маньчжурский. Много путешествовал и участвовал в археологических экспедициях в Тибет и Гималаи в качестве переводчика. Преподавал в родном институте китайский и монгольский языки, а потом был откомандирован в Харбин, где служил переводчиком в советском посольстве.

Личная жизнь Тимьяна Аскольдовича не сложилась. В институте он был слишком занят изучением языков, а на службе — работой. Поэтому он довольствовался краткосрочными связями в частых экспедициях. Благодаря одной такой он стал отцом «Монголо-русского словаря Т. А. Мотовилова» и единственной, как выяснилось в будущем, дочери.

О существовании последней он узнал далеко не сразу.

Тимьян Аскольдович вернулся из Харбина преподавать в родной институт, написал несколько научных работ, получивших высокую оценку, и защитил докторскую диссертацию, где рассуждал о роли Китая в современных геополитических процессах. А потом, не доработав до пенсии три года, тяжело заболел.

В этот момент Дарья, уже взрослая женщина, сама его нашла и передала ему письмо своей умершей к тому времени матери, где

та писала о любви к бывшему коллеге и соратнику по той давней экспедиции — высокому красавцу-востоковеду, «горячо увлеченному жизнью».

Тимьян Аскольдович обрадовался, но все же настоял на ДНК-тесте. Результаты подтвердили стопроцентное родство Дарьи Тимьяновны и Тимьяна Аскольдовича, и последний был перевезен дочерью из Владивостока в Сибирь.

— И чем мы сегодня займемся?

— А чего бы вам хотелось?

— Честно признаться — вернуться к работе. Вы знаете китайский?

— Нет, как-то не пришлось...

— Самое время узнать! Подайте-ка мою записную книжку из тумбочки.

— Тимьян Аскольдович, но это не входит в мои... — начала было Вера, но он так странно на нее посмотрел, что ее язык одеревенел и она смущенно замолчала.

Было в этом пожилом человеке что-то сугубо мужское, этакая непреклонность, так что послушаться его не представлялось возможным. Вера достала блокнот и села возле кровати.

— Итак, приступим, — начал Тимьян Аскольдович, как будто вещал с кафедры в университете, а не лежал в клетчатой фланелевой пижаме в кровати. — Восток — дело тонкое. Избитая фраза, но сколько в ней смысла! Впрочем, как и в любой другой банальности. Начнем мы с фонетики. В китайском языке есть тоны. Тоны — это изменение высоты голоса на протяжении слова. Различают четыре тона плюс нулевой. Иными словами, если произносить одно и то же разными тонами, получатся разные слова, и запишутся они разными иероглифами.

И Тимьян Аскольдович продемонстрировал свое владение китайским языком. Вера хихикнула. Он так бойко и быстро говорил, корча по ходу своего монолога рожицы, что впервые за последний месяц у Веры стало тепло на душе, как будто китайские тоны обладали согревающим эффектом, вроде банного полка или взбитого пухового одеяла.

Незаметно наступил вечер. Когда нам особенно хорошо, время бежит, не давая никакого шанса остановить мгновение и осознать его. Лишь позднее, в заурядных буднях, в повседневных делах люди вспоминают эти легкие, летящие минуты, горько сокрушаясь, что те бессовестно канули в вечность.

Вера жила. Она бежала на работу, как на праздник. Это слегка пафосное, но такое теплое и уже давно присвоенное: «Доброе утро, красивая женщина!» — встречающее Веру каждый день, так и будет звучать у нее в ушах даже потом, на склоне лет. Но это потом. А сейчас — кто бы мог подумать! Сиделка при старике, изучающая китайский язык! Вера и не подозревала, что у нее возникнет к нему такая тяга. Нет, не к Тимьяну Аскольдовичу, а к Востоку! Хотя бывший профессор не уступал китайскому языку харизмой.

Как-то, почувствовав себя значительно лучше и будучи в состоянии самостоятельно передвигаться по квартире, он преподавал Вере мастер-класс по приготовлению китайских блюд.

— Пока жил в Харбине, иногда любил что-нибудь эдакое сварганить. Хотя знаете, Вера Павловна, китайцы предпочитают питаться вне дома — это гораздо экономнее и вкуснее.

И они вдвоем готовили дунбэйские блюда, характерные для северо-востока Китая: цецзы — жареные баклажаны с тушеным картофелем и зеленым перцем и гобаожоу — свинину в кляре и кисло-сладком соусе. А как-то раз подали к столу императорскую рыбу «Фу лун» с кедровыми орешками, — правда, вместо карпа Вера купила минтай, иначе они получили бы нагоняй от Дарьи Тимьяновны за перерасход средств.

Тимьян Аскольдович рассказывал, что жареный картофель можно попробовать в Китае далеко не везде. На кухне Харбина, отличающегося суровым климатом и холодными зимами, сказалось русское влияние, отсюда и свиные сосиски, и картофель, и черный хлеб. Помимо русских, на дунбэйскую кухню повлияли кочевые монголы, которые тушили мясо и овощи прямо в своих шлемах. Благодаря им по Китаю распространилась традиция готовить пищу на сильном огне, только вместо шлемов уже использовали котлы и кастрюли. От монголов же пришел обычай жарить мясо на углях.

Все это Тимьян Аскольдович рассказывал интересно и живо, то переходя на китайский, то снова на русский, чем приводил Веру в неопишуемый восторг.

Она сама не заметила, как дома перестала вечерами лить слезы. Теперь она сидела в ванне с блокнотом и тщательно вырисовывала иероглифы северо-восточного диалекта дунбэй-хуа, чрезвычайно распространенного в Китае.

Беременность ее протекала спокойно. Хорошо округлившийся живот уже не скрывали даже платья оверсайз, которыми Вера закупалась у какого-то неизвестного продавца на «Вайлдберриз». Что-то ей подсказывало, что он (продавец), тоже имеет отношение к китайскому языку.

Тимьян Аскольдович не подавал вида, что замечает беременность своей сиделки. Зато Дарья Тимьяновна однажды задержала Веру на лестнице и, гневно глянув в глаза, выпалила:

— Это отец?!

— Да вы что! Конечно, нет!

После этого Дарья не задавала лишних вопросов. А Тимьян Аскольдович, стоявший в это время за дверью, как-то весь съежился и стал похож уже не на импозантного профессора-востоковеда, а на обычного пенсионера, влачащего свою невеселую старость в одной из унылых девятиэтажек.

Впрочем, его отношение к Вере не изменилось, и они продолжали уроки. За эти восемь месяцев Вера осилила два учебных уровня, и Тимьян Аскольдович обещал найти для нее подработку, когда она родит и не сможет оказывать услуги сиделки. Вера поблагодарила

и сходу сказала, что хочет поступить на востоковедение и получить второе высшее образование. Тимьян Аскольдович просиял.

Тем временем за пределами квартиры Тимьяна Аскольдовича и Дарьи Тимьяновны шла своя жизнь. Подруги перестали общаться с Верой, верна ей была только Светка, которая, как связист, регулярно звонила и докладывала в трубку обстановку. Верин сын Саша появлялся не чаще, чем раз в две недели. Впервые увидев Верин живот, он презрительно кинул через плечо:

— Дура!

Вера хотела, по старой привычке, дать ему подзатыльник и сказать что-нибудь вроде: «Не смей так разговаривать с матерью!» Однако молча ушла и заперлась в ванной.

В следующий раз Саша приехал с большим пакетом провизии и угрюмо разложил все в холодильнике: овощи и фрукты — в отдельный контейнер для готовых продуктов, яйца и молоко — на полочки на двери, мясо — в морозилку.

И вот наконец Вера родила красивую, здоровую девочку и записала ее на свою фамилию. Вернее, на Мишину.

Едва ребенку исполнилось две недели, Вера завернула его в легкий конверт, благо на дворе стояло лето, и на такси отправилась к Тимьяну Аскольдовичу. Дверь открыла новая сиделка, тучная пожилая женщина. Она так тяжело дышала, что у Веры промелькнула мысль: непонятно, кто за кем ухаживает — сиделка за востоковедом или он за ней. Сначала эта особа не пожелала впустить нежданную гостью, но, услышав из спальни раскатистый мат на китайском (судя по интонациям), отступила, лишь махнула рукой со словами:

— Дурдом, да и только!

— Доброе утро, красивая женщина! — поприветствовал Веру Тимьян Аскольдович. — Можно? — Он робко указал на конверт, в котором сладко сопела новорожденная, засунув большой палец в рот.

— Конечно, Тимьян Аскольдович!

Профессор приподнял уголок конверта и твердо сказал:

— На вас похожа, Вера Павловна! Удивительной красоты женщина!

Вера обняла его, чтобы он не увидел, как предательски подрагивает у нее нижняя губа и глаза наполняются радостной влагой.

— Моя новая сиделка не хочет заниматься китайским. Да что уж, она и по-русски едва говорит! Хоть на стенку лезь... А я тут в институт звонил. Пойдете на заочное?

— В Восточный?

— Ну зачем же так далеко? В наш Сибирский.

— А как же экзамены?

— Сдадите.

— Но я не готова!

— Готовы. Китайский, история и русский. Сначала можно учиться здесь, а через год подадите на грант и переведетесь в Китай. Или на стажировку съездите. Перспективы весьма любопытные.

— Тимьян Аскольдович, я не уверена, что смогу. Китайцы, может, и поймут, что я говорю по-китайски, но точно не поймут о чем. Да и Соня совсем кроха... И помочь некому...

— Не драматизируйте. Езжайте домой, я пришлю вам тесты с экзаменов прошлых лет. Цзайцзиень! — весело сказал профессор, что на китайском означало «до свидания».

Дальше все завертелось-закрутилось. Вера поступила легко, как будто играючи. Занятая ребенком круглые сутки, она больших надежд не питала, и поволноваться ей было некогда. Профессор из Китая, присутствовавший на вступительных экзаменах, сразу предложил ей принять участие в конкурсе на грант, чтобы в следующем учебном году попасть на стажировку в Пекин. Вера согласилась: как раз будет время на подготовку, да и Сонечка подрастет и составит ей компанию.

Отношения с Мишей стали налаживаться, он уже появлялся у Веры в доме, привозил Сашу «погостить». Встречи с Сашей теперь были не раз в две недели, а каждые выходные. Старший брат даже возился с Соней, чем очень облегчал Верин быт. Так незаметно Вера выполнила пункт три, наспех написанный тогда, в ноябре, на лавочке: «Наладить общение с сыном и бывшим мужем». Получалось, что все цели выполнены.

За исключением одной: «Пресекать всяческие попытки Предателя выйти на связь». К счастью (а может быть, и к сожалению), пресекать было нечего. Василий канул в Лету и вестей о себе не подавал. Пока однажды днем не подошел к Вере в парке, где она гуляла с коляской.

Что это была за встреча! Верино лицо окаменело и приняло надменное выражение. Она гордо прошагала мимо, на ходу бросив ему, что он сделал ей лучший подарок в жизни, даже два — Сонечку и Восток. И поникший Василий поехал к своей некрасивой, помятой жизнью Галине — страдать от неразделенной любви...

Нет, ничего этого не было.

Василий мялся с ноги на ногу, нервно покуривал свой «Парламент» и виновато глядел на Веру. А у нее пропал дар речи, она забыла все колкие, уничтожающие выражения, да и Сонечка, почувствовав беспокойство матери, вдруг завозилась в коляске.

— Я это... приехал попрощаться... Ну не совсем попрощаться, конечно. Бог даст — свидимся, — таинственно начал Василий.

— На Бали летишь? — спросила Вера.

— На Донбасс еду.

Повисла пауза. Василий? Серьезно?! Этот человек, для которого Родина там, где кормят?

— Денег, что ли, нет? — выпалила Вера первое, что пришло на ум.

— Почему сразу денег? Думаешь, я принципов никаких не имею? Еду наших, русских защищать.

— Желаю удачи, — сказала Вера, вовремя отстранившись от поцелуя. Это она умела мастерски.

* * *

Прошел год. Вера окончила первый курс и получила грант. Ее ждал Пекин. Миша обещал позаботиться о Саше. Да и вообще, в последнее время он все чаще стал появляться у Веры в квартире. Один раз даже на ночь остался. В зале. Вера его прикрыла пледом, когда уснул, — не чужие ведь люди.

Накануне отъезда Миша заехал за ней. Они долго ехали, пока не оказались на кладбище под сенью высоких старых деревьев.

— Я подожду с Соней здесь, — сказал Миша и остался возле машины.

А Вера пошла дальше, держа впереди себя, словно щит, букет искусственных цветов — они дольше стоят. Вокруг было пустынно. Никого нового поблизости в последний путь не провожали, и похороненных раньше тоже сегодня никто не навещал. Вера подошла к темной металлической оградке. Провела рукой по деревянной скамейке, смахнув опавшие хвойные иголки от сосны, росшей неподалеку. Заботливо расставила цветы на могиле — последнем пристанище Тимьяна Аскольдовича Мотовилова. Он умер от второго инсульта еще зимой. Не выдержал новой сиделки, а может быть, просто устал жить.

Вера погладила рукой скромную табличку с именем и датами жизни и смерти и прошептала:

— Спасибо.

Владимир КРЮКОВ

БЕСКОРЫСТНЫЙ ПРИЮТ

* * *

Облака средь бела дня
В небе синем и высоком,
Посмотрите на меня
Мимоходом. Ненароком.

Ты, чье имя непокой
В этом мире триедином,
Ветер, легкою рукой
Прикоснись к моим сединам.

И обласкан, и согрет,
И в который раз отмечен,
Бог мой, что я дам в ответ?
Мне тебе ответить нечем.

Но, дотронувшись лучом,
Исцелив ночной прохладой,
Ты не просишь ни о чем,
Будто так оно и надо.

* * *

Сегодня мне другое видней,
мой бор, бескорыстный приют:
не кроны вижу, а сотни корней,
что влагу неслышно пьют.

И мне теперь после многих лет
важнее день ото дня
не то, что явлено мной на свет,
а то, что внутри меня.

* * *

Как прихотливо сыплет снег,
он сам себе неведом:
густой внезапный белый бег
и — передышка следом.

Один фонарь передает
другому наши тени.
Твой голос и лицо твоё —
из лучших обретений.

И никогда я не смогу
забыть о чуде этом:
две наши тени на снегу,
очерченные светом.

* * *

...Но изысканных здравниц уже не родится
в поседевшей моей голове,
лишь спасибо дремотному воздуху, птицам,
свету, облаку и синеве.

Мир был юным и неразделимым вначале.
Не забылось почти ничего:
собираю я силой любви и печали
воедино приметы его.

И пока мне даруется больше, чем надо,
шума ветра и воли небес,
я укрыт с головою твоим листопадом,
лес мой ласковый, вечный мой лес.

* * *

Я жил без явной, ясной цели,
но что дают — то и бери.
И плавилась снега апреля,
и осыпались октябри,
и печь исправно согревала,
когда морозы велики,
зола стекала в поддувало
сквозь крепкие колосники.
Но больше все же было лета
и благодатного тепла.
Надежда на победу света
меня по жизни провела.

* * *

Вряд ли кто-то сумеет сегодня,
как вчера, как в былые года,
изъясняться ясней и свободней,
чем бегущая мимо вода.

И высокое небо без края,
ни о чем не пытая меня,
поднимает и забирает
в свой поток золотого огня.

И, пожалуй, совсем не случайно,
отчего-то покажется мне,
что какие-то главные тайны
были в самой пустой болтовне.

* * *

Свет дневной в тишину перейдет,
и холодное небо задремлет.
Это дождь обращается в лед,
это в сумрак уходят деревья.

Уходящие в сумрак стволы
беззащитны, как малые дети,
в торжестве наступающей мглы
и в неверном рассеянном свете.

И теряют телесность свою,
становясь заодно с темнотою,
и, окутанный ею, стою,
забывая, откуда и кто я.

Виктор ТЕН

МОЛЧАТЬ НЕЛЬЗЯ КРИТИКОВАТЬ

Посвящается прекрасным русским людям: маме — Матрене Хорошаевой, дяде — кавалеру ордена Ленина шахтеру Ивану Хорошаеву

Научная карьера Максимилиана «Романовича» Фасмера

«Научный метод» этимологии русских слов, а точнее, его отсутствие порой порождает странные версии. Знакомое русским людям с детства слово «ватрушка» выводится из понятия «нарыв», а «дубленка» — из «подкладочная ткань». Образцом научности среди филологов считается «Этимологический словарь русского языка» Фасмера. Стоит познакомиться широкого читателя с личностью и творчеством этого лингвиста. Начну с опубликованной в «Литературной газете» статьи В. Писанова, которая, к сожалению, уникальна (по какой причине — станет ясно ниже), а потому простите за обширные цитаты.

Сегодня вполне серьезно утверждается, что русская речь произошла из огромного ряда заимствований. Русского языка как бы не было, пока не понабрали слов из других языков. <...>

Сегодня мы говорим о замещении импорта в технологиях, в продуктах питания и в легкой промышленности, даже культура, скрипя, начала поворачиваться к отечественным темам. Но говорим-то мы, как утверждает Российская академия наук, на чужом языке! В исследовании истории возникновения русского вот уже шесть десятилетий «царем доказательств» остается «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера. А у него даже «лапоть» может быть от лтш. *lārs* «заплата». Ясно ж, русская обувь — из заплат. <...>

Словарь Фасмера — идеологическая диверсия, гуманитарная бомба, осколки которой долетели до наших дней и укоренились в сердце российского языкознания. Кто он, заложивший эту мину продленного действия? Немец, родившийся в Санкт-Петербурге и эмигрировавший после революции¹.

Максимилиан Фасмер был к тому же лицемерный перевертень. Как иначе можно назвать человека, отказавшегося ради карьеры

---

¹ Писанов В. Мина, заложенная Максом Фасмером // Литературная газета. 2018. № 12. С. 14.

от имени и отчества? Если б не русская революция, мы могли бы иметь не хватающего с неба звезд, но довольно добросовестного лингвиста Максима Романовича Фасмера, как он называл себя, будучи подданным Романовых. Это при том, что отец назвал его Максимилиан Юлиус Фридрих, а сам был Рихард. Младший брат лингвиста честно звался Рихард Рихардович. «Русифицированный» Максим Романович Фасмер выпустил в Петербурге «Греко-славянские этюды» (1909 г.) — довольно объективную (с ошибками, но честную) работу, без прогерманской идеологии. Впоследствии он ее пересказывал уже с антиславянскими правками.

В 1939 г. (!) его приглашают в Германию из США ее тогдашние хозяева нацисты, создают под него Институт славистики. Скорее всего, не просто так о нем вспомнили, сам предложил услуги. Для такого предположения есть основания. В 1933 г., как только Гитлер пришел к власти, Фасмер занялся подтверждением своего «арийского происхождения», хотя нацизм еще не стал официальной идеологией Германии. Он обратился в немецкую кирху в Ленинграде за справкой о рождении и получил ее через третьи руки с пометой: «К использованию в Советской России не подлежит». Этим бывший «Максим Романович» погубил младшего брата, работавшего в Эрмитаже.

...Фашистская Германия встречает возвращенца ласково. <...> У Фасмера был не только университетский кабинет, но и прекрасный дом в центре Берлина с великолепной библиотекой, вывезенной еще из революционной России. Но, главное, созданы все условия для работы над... этимологическим словарем русского языка.

Можете себе представить этот высший пилотаж фашистского гуманизма: страна воюет с русскими, а в центре ее столицы некий ученый работает над историей языка «недочеловеков». Причем ему предоставлены двое помощников-студентов, активных членов национал-социалистической партии Германии. <...>

Когда Фасмер узнает, что в Бухенвальде содержится славист Борис Унбегаун, он не просто добивается освобождения коллеги, но и устраивает его к себе на кафедру. Интересная деталь: Унбегаун продолжает числиться узником Бухенвальда до самого конца войны, между тем он вместе с Фасмером трудится в концлагере Нойбранденбурга. (Что это, если не эксплуатация рабского труда? В качестве соавтора Унбегаун не указан, вся честь досталась одному Фасмеру. — В. Т.)

Научная работа строилась так. Например, Фасмер спрашивает: как на вашем языке слово «палка»? Заключенный-украинец отвечает: па́лка, па́лица; болгарин: па́лица; серб: па́лица; зэк из Словении: pálica; чех: palice; словак: palica; поляк: pała, pałka, palica и т. д. Унбегаун это все фиксирует. Потом, уже дома, в кабинете, словарную статью дополняют: Возм., родственно д.-в.-н. spaltan «раскалывать», др.-инд. sphátati «раскалывает», sphuṭāti «разрывает», sphátayati «раскалывает», phálakam «доска», phálati «лопается, трескается». Насколько корректны факты языка, полученные на допросах узников концлагеря, — вопрос научной чистоты, о нравственной же чистоте говорить не приходится. Да и древне-верхне-немецкие и др.-индийские отсылки за уши притянуты².

² Там же. С. 14

Перед приходом Советской армии Фасмер сбежал в Швецию (которая вела прокси-войну против СССР), а потом вернулся в Западный Берлин. Его Институт славистики находился в Восточном Берлине. Почему этот «чисто ученый», «поклонник русской культуры и языка» бежал от русских? Как все, кто работал в концлагерях, невзирая на род занятий, Фасмер должен был быть привлечен к ответственности. На подконтрольных «союзникам» землях Германии нашли убежище многие отъявленные нацисты.

Переворачивать всё с ног на голову — сверхзадача не научная, а политическая. У многих биографов Фасмера нет сомнений, что он трудился под прямым патронатом Геббельса. Однако более вероятно благорасположение «отца концлагерей» и мистического общества Аненербе (института «Наследие предков») Гиммлера. Необходимость создания специального тайного лингвистического отдела в Аненербе обосновал лингвист Шмидт-Рор: «Имеется значительное количество задач, которые вызваны к жизни сутью языка как политической величины...» (Суть языка — «величина политическая»! Жаль, что этого не понимают те филологи, которые считают этимологию узкоспециальной дисциплиной, яростно отстаивая свое исключительное право на решение проблем происхождения слов. — В. Т.) <...>

Сегодня российская наука продолжает дело Фасмера. Хотя есть новые интересные исследования протолингвистики, новые этимологические исследования. Но академики, получившие свои степени на компаративистике, делают вид, что ничего этого нет. Не пора ли нашей официальной лингвистике заговорить по-русски?³

Воодушевленный первым лучом, проливающим свет на деятельность Макса Фасмера, я отправил 21 октября 2019 г. в «Литературную газету» свою статью, которую здесь приведу почти полностью.

Миф о буковых дощечках

Это был очень яркий «вброс». Все по законам дезинформации: вначале предположение-вброс, потом его неоднократное повторение, дающее эффект «все так говорят», потом подача уже без оговорки, что это далеко не факт, далее — «факт» уже воспроизводят как тривиальность, потому что «все это знают». Речь идет о «буковых дощечках», на которых якобы писали древние германцы, откуда в немецком языке слово *Buch* «книга», а в русском якобы «буква» — из немецкого.

В статье *буква* Фасмер пишет: «Несомненны связь с названием дерева *бук* и герм. происхождение. Вероятнее всего, источником явилось доготское *bōkō». Возникают вопросы: «доготское» — это конкретно чье? Что означало? Фасмер подает его как восстановленную лексику (под соответствующим значком *). Он пишет обтекаемо: «доготское *bōkō», потому что не может сказать, в каком именно древнегерманском языке было это слово. Ни в одном из 13 древних германских языков этого слова нет. Несмотря на это, все русские этимологи начали старательно копировать Фасмера. В промежуток между выходом в свет творения Фасмера

³ Там же. С. 14

и изданием последнего отечественного этимологического словаря много было написано о «германском доготском *bōkō» и «буковых дощечках». Например: «По происхождению представляет собой видоизменение герм. (доготского) *bōkō... Германское *bōkō (бук) получило значение “буква” переносно, по смежности с буком, на дощечках из которого в древности изображались письмена», — уверяет в статье *буква* автор «Этимологического словаря русского языка» Г. Цыганенко. «Первоначально писали на буковых дощечках» (Н. Шанский, автор еще одного словаря). «...Именно на буковых дощечках первоначально чертились письмена. Неожиданное, но закономерное родство письменного знака и дерева», — сообщает третий автор, Г. Крылов.

Информация о «буковых дощечках» стала знанием «само собой разумеющимся». Авторов, уверенных в том, что древние германцы писали на буковых дощечках, столько, что простое перечисление займет десятки страниц. Причем это далеко не всегда маргиналы. Это очень уважаемые (без иронии) профессионалы. Например, В. Н. Топоров отмечает в ходе изложения другой темы: «Древнейшие руны в Северной Европе вырезались на буковых досках, откуда англо-сакс. *boc*, англ. *book* “книга”, русск. *буква* и т. п.»⁴

До сих пор версия «буковых дощечек» критике не подвергалась ни со стороны историков, ни со стороны лингвистов. Ее охотно приняли все как знание, которое не подлежит сомнению, потому что «все это знают». Между тем, это так называемое знание — абсолютная ложь, потому что **на буковых дощечках никто никогда ничего не писал**. Бук — дерево, во-первых, очень твердое, тверже дуба; во-вторых, волокнистое. Если вдоль волокон еще можно что-то процарапать, то поперек волокон это слишком трудоемко. Представим себе, что в науке бытует мнение, будто древние германцы писали на дубовых досках. Оно сразу вызвало бы сомнения: зачем писать на таком твердом материале, когда есть более пластичные? А вот относительно бука эта дезинформация прошла без возражений, потому что с буком современные люди знакомы меньше. Можно было бы предположить, что *самое твердое дерево* европейских лесов бук использовали ради сохранности текстов. Однако здесь опять незадача: буковая древесина, в отличие от дубовой, непрочна. Дуб содержит алкалоиды, убивающие микробов (поэтому если писать ради сохранности на твердом дереве, то дуб подходит больше, тем более что не столь волокнист, как бук). Бук незащищен, поэтому его, несмотря на завидную, ровную, крепкую «стволовитость», никогда не использовали для наружных работ при строительстве, а также для мачт кораблей. Для мачт использовали березу и сосну, несмотря на то, что береза колкая, а сосна непрочная. Разумеется, тридцатиметровый ровный ствол бука был бы предпочтительнее, но этот крепкий великан сгнивал за несколько лет. Бук не использовали даже для стропил и матиц, потому что в неотопляемом помещении он быстро истлевает.

⁴ Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 2. С. 447.

Благодаря волокнистости и красноватости древесины бук имеет красивую текстуру. Он дает широкую доску «без сучка и задоринки», за что и поплатился. В Европе в течение многих веков бук являлся основным «мебельным» деревом. Однако для письма бук не годится совершенно. Для вырезания славяне использовали липу, дающую пластичную древесину, в два раза более мягкую, чем буковая, без твердых волокон, благодаря чему по ней можно резать во все стороны. Несмотря на то, что липа мягче бука, она более устойчива к переменам температур и влажности. Церкви не отапливались, а иконы на липовых досках не коробились, не плесневели, хотя в морозы покрывались изморозью от дыхания молящихся, а потом оттаивали и увлажнялись. Несмотря на это, они сохраняются веками. Две известные древние книги на деревянных досках — не буковые. «Трипитака Кореана» написана на березовых досках, Новгородский кодекс — на липовых. А вот хрестоматийные «буковые дощечки», на которых якобы писали древние германцы, не сохранились ни в схронах или святилищах, ни в земле, как берестяные грамоты, — нигде. Никто никогда не видел ни одной буковой доски с рунами. Их нет ни в одном музее. Почему берестяные грамоты сохранились в земле, пролежав более тысячи лет, а буковые доски — нет? Возможно возражение, мол, берестяные грамоты сохранились благодаря болотам, где не тлели в связи с отсутствием кислорода. Но в Германии тоже много болот, в которых много чего сохраняется. Сохранились одетые в кожи тела эпохи раннего железа, а буковых досок не сохранилось ни одной. Мы можем сказать, что какой-то древний текст сохранился благодаря папирусу, глине, пергаменту, пальмовым листьям, камню, бересте, липовым или березовым доскам, но мы не можем доказательно утверждать, что хотя бы один древний текст сохранился благодаря буковым дощечкам.

Их не было: ни германских, ни славянских. Известный фальсификатор начала XIX в. А. И. Сулакадзев назойливо писал о «древнеславянских книгах на буковых досках». Его имя связывают с так называемой «Велесовой книгой». Мы имеем самое очевидное, буквально материальное доказательство подделки: не могло быть никаких буковых досок с письменами. Автор подделки проявил себя как тупой подражатель, повторяющий общее мнение, не зная, что оно ложное, — и «ловится» на этом. Ни один историк, работавший в архивах и музеях, ничего не сообщает о «буковых дощечках». Если б они были, мы имели бы о них обширную литературу, как о папирусах или бересте. Ничего нет, ни одной заметки в поле научного дискурса. Эту фальшивку породили немецкие лингвисты. Кто и зачем?

Мной установлено, что автором фальшивки является А. Торп, автор книги «Сравнительный словарь индогерманских языков от Августа Фика, обработанный Альфом Торпом» (Геттинген, 1909 г.; немецкие лингвисты называют индоевропейские языки «индогерманскими», что само по себе говорит об их отношении к самобытности славянских, кельтских, балтских, романских, иранских языков). Это единственное

в своем роде произведение в научном мире. Обычно подобные обработки приходится встречать в литературе для детей (Пиноккио/Буратино, страна Оз / Изумрудный город, рассказы про Винни-Пуха и тому подобное). В научном дискурсе это выглядит неожиданно. Это все равно, что мне взять словарь Фасмера и переписать по-своему, убрав и добавив все, что хочется («Этимологический словарь русского языка от Макса Фасмера, обработанный Виктором Теном»), а хочется многого, особенно убраться.

Август Фик — один из великих компаративистов. В его словаре упоминания о букowych дощечках и о «доготском *bōkō» отсутствуют. Что есть? «Bhago — Buche, лат. *fagus*, гот. *boka Buch*»⁵. Bhago — это санскритское слово, означавшее дерево бук, *fagus* — латинское название бука, далее идет готское слово уже в смысле «книга». В «торповском» варианте словаря Фика на этом месте уже две статьи, причем не bhago, а bōkō, без значка, что это реконструированная форма. Первая статья bōkō посвящена дереву бук, вторая — значению «книга». Ко второй статье дается пояснение: «Eigentlich (Tafel aus) Bucheholz mit ingeritzten Runen» — «Собственно (из досок) древесины бука с вырезанными рунами»⁶. **Это и есть источник вековых инсинуаций.**

Вопрос: зачем Торпу понадобилось делать нелепую переделку словаря Фика? Напрашивается ответ: Фик работал над словарем в первой половине XIX в. и издал в 1868 г., когда Германской империи еще не существовало. Торп издал свою подделку в 1909 г. — в разгар германского национализма. Он являлся пангерманским националистом, и выдумка имела идеологические мотивации. С древней письменностью у германцев очень скудно. Первые памятники XIII в. на так называемых древних германских языках очень малословны, развитая письменность — с XIV—XV вв. (Существование рун на камнях раньше этого времени не доказано, равно как и принадлежность рун: есть мнения, что самые старые рунические надписи на камнях — не германские, а славянские.) Древнерусский язык к тому времени, воплотившись в тысячи памятников, уже начал переходить в русский. И вот Торп заявил, что у древних германцев, оказывается, была письменность на букowych досках! Интересно, почему до сих пор никто не решился проверить эту информацию? Одна строчка, написанная как бы походя, а сколько наворочено вокруг нее! Это к вопросу о пресловутой немецкой честности и точности. А также — о рабской зависимости русских лингвистов от западных коллег.

Тотальный запрет

Отправив этот текст в «Литературную газету», две недели спустя получил ответ от ведущего редактора, одного из самых маститых

⁵ Fick A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Göttingen, 1894. P. 489.

⁶ Torp A. Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen von August Fick. Dritter Teil, umgearbeitet von Alf Torp. Göttingen, 1909. P. 271, 272.

журналистов России, трехкратного лауреата премии Союза журналистов РФ «Преодоление»:

Мне материал понравился, и я надеюсь, что он пройдет. Проблема в том, что примерно год назад мы опубликовали статью даже не с критикой Фасмера, а с сомнениями в его непредвзятости (видимо, речь о статье Писанова. — В. Т.), и получили отлуп от 250 сотрудников академических институтов. По их мнению, его словарь не подлежит критике, как и Библия. На днях получили опровержение (на самом деле очередное утверждение, что Фасмер гениален и сомневаться в его толковании слов нельзя) из Германии. Попробую уговорить затеять дискуссию... С уважением, Людмила Мазурова.

Дискуссию затеять не удалось, опубликовать статью тоже. Наша официальная (подчеркиваю данный момент, ибо лично с Л. Мазуровой, к сожалению, не знаком), переписка продолжалась в связи с моими попытками «пробиться» на страницы главной литературной газеты страны. Приведу выдержки из еще двух ответов:

Виктор, добрый вечер! Очень нравится, как вы пишете, но никак не получается с вами посотрудничать... Фасмер оказался неподсуден... С уважением, Людмила Мазурова. (16.07.2021)

Еще одно письмо от того же корреспондента:

Мне ваши аргументы кажутся существенными, но не уверена, что текст пройдет. Паническая реакция самых известных филологов на статьи о словаре, которые у нас вышли несколько лет назад, ворох злобных откликов, — «не смейте трогать великого Фасмера» — похоже, поставили на теме крест... С уважением, Людмила Мазурова. (07.10.2022)

«Панику филологов» преодолеть не удалось. А ведь когда-то «Литературка» была смелой, поднимала значимые темы. Острые дискуссии не сходили с ее полос. Неужели в наши дни тоталитаризм настолько крепче, чем в СССР, что даже самые смелые журналисты одной из самых авторитетных газет боятся «злобных откликов» доморощенных специалистов и забугорных «партнеров»? Никкак не получается преодолеть какую-то неофициальную, но весьма «отлупистую» цензуру.

Осторожная критика и «толстые звоны»

В советские годы была возможна критика Фасмера, хотя и чрезвычайно робкая. Однажды это позволил себе В. Абаев, предусмотрительно оговорившись, что словарь Фасмера «превосходный»⁷. Более смелым, но почти незамеченным научным сообществом поступком стала изданная в Минске книга В. Мартынова (по докторской диссертации). В ней говорится:

Славяно-германское языковое взаимодействие древнейшей поры до сих пор рассматривалось главным образом в плане заимствований из германского в славянский, т. е. по существу сам факт такого взаимодействия ставился под сомнение.

⁷ См.: Абаев В. А. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология. 1984. М., 1986. С. 17, 18.

В трудах Фасмера Мартынов видит «влияние внелингвистической аргументации», которая поражает расистской откровенностью. «Культуры в Висло-Одерском междуречье, которые археологи считают славянскими, не могут быть славянскими, т. к. слишком развиты для славян», — цитирует он Фасмера. Следующий аргумент Фасмера мог родиться только в голове убежденного нациста: «Это культуры нордического типа, поэтому не могут быть славянскими»⁸. Носители культур Висло-Одерского междуречья — светлые европеоиды, и поэтому, по мнению Фасмера, эти культуры не могут быть славянскими!

В. Мартынов называет историю изучения славяно-германских языковых отношений «драмой».

Тенденциозное рассмотрение проблемы с точки зрения культурной гегемонии германцев приводило ряд исследователей к априорным выводам. Ненаучной объявлялась любая попытка пересмотра.

Он пишет о том, что славянские лингвисты приложили «немало труда к установлению германских проникновений в славянские», тогда как германские, «питая неправомерное предубеждение, ничего не сделали в данном направлении»⁹. Прошло 60 лет. Германские лингвисты до сих пор ничего не сделали в данном направлении. К сожалению, славянские тоже почти ничего не сделали. Противоречие германским лингвистам встречается как исключение.

Германская лингвистика изменилась со времен великих первых компаративистов. После Гумбольдта с его шеллингианской по происхождению идеей, что язык есть выражение энергии народа, в ней проросли ростки империализма в учении «естественников», согласно которому каждый народ имеет тот язык, который заслуживает, ибо язык прямо связан с этногенезом. Отсюда вышли германские лингвоимпериалисты, которые начали напористо переписывать сравнительную грамматику, оформляя «индогерманскую семью» так, что славянские языки оказались отодвинуты на обочину от столбовой линии развития, они как бы «боковое ветвление», их лексика считается нахватанной. Мощный импульс «пангерманское» языкознание получило после объединения Германии. Накануне Первой мировой войны во всех имперских странах проявило себя поколение «младых» националистов, прямых предшественников нацистов. Например, младотурки, устроившие резню армян, младогерманцы, профессиональной ветвью которых были младограмматики. Переработанный Торпом в духе пангерманизма словарь Фика стал едва ли не основным источником «этимологических словарей языков», которые начали составлять немецкие младограмматики. Их примеру последовали авторы первых русских этимологических словарей, например А. Преображенский, у которого Торп — самый цитируемый автор. Фасмер тоже крайне редко ссылается на оригинал Фика и очень часто — на Торпа. Уже это, согласитесь, странно: если у тебя есть оригинал Фика, почему ты обращаешься как к первоисточнику к подделке Торпа?

⁸ Мартынов В. В. Славяно-германское взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963. С. 5, 10, 11.

⁹ Там же. С. 24, 25.

В 30—40-е годы XX в. нацисты, осуществляя программу духовного порабощения народов, организовали составление серии этимологических словарей. Этимологический словарь немецкого языка в нужном нацистам духе составил Клюге-Гётце (словарь вышел в Берлине в 1943 г.). С романскими языками работал Гамильшег (в 1940—1944 гг. — директор Немецкого института в Бухаресте, который надзирал за проведением нацистской идеологии в фашистской Румынии). Составлением словаря «индогерманских» корней занимался в Берлине во время войны Покорны, которому НСДАП платила за это стипендию. Этот факт характеризует нацизм как «шкурное» явление. Фашисты охотно сотрудничали с евреями, когда им было выгодно. Антисемитизм был вызван желанием ограбить евреев, а не заключенной в них «расовой нечистотой», миф о которой оправдывал грабеж. Составление этимологического словаря русского языка было поручено специально приглашенному Фасмеру.

Нацистская лингвистика невероятно влиятельна в русском историческом языкознании. Фасмер царит абсолютно. Ссылки на Клюге-Гётце, Гамильшега, Покорны — распространенное явление. Ничего подобного не наблюдается в национальном языкознании других народов. Например, этимологические изыскания Гамильшега неактуальны в современном романском языкознании¹⁰. Итальянцы, испанцы, французы предпочитают считать большинство своих слов исконными, а не заимствованными массово «из герм.». Этимология — одна из самых идеологизированных наук, о чем не говорят на научных конференциях и не пишут, но что прекрасно понимают все лингвисты, кроме русских, играющих в ложную «объективность».

В. Мартынов пересмотрел десятка два этимологий, и больше почти ничего не было сделано вне главенствующей тенденции в академическом секторе лингвистики. Выходящие словари, как правило, ориентируются на Фасмера. Народ, узнавая глубинным чутьем ложь на длинных ногах, возмущается. Люди, презрительно называемые «маргиналами», «народными этимологами», пытаются что-то делать, но это все носит случайный характер. Народная этимология исходит из простых созвучий, без учета диахронических трансформаций, работающих лингвистических законов.

В СССР В. Мартынов был не очень заметен. Его книги издавались в Минске по-бедному, на серой бумаге, в мягких обложках, оседали в хранилищах белорусских библиотек. «Толстые звоны» гремели в честь «выдающейся» этимологической школы О. Трубачева, фасмеровской по существу. В. Мартынов, опираясь на лингвистику, сделал вывод о висло-одерской прародине славян, вопреки господствовавшей (в том числе благодаря Трубачеву) ложной версии «южной прародины» (а как же: германские наци, включая Фасмера, запретили считать европейских «белых людей» славянами). В 1970-е гг. Мартынов сосредоточился на семиотике, науке менее идеологизированной, в которой

¹⁰ См., напр.: *Чельшева И. И.* Романская этимология: тенденции и перспективы // Научный диалог. 2019. № 1.

достиг успехов, соответствующих его гениальности. В 1977 г. издал книгу «Универсальный семантический код». В качестве семантиста был занесен в 1989 г. в Книгу почета США как один из величайших ученых всех времен. В 1993 г. Международный биографический центр в Кембридже внес его труды по семиотике в перечень «достижений XX века», присвоил Мартынову редкий титул «человека века». Подобных почестей не удостоивался ни один другой русский филолог.

К сожалению, В. Мартынов не составил «нефасмеровский» этимологический словарь русского языка, его опровержения единичны. Например, слово *бор* традиционно считалось заимствованием из германских либо исконно родственным германским словам. Мартынов это отрицает, отмечая большую семантическую полноту славянского слова. Подобные слова в германских языках, согласно его мнению, — славянизмы.

Наличие куста грамматических форм и куста значений является косвенным, но очень убедительным доказательством исконности слова в том или ином языке. Фасмер отверг мнение Ильинского, который считал слово *баня* исконным, «указывая на значительное разнообразие значений». «Их наличие можно объяснить также заимствованием», — уверяет Фасмер, вопреки практике заимствований: заимствование происходит, как правило, в одном значении, редко больше. Благодаря «семантическому аргументу» много слов могут быть возвращены в исконный фонд, вопреки германским младограмматикам и Фасмеру.

Осторожную критику Фасмера позволил себе П. Черных, автор «Историко-этимологического словаря современного русского языка» в двух томах (издан только в 1994 г.; Павел Яковлевич умер в 1970 г.). Вначале он отмечает, что словарь Фасмера — это «выдающееся явление в истории послевоенного языкознания». Однако тут же пытается отдалить от этого «явления» русских читателей: «...словарь написан на немецком языке и, следовательно, в первую очередь для немецких читателей». Далее следует предметная критика. «Неясно, какими принципами руководствовался автор, включая в словарь одни слова и исключая другие». «Много в этом труде слов (по нашему мнению) лишних, неупотребительных (и, пожалуй, никогда не употреблявшихся) в общерусском языке». «Обращает на себя внимание также некоторое преувеличение роли и значения немецкого языка, а из славянских — польского в развитии словарного состава общерусского языка...»¹¹ Почему немецкий — понятно, но почему польский?! Нацистское мышление крайне примитивно. Идеологию, предписывающую решать все проблемы человечества уничтожением или порабощением одних народов другими, иначе оценивать нельзя, ибо более примитивного способа решения сложных проблем мировой цивилизации не существует; это не что иное, как примитивное «убить и ограбить», переведенное с личности на массу. Фасмер был нацистом по жизни и по «творчеству»,

¹¹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М., 1994. Т. I. С. 11.

следовательно, был предельно примитивен. Поляки живут между умными немцами и глупыми русскими. Они «полу-умные» географически, через них передается «унтерменшам» культурный импульс с Запада. Кстати, современные польские нацики так себя и позиционируют, если отбросить высокопарную шелуху.

Словарь Фасмера стал апофеозом научности с подачи О. Трубачева, который начал продвигать его в СССР *уже после того, как в Минске на русском языке вышла книга Мартынова, в которой Фасмер представлен как нацист, не заслуживающий доверия в качестве ученого.* Трубачев, вопреки этим фактам, неизменно сопровождал творение Фасмера панегириками. Например: «...в нелегкие тридцатые — сороковые годы Фасмер не изменил этой своей репутации друга русского языка и культуры за границей»¹². Нелегкие сороковые для Фасмера?! Не лицемерны ли выражения жалости? Не путает ли академик слова, что для лингвиста по меньшей мере странно? Не «за границей», которой в 1941—1945 гг. не было, а за линией фронта на стороне врага нашего народа, страдающего от фашистского нашествия.

Знал ли Фасмер русский язык?

«Русский язык он знал и говорил на нем так, как говорят на родном языке»¹³, — пишет Трубачев о Фасмере. Правда ли это? Авторы двух первых этимологических словарей русского языка Горяев и Преображенский привели в статьях *вилок* выражение «капуста завивается». Фасмер, сославшись на них, передал это выражение следующим образом: «капуста вьется вилками». Горяев и Преображенский выразились по-русски, Фасмер — по-фальшмахерски. Дьявол в мелочах. Фасмер на подобных мелочах «ловится» многожды. Например, грамотный русский не назвал бы слово *зря* причастием.

Природным носителем русского языка Фасмер не являлся, так как природным носителем языка является тот, кто родную речь усваивает не только с детства, а даже ранее. Чувство языка является первичным, зарождающимся в пренатальный период, когда уже начинает восприниматься мелодика родной речи. Кроме того, надо быть природным носителем не только языка, но и культуры, сформированной народом — носителем языка. Фасмер русский язык знал как второй, но не понимал глубинных семантических особенностей. Вот яркий пример беспомощности. *Благо* — то, что хорошо. На этой базе появились прилагательные *благой*, *блаженный*, *блажной* с разными смыслами. *Благой* — хороший, полезный. *Блаженный* — почти святой (сакрализм). *Блажной* — неуправляемый глупец (бранное). *Блажь* — глупость, безумие. Ни один немец не понял, как русские могут это совмещать. Не уложилось в немецких головах. Фон Миклошич, потом Бернекер разделяли основы,

¹² Трубачев О. Н. Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М, 1986. С. 566.

¹³ Там же.

считая, что это разные по происхождению слова. У Фасмера — три отдельные статьи: *благо*, *болого*, *блаженный*. Смысл русского слова *блаженный* до него не доходит, он воспринимает его тавтологично с *благо* («делать хорошим»). Слова *блажь*, *блажной* не включил в свой словарь совсем, хотя знал. (А если не знал — какой он знаток русского языка? Но он знал, есть ссылки.) Не могут «западные» люди осознать смысл русского сакрального *блаженный*, потому что в их культуре подобное понятие отсутствует. В католичестве и протестантизме нет блаженных святых. Святые мученики есть, а блаженных нет. Канонизация побродяжек вроде Ксении Петербургской или Матрены Московской немислима для западного рационального сознания. Они таких посжигали. (Кстати, немаловажное свидетельство принципиального различия цивилизаций.)

Необходимо отметить также плохую ориентацию Фасмера в языковой среде. Яркий пример — слово *заноза*. Вот его статья полностью: «*Занóза, занозíть*. Укр. *занíз*, род. п. *занóзу* “палка, продеваемая в воловьем ярме”. Сюда же *нож, вонзíть, -низáть...*». Далее следует ссылка на фон Миклошича и Преображенского. Неужели Преображенский и Фасмер запамятовали, словари какого языка составляют? Неужели в начале XX в., тем более в середине XX в. частотное русское слово *заноза* в современном значении еще не было известно? Было: есть у Даля. Впрочем, для Преображенского неудивительно: в начале XX в. понятия «украинский язык» не существовало. Академические лингвисты, включая украинских по происхождению (Потебня, например), считали его малороссийским говором русского языка. Объяснение следующее. У Преображенского нет статьи *заноза*, он вставил «малороссийское *занизъ*» в статью *-низть* как один из примеров производства от основы *-низть* в славянских языках. Фасмер, неуверенный в языке, словарь которого составил, профански воспроизвел один из примеров Преображенского из его статьи *-низть* в своей статье *заноза*, выдав украинское значение «деталь воловьего ярма» за основное русское значение слова *заноза*.

Фасмер далеко не всегда знает, какие слова и значения используются русскими массово, а какие викарно. Нет в его словаре слова *дурак* в основном значении «глупец», есть *дурак* «тыква» с глупейшей этимологией: «контаминация *бурак* и *дыня*». Нет *желтуха*, есть *желница*, *желуница*, хотя уже у Даля *желтуха* — основное общерусское название болезни. Слово *жуткий* он называет тульским, хотя уже у Даля оно не диалектное, а общерусское. Фасмер не понял, что *забор* в значении «забор чего-либо» (например, крови) и *забор* «ограда» — слова разных корней, необходимы две отдельные статьи. Наричательный негатив *елисэй* «льстец» Фасмер, нимало не смущаясь семантическим несоответствием, произвел от имени собственного *Елисей* «Спаситель» (одно из эвфемических имен Христа). Это такая же глупая ошибка, как *васька* (мальчик-служка) от «Василий», *гаврик* от «Гаврила», *дёма* «плут» от «Демьян». Удивляет маргинальное хватание профлингвиста за первое попавшееся внешнее созвучие. Не буду здесь обо всех

подобных ошибках, но нелестное определение *гаврик* не от «Гаврила», а от древнерусского *гавранъ* «ворон»: *гаврик* — вороненок. Гавриками в шутку называют проворных, вороватых пацанят. Кстати, прилагательное *проворный* Фасмер отделил от русского многозначного корня *-вор*, не понимая, что *про-* — приставка, и, конечно же, привязал к иностранным словам: «лит. *varūti, varaū* “гнать”, лтш. *vert, veŗu, vŗeu* “бегать”».

При этимологии слова *ватрушка* Фасмер предлагает сравнить его с «русс.-цслав. *обаштритися* “воспалиться (о нарывах)”», *обаштрение*. «Поэтому нельзя не считаться, — пишет он, — с возможностью, что *ватрушка* относится сюда же». Версия об этимологической связи *ватрушки* и нарыва слишком экзотична и, я бы сказал, глумлива, хотя это редчайший случай, когда Фасмер позволил слову быть исконно русским. Может быть, потому и позволил, чтобы поглумиться над «русскими свиньями», пожирающими нарывы. Созвучие *ватрушка* и «обаштритися» — ложное, для немецкого уха. Любой природный носитель русского языка, даже неграмотный, догадается, что древнерусское «обаштритися» о воспалении — это старая форма современного глагола «обостриться», не имеющая никакого отношения к *ватрушке*; «обаштрение нарыва» — это «обострение нарыва», а не выпечка ватрушек. Подобные казусы для Фасмера, который в русском языке был «профанум вульгус», характерны. Я бы сравнил ситуацию с тем, как человек, поверхностно знакомый с английским языком, составил бы этимологический словарь английского языка, объединяя в одно генетическое гнездо похожие английские слова, например, *working* и *walking*, звучащие почти одинаково, но почти антонимичные (процесс работы и прогулка; буквально — «работание» и «гуляние») и, безусловно, разные по корням. Интересно, как отнеслись бы английские лингвисты к такому иностранному знатоку их родного языка? Стали бы воспринимать всерьез? Называть такой словарь «насущным хлебом» английского языкознания? «Ватрушка относится сюда же!» К «обаштрению» нарыва! Стыдно за русских лингвистов, до сих пор признающих Фасмера классиком их науки. Одного данного примера достаточно, чтобы высмеять его как проходимца, к тому же невежественного. Это не редкий пример: значительная часть его так называемого словаря — это материал для авторов «Камеди клуб» и «Уральских пельменей», а не для ученых.

Фасмер не «чувствует» корней. Например, о слове *возместить* пишет: «связано с *место*». Это типичная маргинальная этимология по внешнему созвучию. Верную этимологию дал Даль, который внес слово в куст *возмездие, возместка*. У него не было сомнений, что *месть* происходит от *мзда* (*мзда* > *мста* > *месть*). Прилагательные *возмездный, возместный*; существительные *возмездник, возместник*. Согласно Далю, это всё синонимы¹⁴. Кто более компетентен в понимании корней русских слов, сомнений нет.

¹⁴ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. I. СПб., М., 1880. С. 232.

Согласно Фасмеру *вóрот* и *ворóта* происходят из разных корней. Здесь такая же ситуация, как со словами *бечева* «крученая веревка» и *бичева* «крученая веревка», которые немецкие фальшмахеры тоже растащили по разным основам, и за ними последовали русские лингвисты. Название лесного голубя *ветютень*, он же *вятютень*, — «темное слово» для Фасмера, а *вятютень*, он же *ветютень* — «ясное»: от *вякать*. Маргинальная этимология по пустому созвучию, нелепая семантически: голуби не *вякают*; у данной лексемы иное происхождение. Фасмер представил две разные этимологии одному слову в двух фонациях *вязи́га/визи́га*. *Вязига* в конечном счете — к др.-прусс. *winsus* «шея»; *визига* — к др.-верхненемецкому *hûso* «белуга». С целью разделения фальшмахер представил и разные значения: «вяленые спинные сухожилия красной рыбы» (*визига*), «сухожилия из спины осетровой рыбы» (*вязига*). На самом деле *визига*, *вязига* суть одно, «осетровое»; у «красной рыбы» (то есть у лососевых) хрящеватой хорды нет, у этих рыб костный скелет. Разумеется, слово исконное, верную этимологию представил В. И. Даль: от *вязать*, *связывать*. Хорда проходит вдоль тел осетровых рыб, связывая в целое. Оцените малозаметную «хитровыделанность» фальшмахерских уловок. Рыбу подменил, как вороватый повар.

«Умение отобрать лексику»

Трубачев называет словарь Фасмера «насушным хлебом нашей науки» и хвалит автора за «умение отобрать лексику»¹⁵. Кто прав: Черных или Трубачев? В словарь на букву **В** Фасмер включил: *вакуфа*, *вантрос*, *ватерпруф*, *верандукса*, *вилайдать*, *винцерада*, *ворменский*, *вотты*, *вынтреп*, *вычекурдывать*, *вянейдукса* и т. д. Десятки слов, из которых иные настолько редкие, что их нет ни в одном толковом словаре. Надо ли говорить, что эта мусорная лексика пополняет общее количество заимствований в русском языке и, видимо, с этой целью и напихана. Например, у Фасмера есть «русское» слово «врыхтих», которое никто не знает, образованное от немецкого *richtig*. В самом деле: искал повсюду, расспрашивал знакомых, людей начитанных и сведущих, писателей, знатоков русского языка: слышали ли, встречали ли? Никто не видел, не слышал «врыхтих» или, например, «бейзехалеймус». Возникла мысль: а не подшутили ли над нацистским «языковедом» некоторые русские лагерники, среди которых были люди образованные и с достоинством? Возможно, придумывали слова и выдавали «другу русского языка» на лингводопросах? Когда людей рассматривают как подопытных животных, возникает естественное противление. Жители Самоа, например, подшутили над этнологом Маргарет Мид, пристававшей с расспросами про их половые отношения. Многоопытная тетка ловила молодых парней и живописала им всякие извращения, а парни подтверждали, мол, делаем всё... Обманутая первобытными людьми глупая американка

¹⁵ Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 567, 570.

опубликовала свое «исследование», ибо не могла допустить, что подопытный человеческий материал может обладать юмором. Разоблачили «великого этнолога» секс-туристы, хлынувшие на Самоа, где, к своему разочарованию, обнаружили царство традиционных ценностей, а не толпу озабоченных извращенцев.

На букву *Д* в словаре Фасмера есть слова *дакапо, дагликс, декатировать, декокт, демикотон, десперация, джабага, джирим, джумбура, джурапки, дикирий, дойлид, донгус, дородор, драбант, драдедам, драйреп, драшпиль, дректов, дряква, дрогет, дублюр, дучай, дыгыл, дымсель, дырван, дякло* и т. д. Разумеется, все они — заимствования. При этом Фасмер часто пропускает слова, которые невозможно подвесить на иностранные корни. Например, пропустив *дровни*, дает *дрогет* (кто знает такое слово?), потому что в нем немецкий корень. Отсутствуют на букву *Д* слова *дата, действительный, действовать, деятель, добро, добыть, довод, дозор, доказать, доканать, доклад, докучать, doskonaльный, доспех, достигать, достижение, достоверный, достоинство, достойный, достояние, доступ, дерматин, дотла, достать, достаточный, достаток* и т. д. (кусты глаголов *достать* и *достигать* полностью; после *доскан* идет *досуг*, слова на *дост-* отсутствуют), *досужий, досягать, дотла, дотошный, дошлый, драться, дружба, дружить, дубина, дублине, душить...* Аналогичная ситуация по всему алфавиту. Эта дородорщина и есть «умело отобранная» русская лексика? Мы с узкими специалистами по русскому языку на разных языках говорим. Если провести статистику «исконного» и «заемного» по словарю Фасмера, выяснится, что в русском языке почти нет исконных слов. Это можно было бы считать «проблемой Фасмера», но в контексте «умелого отбора лексики» это уже «проблема языка», так как за Трубачевым стоит головной Институт русского языка и целая толпа «правильно» обученных филологов, представляющих мейнстрим отечественного языкознания (вспомним 250 отлупов).

Нет в словаре Фасмера слова *мельница*. Вместо него в словаре русского языка (!) — западнославянское *млин*, которое Фасмер подвесил на немецкий крючок. С *мельницей* это, видимо, не получилось — и атуе ее! Но тут же возникает вопрос: если *мельница* — исконное славянское, почему явно родственное *млин* должно быть заимствованным? «*Жучка* — маленькая собачка, — пишет Фасмер. — Вероятно, от *жужу*...». В статье *Жужу* пишет: «*Жужу* — собачья кличка (Лесков и др.). У Крылова: *жужутка*, уменьш. Из франц. *joujou* “игрушка”... Вероятно, отсюда уменьш. *жучка*». Так ли уж необходима отдельная статья о редкой кличке *Жужу*, явно не народной, а салонной, франкофонной, в словаре русского языка? Такие клички часто носили также дамы низкой социальной ответственности. Разумеется, гламурная экзотика не имеет отношения к народному *жучка*. *Жучками* называют малых дворняжек. Это слово происходит от *жучить* и означает «пугалка», «шугалка». Глагол *жучить* значит «бранить, тазать, журить, щунять, гонять, преследовать» (*Даль*). *Жучки* не способны реально защитить, но могут напугать мелких во-ришек и разбудить хозяев.

«Дикари XX века» и этимология русских слов

Фасмер работал не ради науки и тем более не ради русского языка и культуры, а ради духовного порабощения русского народа, составляя словарь для «унтерменшей», после прочтения которого создается впечатление о русском языке как неорганичном, позднем, нахватанном, что «доказывается» конкретными словарными примерами. В каждом почти слове и предложении мелкая ложь, но ее так много, что она переплетается и создает объемное впечатление «правды», точнее постправды. Эта паутина настолько затмевает истину, что ее до сих пор никто не смог разгрести. «Мы с глубоким удовлетворением видим, — ликует Трубачев в послесловии ко второму изданию 1986 г., — что словарь Фасмера живет, что он нужен и сейчас». Он отмечает «выдающиеся качества оригинала», называет его «инвариантной ценностью», хвалит за «объективность и разно-стороннее освещение материала»¹⁶.

Трубачев описывает свои «героические» усилия по популяризации этого фальшмахерского словаря. Мол, в Германии он был издан «малым тиражом — большой стоимостью на западногерманские марки» и был малодоступен даже немецким читателям. Разумеется, после крушения фашистской Германии и планов покорения «русских унтерменшей» Фасмер утратил кровавое финансирование и издал свой жалкий «труд», как сумел. Никто в мире и не заметил бы эту книгу, если б ее не подняли и не возвели на пьедестал сами «унтерменши». В новой действительности фашистский прихвостень Фасмер оказался на обочине жизни. Негодяй бедствовал в послевоенной Германии, когда на него свалилась «манна московская», включая, надо думать, академическую стипендию. Его словарь регулярно переиздается в СССР и России массовыми тиражами. Он считается, говоря словами того же Трубачева, «первым полным академическим этимологическим словарем русского языка», а судя по контексту, и единственным, так как «на новые проекты понадобится время»¹⁷.

Понимая, что дело даже не во времени (сколько его уже прошло), а в том, что для профессионального филолога системное опровержение «гения Фасмера» равносильно профессиональной смерти, на что никто не решится, я начал с 2017 г. работать над «Историко-этимологическим словарем русского языка», четыре тома которого уже вышли (в каждом томе в среднем 500 страниц; от А до З включительно). Именно понимание безвыходности ситуации в филологическом сообществе подвигло меня на этот гигантский, неоплачиваемый труд, плодом которого лично для меня наверняка станет не фимиам, а поругание, во всяком случае, при жизни. Никогда бы за это не взялся, тем более что и научное мое творчество, и литературное востребованы, мне есть чем заниматься (являюсь автором двенадцати книг, сотен статей, включая более двадцати в рецензируемых изданиях списка ВАК,

¹⁶ Там же. С. 563, 564.

¹⁷ Там же. С. 565.

повестей и рассказов, опубликованных в «толстых» литературных журналах). Мое предыдущее творчество неплохо меня «кормило», что доступно далеко не всем современным авторам. Пришлось отложить все ради разоблачения лжи, накрывшей отечественное языкознание. Право заниматься проблемами происхождения слов обосновываю не только тем, что защитил диссертацию, один из разделов которой посвящен проблеме происхождения языка (высокая оценка доктора филологических наук, заслуженного профессора СПбГУ, главного редактора журнала «Мир русского слова» К. А. Роговой), книги «Происхождение языка» (высокая оценка члена-корреспондента РАН, профессора А. П. Валицкой и ряда других ученых), выступал с докладом «Антропология и лингвистика: к истокам языка» на XII Всемирном конгрессе по истории языкознания (приглашение на столь высокий форум само по себе является признанием принадлежности к сообществу), но и тем, что всю жизнь нахожусь в стихии русского языка как искушенный читатель, с рождения живущий в русскоязычной среде, сформированный русской культурой человек.

Существующую этимологию необходимо системно перерабатывать. Всю, без исключения. Осознаю несовершенство своего словаря, обусловленное тем, что спешу, осознавая краткость отпущенного времени. Надеюсь, будущие исследователи и критики поправят. Заранее прошу прощения за все мои ошибки, которых, наверное, найдут немало. Сам их нахожу: каждый вышедший том уже похож на ежика, поскольку весь в закладках. В оправдание могу сказать одно: это не фальсификаторские явления. Это именно ошибки, а не подтасовки. Скажу о своем словаре то же, что Владимир Иванович Даль сказал о своем: «Писал его не учитель, не наставник, не тот, кто знает дело получше других, а кто более многих над ним трудился; ученик, собиравший весь век свой по крупице то, что слышал от учителя своего, живого русского языка».

Невозможно дальше мириться с тем, что сотворили с русским языком немецкие фальсификаторы, прежде всего Фасмер, и их эпигоны, отечественные «узкие специалисты». Хосе Ортега-и-Гассет в начале XX в. провозгласил наступление эры «новых дикарей», которыми являются «узкие специалисты» с докторскими дипломами, защищенными по узким направлениям. Они полны апломба, но на самом деле они — наивные дикари. Подавляющее большинство публикаций в научных изданиях гуманитарного профиля — наукообразные, искусственно усложненные иностранной лексикой компиляции от «узких специалистов», не имеющие никакого смысла. В одном «ваковском» журнале у меня приняли статью, но попросили ее переписать. Мотив? «Слишком понятно. У нас так не пишут». «Узкие специалисты» в гуманитарной сфере давно уже оперируют не сущностями, а теоретическими деривативами, их деятельность зиждется не на реалиях, а на авторитетах, зачастую ложных, как Фасмер. Лингвоконвейер, являющийся коллективным субъектом деятельности в области этимологии русских слов, крутится по программе, заданной извне. «Узкие специалисты» настолько оторваны от реальности, что даже не замечают, когда сочиняют или воспроизводят

дикие глупости, выдуманные другими «узкими специалистами». Выше приводился пример с «буковыми дощечками», но подобных можно привести множество.

Фасмер дает дату заимствования слова *броня* из «герм.»: «Брюкнер датирует заимств. не ранее VIII в., когда Карл Великий запретил вывоз лат». (Информация к размышлению: К. Брюкнер — русофоб, считавший, что Кирилл и Мефодий оторвали русских от «благотворного влияния Запада»; между двумя мировыми войнами работал в Львовском университете, полном антирусского пафоса, а потом в фашистской Германии). Данную версию заимствования повторяют отечественные лингвисты, включая Трубачева и его соавторов по «Этимологическому словарю славянских языков». Мол, «праслав. *brъn'a заимств. из герм., ср. др.-в.-нем. brunja...»¹⁸. Будучи историком, знаю, что в канцелярии Шарлеманя никакого письменного германского языка быть не могло, поэтому, в отличие от «узких филологов», не принял на веру версию немецких фальшмакеров, заглянул в первоисточники. Запрет на вывоз оружия содержится в двух капитуляциях (779 г. и 805 г.), написанных на латинском языке, верхненемецкое слово *brunja* там не упоминается. В германских языках слово не имеет ни убедительной этимологии, ни более древних упоминаний, чем в славянских, — их и не может быть. Впервые слово упомянуто в древнерусской «Повести временных лет» под 6476 (967) г. в форме *бронье*. В «Изборнике» 1073 г. встречается выражение «златы бръня»¹⁹. Оно свидетельствует о развитости бронницкого дела в Древней Руси, когда производились такие изысканные вещи. Слово *бронь*, *броня* наверняка связано с древним *боронь* «препятствие, помеха», *боронитися* «защищаться» (*там же*, т. I, стб. 153, 154) и гнездом однокоренных слов вплоть до современного «оборона». «Поиди княже къ намъ боронити своеа отчины», — говорится в Новгородской первой летописи (*там же*). Слово в разных вариациях часто встречается в рукописях Древней Руси. Будь в германских языках подобный куст, немецкие лингвисты уцепились бы за него всеми когтями, судя по тому, что сумели вывернуть этимологию в свою сторону, ничего не имея, кроме одного аргумента: в древневерхненемецком было похожее слово, хотя и без корней в германских языках. Пристегнули к случайной аналогии не имеющий никакого отношения к ней исторический факт. Мол, немецкое слово старше древнерусского, потому что еще Карл Великий запрещал вывоз оружия. На латыни, правда, да и сам немцем не был, но об этом умолчим, русские дурни схавают. И схавали русские... академики и профессора. Аналогию немцы маргинально (без доказательств) перевели в генеалогию — и русские не посмели возражать. Те же самые лингвисты не смогут отнести древние русские слова *боронь*, *боронити*, *боронитися* к заимствованиям из немецкого, а *бронь* и *броня* относят, невзирая на явное однокоренное тождество.

¹⁸ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* (далее сокращ. — ЭССЯ) / сост. О. Н. Трубачев и др. Вып. 3. М., 1976. С. 55.

¹⁹ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. Стб. 183.

Даже Фасмер не считает *боронь* заимствованным! Но ведь *боронь* и *бронь* — это одно и то же слово! Никаких различий, кроме долготы! В слове *броня* — русский корень и русское окончание. В германских языках это славянизм. Приведенное выше *brunja* «брунья» — явно не германское, а славянское по форме слово, типичная переозвучка от *бронье*, *броня*.

Это далеко не единичный пример некачественной работы «узких филологов», неудовлетворительной даже с точки зрения профессиональной, не говоря уже о недобросовестности по отношению к первоисточникам, о дикарской общекультурной необразованности. Вот пример последнего. Фасмер пишет о слове *гнездо*: «Младенов пытается связать слав. *gnězdo* (с первонач. знач. “сидение в навозе”) с *гной* и *s(e)d-*. Вайан допускает влияние формы **gnьs-* “марать” и пытается связать *ё* с *gnězditi*». Справедливости ради надо отметить, что это не собственная версия Фасмера, но она им изложена, и, естественно, она возобладала. Профессор МГУ Шанский пишет: «Начальный звук *г*, возможно, возник под воздействием слова *гной* “помет, навоз” у нашего слова в значении “птичье гнездо”, поскольку ярким признаком гнезд (птичьих) является загаженность». Думаю, что филологи видели мало-мало птичьих гнезд, ибо неверно о них судят. Автор этих строк в силу изначальной профессии археолога и образа жизни, близкого к земле, видел много гнезд полевых, лесных птиц, держал голубей, кур, индеек, цесарок. Ни разу не видел загаженного гнезда: в этих заботливо, с трудом и любовью сложенных полостях царят уют и чистота. Даже у ворон, которые зачастую питаются с помойки, гнезда ухоженные. Воронята вылетают не обгаженные, а чистые. У хищных птиц бывает беспорядок в гнездах, пока птенцы обедают добычей родителей, потом кости и перо выбрасываются. Взрослые птицы в гнезда не гадят, помет птенцов вымывается дождями; засохший помет птицы выбрасывают. Такого «яркого признака», как «загаженность», в гнездах диких птиц нет. То же касается гнезд домашних питомцев. Это не наука, а уличное «суждение по магазину»: иногда в плохих магазинах, в которых, видимо, отовариваются «узкие специалисты», бывают грязные куриные яйца, но это происходит от тесноты содержания, а не от природы птиц. На вольном выгуле в просторном птичнике куры всегда чистые, они купаются в песке, чистят оперение клювиками и никогда не гадят в гнезда. Гнезда бывают загаженными только тогда, когда птица больна, чего не скажешь о людях, которые способны загадить жилище, даже будучи здоровыми. Напрасно филологи оклеветали птиц. Здесь проявился типичный порок, который я называю «тихим кафедральным идиотизмом»: страшно далеки «узкие специалисты» от почвы, на которой жили и живут творцы языка; давно замечено, что «лингвистика потеряла язык». Той же «грязной» версии придерживаются Трубачев и его команда из сотрудников ИРЯ, которые уверенно называют «загаженность птичьего гнезда» «довольно броским признаком». Не знаю, где им «бросалась в глаза» эта «загаженность»; возможно, специально разводили в своих кабинетах каких-то особых

гадких птиц. При этом они используют сногшибательный своей неожиданностью (в качестве объяснения происхождения русского слова) аргумент: есть «немецкая фамилия Scharnhorst, буквально “загаженное гнездо”»²⁰. Есть украинская фамилия Перебийнос, есть русская фамилия Гниломедов. Они не доказывают, что у всех украинцев перебиты носы, а у русских гнилой мед; не объясняют происхождение русских слов «нос» и «мед» и уж точно никак не объясняют происхождение ни одного немецкого слова. Аргументы подобного рода — дико нелепые, за пределами косвенные — приводятся, когда нечего сказать по существу. Почему никому из авторов ЭССЯ не пришло в голову, что «немецкая фамилия Scharnhorst» может быть не «буквальна», а метафорична, в значении «гадкий род»? Удивительно, но вброшенная сто лет назад глупость, будто птицы систематически гадят в гнезда, не сходит со страниц академических публикаций филологов! Дикость «узких специалистов» явлена во всей красе. Разумеется, вся эта налупленная на бумагу грязь из их мозгов не имеет никакого отношения к этимологии слова *гнездо*.

Не надо думать, будто естественный язык создавался исключительно для удобства людей, знающих жизнь в объеме пятилетней программы филфака. Слова определяют понятия из самых разных сфер, этимолог обязан иметь кругозор, выходящий далеко за пределы знания правил передвижения консонант.

Фасмер пишет, что *болдырь* — это «ребенок от брака русского с лопаркой или самоедкой [саамкой]». Потрясающе безграмотная фраза, так как лопари и саамы — это один народ, а «самоеды» — устаревшее название ненцев. Кстати, уже в первые годы развития советской этнографии данный оскорбительный этноним был исключен, чего Фасмер, разумеется, не принял во внимание в 1950-е годы, когда готовил свой словарь к изданию. При этом Фасмер не стесняется обвинять в путанице понятий народ, творивший язык, а за ним это делают все авторы словарей. Отечественные «узкие специалисты» позволяют себе недопустимо высокомерное, презрительное отношение к народу, язык которого трактуют, как будто это не их родной народ, а некие чужие сумасшедшие. Пишут, будто русские перепутали понятия «правый/левый» и ошибочно назвали левый приток Днепра *Десна*, то есть «правая». Уверяют, будто слово *верблюд* появилось, потому что русские попутали это животное со слоном; слово *слон* появилось, потому что русские попутали это животное со львом; слово *боров* — потому что попутали свинью с коровой; слово *дуб* — потому что попутали дуб с елью; слово *дыня* — потому что попутали дыню с айвой. Слово *жаворонок* — потому что эту птичку попутали не то с вороном, не то со скворцом. Слово *енот* — потому что попутали енота с субтропической виверрой, которую русские не знали, не видели. Слово *жесть* — оттого что попутали железо с медью. *Иву* славяне попутали не то с тисом, не то с черемухой, не то с виноградом. Здесь приведена малая толика названий, появившихся, согласно мнению

²⁰ ЭССЯ. Вып. 6. С. 173.

филологов, слепо копирующих словарь Фасмера, по причине тупости, невнимательности и физической ущербности славян. Прежде чем такое писать, надо миллион раз подумать о своем месте на земле; складывается впечатление, что «узкие специалисты» вообще не думают о том, кто они и зачем они, что за языком стоит народ, а не их институты и кафедры. В языковом хозяйстве народа царит великолепный порядок, это у «узких специалистов» мусор в мозгах путается. Представляя путаником народ, они являют в таком качестве самих себя. Если бы физики, будучи неспособны объяснить явления природы, уверяли нас, что «природа все попутала», — нужны были бы нам такие «узкие специалисты»? (Надеюсь, что предложил адекватные родословные перечисленным словам в своем словаре.)

Строя свою работу на анализе девяти этимологических словарей русского языка (Горяев, Преображенский, Фасмер, Черных, Шанский, Крылов, Семенов, Успенский, Цыганенко), а также выпусков «Этимологического словаря славянских языков (праславянский лексический фонд)» под редакцией О. Трубачева, был поражен тем, как плохо знают лингвисты историю, географию и не только. Вторжения в смежные области знаний поражают безграмотностью и наивностью.

Часто встречается маргинальное, на уровне «бабушка на скамейке», вторжение в область философии. Например, Трубачев пишет: «...привлекаемое для объяснения слав. *b'l'udo некоторыми исследователями слав. *b'l'usti, *b'l'udŋ едва ли когда-либо подходило как исходная глагольная база для нашего имени, поскольку *b'l'usti неизменно сохраняло и.-е. функцию глагола абстрактного, морального знач. “хранить, оберегать”»²¹. Это единственный аргумент, чтобы отказать слову *блюдо* в исконном происхождении. Трудно оценивать данный опус с позиции «чистой науки», ибо речь идет не о лингвистике, это маргинальный выход за пределы компетенции. Категория «мораль» вне лингвистики, это понятие философское и, если ее привлекаешь, надо иметь соответствующий уровень мышления и образования. Трубачев демонстрирует расхожее понятие о морали как о том, что «хорошо». Между тем, это совсем другое, и мораль здесь — лишняя сущность. Хранить можно и высушенные человеческие головы (это факт), а оберегать фашистские ценности (тоже факт). Мол, *блюсти*, *блюду* — глагол «моральный», поэтому он не может быть связан со словом *блюдо*, которое что — аморально? Пошлое морализаторство, а не наука. Оба слова аморальны в научном смысле, потому что никак не связаны с понятием «мораль», а вот друг с другом связаны, вопреки Трубачеву, повторяющему вслед на Фасмером и иже с ним, будто славянское слово «давно удовлетворительно объяснено как раннее заимствование из герм.» (*там же*), а от исконного глагола *блюсти*, *блюду* происходить не может.

Невероятное невежество проявляют «узкие специалисты» в естественно-научной сфере. Фасмер выводит слово *боров* из авест. *rasuka* «домашнее животное» от *rasu-* (собир.) «скот» и дополняет: «...связано

²¹ ЭССЯ. Вып. 2. С. 135.

далее с др.-инд. *bhārvati* «жуёт, ест», т. е. «жвачное животное», для чего, однако, отсутствуют доказательства». Своевременная самокритика, но недостаточная, так как у Фасмера отсутствуют доказательства почти ко всем этимологиям. *Боров* не относится к числу жвачных животных. Слово *боров* — исконное, славянское, происходит от *бор*. Никаких оснований подтягивать его к иранской «пасуке» нет, тем более что подтянули не по лингвистическим основаниям (ни одной общей фонемы нет), а по ошибочным зоологическим. Лингвозоология и лингвоботаника — это невероятно удивительные филологические дисциплины. Фасмер на голубом глазу уверяет, будто *выхухоль*, неспособная грызть (родственник крота), — это «грызун». *Дереза* у Фасмера — это «растение “*Galium aragone*, подмаренник цепкий”, также *облепиха*». Эти растения принадлежат к разным родам и семействам. *Дереза* — семейство пасленовые, подмаренник цепкий — семейство мареновые, облепиха — семейство лоховые. *Ибис* не является аистом, а *иволга* не относится к дроздовым. Здесь приведены отдельные ошибки по памяти, но внимательный читатель словаря Фасмера может убедиться, что это массовое явление. Впрочем, это беда всех филологов, авторов и редакторов словарей: этим ученым высокого полета приходится, к сожалению, напоминать, что слова рождаются на земле и нелишне было бы время от времени на нее опускаться. Это касается в том числе многочисленных сотрудников ИРЯ РАН, неоднократно редактировавших словарь Фасмера с правками в примечаниях и при этом не исправивших ни одной фактической ошибки подобного рода. Впрочем, если исправить все ошибки Фасмера, то примечания по объёму превзойдут сам словарь. Он весь будет «красный» от правок. Возможно, потому и не исправляют? Боятся, что в таком случае их многолетние труды по переизданию книги, в которой почти нет содержания, кроме ошибок, подтасовок и лжи, станут выглядеть бессмысленными?

Какая связь между латинским *fagus* «бук» и русским *бузина*? Такая же, как между бузиной в огороде и дядькой в Киеве, но Фасмер сказал, что она есть, не приведя аргументов, — и уже полвека отечественные лингвоботаники пытаются обосновать это гениальное открытие, нелепое даже фонологически. Вот проложил Фасмер для них рельсы, и «узкие специалисты», подобно лошадям с зашоренными глазами, упорно тянут конку науки по ним, не отвлекаясь на возможность другой этимологии. Черных с сомнением излагает аргументацию: «Не совсем ясно, почему название бука было перенесено у славян именно на бузину, растение, столь непохожее на *fagus*. Правда, иногда ссылаются на то, что плоды букового дерева и черной бузины в том или другом виде съедобны. Но ведь таких растений очень много»²². Относительная съедобность — единственный *филологический* аргумент. Почти все растения, за исключением относительно небольшого числа ядовитых, съедобны «в том или ином виде». По данному признаку бузину можно сосватать с миллионами видов. Лучше всего произвести от банана. По крайней

²² Черных П. Я. Там же. Т. I. С. 119.

мере, фонетические совпадения есть, да и съедобность как лингвистический аргумент более уместна. Разумеется, слово *бузина* исконное и никак не связано с *fagus*.

В словаре Фасмера верные этимологии встречаются настолько редко, что, если б словарь составил совершенно наивный автор, их было бы намного больше по статистике случайных чисел. Угадать можно половину. У Фасмера верные этимологии в лучшем случае одна на сотню, если не на тысячу, и эта уникальность является прямым следствием умышленной лжи, умножившей природную глупость, что уже заранее доказано биографией: умный человек не подрядился бы работать на нацистов, приехав в Германию из США в 1939 г., когда настоящие ученые ехали в обратном направлении.

Умный человек не мог написать следующее: «*Дербень* — “изба мельника”, *дербенщик* “мельник”, вятское, сарапульское. Заимствование, ср. тур.-перс. *derbend* “горный проход, ущелье”, *derbendži* “страж”». Почему бы фальшмахеру не написать, что *дербенщик* происходит от топонима *Дербент*, потому что все вятские и сарапульские мельники оттуда, согласно его сведениям? Это было бы гораздо более научно, ибо нет никакого «тур.-перс. *derbend* “горный проход, ущелье”». *Derbend* — персидское слово, означающее «запор, замок», о чем Фасмер сам пишет в статье *Дербент*. При чем здесь «изба мельника» по смыслу? При чем «узкий проход»? Фасмер притянул русское слово к «тур.-персидскому» по пустому созвучию, как безграмотный маргинал, потакая личной русофобии настолько, что не смог удержаться от очевидной глупости. *Дербить*, *дерэбить*, *дерябить*, *дербовать*, *дербунить*, *дербужить*, *дербá*, *дербень* (в значении «мешковина, дербужина»), *дербанить* — исконные слова, а для того, чтобы узнать слово *дербень* «мельница», вятские мужики сговорились с сарапульскими, снарядили ходоков в неведомую «Тур-Персию»: а не научат ли тамошние «турперсы», как в Вятке и Сарапуле мельников называть? Разумеется, Фасмер глупо лжет: весь куст исконный. Мельник *деребит* зерно, поэтому вятские мужики называли его *дербенщик*, мельницу — *дербень*. Прimitивная личность, излагающая подобные глупости, была избрана членом АН СССР — не позор ли для Академии? Великий В. Мартынов такой чести не удостоился, хотя заслуживал ее больше многих коллег-академиков — у меня в этом нет сомнений. Возможно, потому и не удостоился?

Фасмер пишет: «*Гармóника*... производное *гармóнь*, *гармóшка*... Заимств. из нем. *Harmonika* или англ. *harmonica* (инструмент изобретен Бенджамином Франклином в 1762 г.) от лат. *harmonicus* “гармонический”; см. Клюге-Гётце». Франклин изобрел стеклянные колокольчики на металлическом штыре. *Гармоника* Франклина не оставила следа в истории музыки, используется крайне редко в оркестровых изысках. *Гармонь* стала русским народным инструментом. Она имеет такое огромное значение в национальном сознании, что в годы Великой Отечественной войны производство *гармоней* приравнялось к производству оружия, они отправлялись на фронт десятками тысяч. Этот инструмент вошел не только в историю музыки, он вошел в мировую

историю, как никакой другой. Заслуги русской гармони в победе над самой страшной «чумой» человечества столь велики, что ей следовало бы поставить памятники в каждом освобожденном городе Европы. И это великое явление перепутать с жалкими колокольчиками Франклина! Первая гармонь с мехами появилась в Петербурге в 1783 г.²³ Ее изобрел гениальный мастерской, оставшийся неизвестным. Фасмер спутал русскую *гармонь* со стеклянными колокольчиками Франклина, а его эпигоны, «узкие филологи», послушно повторяют эту глупость. У них нет кругозора, чтобы даже приблизительно представить себе историю гармони, равно как и других объектов и явлений, для обозначения которых служат описываемые ими слова. Действительность совершенно не учитывается этими носителями «филологического идеализма», не случайно в панику впали, как только увидели предметную критику. Прочитав про Франклина, я тотчас понял, что Фасмер заблуждается; почему об этом не догадались лингвисты за полвека? Этимолог обязан иметь широкий кругозор. Он должен исходить из того, что слова — это отражение действительности, а не нечто само по себе сущее. Так как заимствования инструмента не было, не приходится говорить о заимствовании названия. Международное слово *гармония* приходило на ум людям в разных странах. В России оно известно с XVIII в. Как пишет Черных, инструмент в начале XIX в. называли *гармония*.

Фасмер пишет: «Дублёнка — “вид подкладочной ткани” (Мельников, 3, 111, 278). Из франц. double “двойной”, откуда и нем. Doublestoff (Хайзе)». Обратившись к роману П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах», на который Фасмер дважды сослался как на источник понятия, мы ожидаемо обнаруживаем, что речь отнюдь не о «подкладочной ткани». Цитирую по ссылкам Фасмера: «Смерклось и вызвездило, когда по скрипучей от завернувшего под вечер морозца дороге к дому Никитишны пара добрых коней подкатила сани с кожаным лучком, с суконным, подбитым мурашкинской дубленкой, фартуком и с широкими отводами» (Мельников, 3, 111); «Заблудились мы, почтенный, в ваших лесах, — отвечал Патап Максимыч, снимая промерзшую дубленку и подсаживаясь к огню» (Мельников, 3, 278). Село Большое Мурашкино в Нижегородской губернии славилось своими мехами с тех пор, как сюда были сосланы сторонники Марфы Посадницы, которые завезли секреты выделки кож. До революции здесь работали несколько меховых фабрик, в том числе поставщики императорского двора, участники всемирных выставок. Меховое производство было настолько обширно, что овчинное сырье свозилось со всех краев России, а также из Средней Азии, Афганистана. В обоих примерах из романа Мельникова речь идет о мехах. Фартук для саней делали из холста, подбитого мехом, с расчетом, чтобы мех был посередине, тканевые отводы заправлялись под ноги и туловище. Купец Патап Максимыч был одет в меховой полушубок, а не в подкладочную ткань. Никакого

²³ См.: Мирек А. Справочник по гармоникам. М., 1968. С. 115.

отношения «франц. double “двойной” и нем. Doublestoff» не имеют к русскому дублёнка. Это слово — производное от дубление (традиционный способ выделки кож с использованием коры и листьев дуба). Фасмер в очередной раз продемонстрировал незнание предмета, о котором пишет, а академические редакторы его словаря не в первый раз уличены в слепом, наивном, далеком от науки и знания языка доверии к «авторитету». Удивительно качество работы сотрудников Института русского языка над этимологией русских слов: как можно не замечать столь очевидные глупости? В 1980-е годы, когда под их редакцией вышло второе издание словаря Фасмера, откуда все цитаты, была мода на дублёнки. Надо полагать, «узкие специалисты» ИРЯ РАН дефилировали по зимней Москве, завернувшись в подкладочную ткань и гордо называя свое тряпье дублёнками. Подобные глупости неисчислимы, они встречаются буквально на каждой странице — и переизданы уже четырежды. Четыре раза переиздано с участием академических редакторов лживое насквозь, глупейшее произведение, большинство статей в котором напрашиваются на фельетон!

В связи с тем, что для Фасмера дублёнка — это подкладочная ткань, слова *дубить*, *дубление* в его словаре отсутствуют. Не знать эти слова он не мог, ибо они есть во всех толковых словарях, включая Даля, пропустить невозможно. Фальшмахеру так хотелось подвесить исконное русское слово *дублёнка* на иностранный крюк, что он пошел и на вторую ложь: ложь умолчания.

Этимология названий и имен

«Лучшие этимологии Фасмера вообще посвящены главным образом именам собственным», — уверяет Трубачев²⁴. Это феноменально, но в статьях на буквы *А, Б, В, Г, Е, Ё, Ж, З, И*, которые мной исследованы, почти нет верных этимологий имен собственных. Например, о названии *Гатчина* Фасмер написал: «Местность под Ленинградом. От *гать*». «Руслингвисты» бросились развивать и дополнять «свое всё». «Название этого небольшого города под Санкт-Петербургом, где любил жить до своего восшествия на российский трон император Павел, дает основания предположить, что местность там была болотистая, потому что *Гатчина* восходит к глаголу *гатить* — “прокладывать дорогу вязанками хвороста”, — развил фасмеровскую этимологию Г. Крылов. Фразу «прокладывать дорогу вязанками хвороста» он буквально переписал из статьи Фасмера *гать*. Складывается впечатление, что отечественные авторы видят свою задачу только и исключительно в том, чтобы услужливо поддакивать Фасмеру, как будто наших филологов только этому на филфаках и учат. Какие болота, какие вязанки? Что за наоборотный ход: «название дает основание предположить, что местность там была болотистая»? «Почвоведы» Фасмер и Крылов определили ландшафт по названию, исходя из собственной

²⁴ Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 509.

умозрительной интерпретации. Может быть, вначале земля, потом название? Не мешало бы местностью поинтересоваться прежде, чем мостить вениками придуманные болота и сажать в них императора. Причем не одного: не только Павел любил Гатчину, но и Александр III, самый могущественный русский царь (настолько, что не нуждался в союзниках, кроме собственных армии и флота), предпочитал ее всем другим местам, а у него был выбор. *Гатчина* расположена на плоскогорье высотой примерно сто метров над уровнем моря, между Ижорскими и Ропшинскими высотами. У меня дача недалеко от Гатчины, у нас даже комаров нет, потому что нет болот. Скважины глубиной не менее 30 метров. Подпочвенный грунт — твердый как камень, иссушенный суглинок и известняк, ломом не пробьешь. Фасмер маргинально придумал этимологию по пустому созвучию. Его эпигоны, слепо поклоняясь Великому, меняют не только толковые значения русских слов, что встречается на каждом шагу, они и географию России готовы переписать, лишь бы не отступить от немецких направляющих. Фасмер не только не поинтересовался географией, но и не потрудился поинтересоваться исконным названием русского города. Между тем, *Гатчина* — это переименованное *Хотчино*, известное по новгородским писцовым книгам с 1499 г. Название может быть от имени владельца (известны древнерусские имена Хотен, Хотин, Хотимир, Хотчен) или комплиментарное от «хотеть» — по типу Желанное, Благодатное, Хотино, Уютное, Отрадное и т. д. Место очень красивое, здоровое: высокие хвойные боры, красивые озера и ручьи, живописные моренные валуны и каменные гряды. Переозвучили русское *Хотчино* в *Гатчина* шведы, которые владели этой местностью с 1617 г. — когда захватили ее, пользуясь последствиями Смуты, — до Северной войны. Неужели и после такой очевидной недобросовестности Фасмера можно воспринимать как ученого?

«Принимая во внимание шв. *Alhava* в грам. XVI в. и фин. *Olhavanjoki*, Миккола производит это название из фин. *Olhava*», — написал Фасмер о гидрониме *Волхов*. С тех пор название реки, из бассейна которой «есть пошла Русская земля», всюду подается как финское или шведское заимствование, потому что так сказал Фасмер, с которым спорить нельзя, страшно: свои же, русские коллеги в «маргиналы» запишут, хотя до Фасмера в России были и другие версии. На самом деле, маргинально то, что написал Фасмер, потому что бездоказательно, по первоисточникам не выверено, версия по пустому внешнему созвучию. Тенденциозный подход, согласно примитивному принципу: есть похожее слово в каком-то другом языке, значит, русские заимствовали отсюда. Разумеется, это чушь, название исконное. Финский лингвист Миккола, вслед за ним Фасмер ссылаются на шведский источник XVI в. Его Фасмер «принимает во внимание». Гораздо более древние упоминания русских источников он во внимание не принимает. Например: «Въ лѣто 6684 (1176). Иде Вълхово опять на възводѣ по 5 дни» (*Новгородская первая летопись*,

л. 40 об.)²⁵. В Ипатьевской летописи еще раньше, под 1113 г.: «...находятъ дѣти наши глазкы стеклянны и малыи и великы. провертаны, а другыя подлѣ Волховъ берутъ еже выполаскываетъ вода»²⁶. В древнерусских источниках название упомянуто раньше на пять веков, именно в той форме, в которой бытует и сейчас. Финны косноязычно переняли *Волхов* как «Ольхава», шведы от них — «Алхава», что типично для подобных заимствований.

Версии происхождения личных имен нелепы до анекдотичности. Например, имя *Давыд* Фасмер объясняет как тюркизм, тогда как очевидно, что это русская обработка ветхозаветного имени, типичная славянская палатализация. (Кстати, в словаре Фасмера прослеживается не только русофобия, но и антисемитизм, хотя это отдельный разговор; материала столько, что можно отдельную статью писать.) По Фасмеру получается, что *Давыд* и *Давид* — имена разного происхождения в русском именослове, пришедшие из разных языков, принадлежащих к разным языковым семьям, — и эту глупость до сих пор никто не замечал. Об имени *Дарья* Фасмер пишет: «сокращение из *Дорофѣя*». Диву даешься, как можно так глупить, находясь не в приюте для умалишенных. *Дарья* — женский вариант персидского имени *Дарий* (ир. *Дарьявауш* > греч. *Дариус* > рус. *Дарий*). Исконные имена *Владимир*, *Борис*, *Глеб* Фасмер объявил заимствованными. Он производит имя былинного героя *Дюка Степановича* из *индюк* «индеец». Прежде чем выдвигать столь экзотическую версию, следовало бы поискать это слово с таким значением в древнерусском словаре. Слово *индюк* впервые засвидетельствовано в 1847 г. в значении «самец индейки», до того самца *индейки* называли *индей*. И даже это слово является поздним, известным с нач. XIX в. Русские никогда не называли индийцев «индюками». Совершенно другой исток у имени *Дюк*. Таковы «лучшие этимологии Фасмера».

Главный порок словаря Фасмера

В ходе работы мной замечен и выделен главный, пожалуй, порок словаря Фасмера. Этимология русского слова, за исключением новых заимствований, должна начинаться с обращения к древнерусскому словарю, что Фасмер делает крайне редко, поэтому почти все его этимологии подложны. Фальшмахер, по сути дела, игнорирует древнерусский язык, начиная этимологию с иноязычных аналогий, либо — в лучшем случае — подставляя вместо древнерусского старославянский. Этот язык, называемый также «староболгарский», «старомакедонский», «язык салониких славян», является языком славян — мигрантов на Балканы с европейского севера, из области праславянского языка, прямым наследником которого является древнерусский. (Кстати, Сербия до XII в. называлась «Расия».) Попав на Балканы, славяне оказались в окружении высокоразвитых народов, прежде всего греков-ромеев, носителей

²⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950. С. 35.

²⁶ См.: Срезневский И. И. Указ. соч. Т. I. Стб. 518.

греческого и латинского языков, поэтому заимствования и утраты были неизбежны. Это язык славян, почти никогда не имевших независимости, кроме эпизодической и относительной. Ими почти всегда кто-то владел, навязывая свой язык и культуру.

Древнерусский язык проявляет себя как столбовой продолжатель праславянского. В большинстве случаев праславянские основы совпадают с древнерусскими, что видно даже по «трубачевскому» «праславянскому словарю» (ЭССЯ). Старославянские предстают как измененные. Древнерусские и русские слова основного фонда зачастую совпадают с санскритскими, авестийскими, праиндоевропейскими.

Например, слово *дерево*. Автор «Индоевропейской грамматики» Г. Хирт реконструировал индоевропейскую основу, полностью совпадающую с современным русским словом: *degeuo «растение» (и краткое, близкое *v*, то есть *дерево*, как произнес бы это слово Горбачев). Праиндоевропейцы называли *дерево* так же, как современные русские люди! Хирт был сторонником версии североевропейской прародины индоевропейцев, но критиковал лживую лингвистическую «науку», инициированную НСДАП. Хирт был немецким патриотом, но при этом еще и ученым, а не проходимцем, как Фасмер и иже с ним. Ученый является патриотом не только Отечества, но и науки и не может подерживать откровенную профанацию. И вот нацистское «языкознание» в лучшем виде: немецкий лингвист, один из великих, даже не упоминается в статье Фасмера *дерево*, так как его мнение ставит русский язык на подобающее ему место столбового индоевропейского. Когда же Хирт называет какое-либо славянское слово заимствованным, Фасмер всегда приводит его авторитетное мнение.

Самое печальное заключается в том, что письменное старославянское наследие незначительно в сравнении с древнерусским. Сохранилась одна большая рукопись XI в., часть мартовской минеи (так называемая Супрасльская рукопись, найденная на территории Российской империи). На нее и дается большинство ссылок в словаре Фасмера, отчего складывается впечатление, что, если б не Супрасльская рукопись, тему «старославянский язык» пришлось бы закрывать для этимологии. Древнерусское письменное наследие огромно, именно поэтому Фасмер его игнорирует. Сохранилось более тысячи рукописей (не считая бересты). И хотя это (согласно подсчетам) всего примерно 1 % написанного, все равно очень много в сравнении с тем, что имеют другие народы. Даже «отец норманизма» Шлёцер удивлялся и завидовал тому, «каким богатством обладают русские» — богатством, в сравнении с которым древние германские письменные источники представляют собой, согласно определению этого историка, «бредни и сумасбродство исландских сказок»²⁷.

Многие слова, которые есть в древнерусских текстах, в старославянских отсутствуют, что позволяет Фасмеру объявлять их заимствованными из германских и иных языков вопреки хронологии, когда

²⁷ Шлёцер А. Нестор. Руския летописи на древле-славенском языке. Ч. 1. СПб., 1809. С. 1—6.

на древнерусском слово записано на несколько веков раньше, чем на каком-либо германском языке.

Например, слово *дума* в древнерусских источниках засвидетельствовано в X—XI вв., что подразумевает дописьменную историю этого слова в славянстве. Немецкие лингвисты объявили его заимствованным «из герм.» в XIII в., игнорируя древнерусский словарь! Это не единственный пример, это массовое явление. Отечественные авторы повторяют за Фасмером, будто русское *двор* «лица, окружающие монарха» — калька XVIII в. немецкого *Hof*. Выражение *князь дворъ* в древнерусском языке существует с докирилловских времен, судя по фиксациям в самых первых рукописях (в ПВЛ под 996 г. и далее неоднократно). Слова *двор*, *дворянин* — и большое лексическое гнездо, с ними связанное, — были уже тогда, когда немецкого языка не существовало и не было даже в проекте (ведет свою историю с перевода Лютером Библии на древневерхне-немецкий язык в XVI в.)²⁸. Хронологически невозможна калька *Hof* > *двор*, а вот обратная калька весьма вероятна, что, скорее всего, и было.

Древнерусский словарь как первоисточник для этимологии русских слов и этимологический словарь Фасмера несовместимы. Возникает вопрос: от чего следует отказаться, подвергнув «культуре отмены», как говорят на Западе? От древнерусского словаря или от словаря Фасмера? Кто не отказывается от словаря Фасмера, тот отказывается от древнерусского языка. В таком случае — что он вообще делает в русском историческом языкознании?

В настоящее время конкурируют два направления этимологии. Первое — так называемое академическое — опирается на словарь Фасмера, регулярно переиздаваемый, в том числе под эгидой РАН. (Уже четыре переиздания, начиная с 1973 г., когда вышел последний том первого русского издания.) Древнерусский словарь Срезневского, созданный в качестве источниковедческой базы для этимологии русских слов, не был переиздан ни разу с 1893 г. Он — великая библиографическая редкость. Кто-то умышленно делает так, чтобы у молодых филологов не было под рукой словаря Срезневского, но был легкодоступен словарь Фасмера. С этой целью он переиздается каждые 15 лет, для каждого нового поколения. На мой взгляд, позитивные ссылки на таких авторов, как Фасмер, Клюге-Гётце, Гамильшег, должны приравниваться к позитивным ссылкам на Геббельса и Розенберга.

Второе направление опирается на древнерусский словарь. Считаю его основоположником великого В. В. Мартынова.

Выбор — за молодыми исследователями. Как минимум, призываю к честной дискуссии. Нельзя далее молчать. Язык — не филологическая величина, а цивилизационная. Речь о самобытности и самоценности русской цивилизации.

---

²⁸ См.: Срезневский И. И. Указ. соч. Т. I. Стб. 642—847.

Народные мемуары

Татьяна ГЛОВАЦКАЯ

ЖИЗНЬ В ОЖИДАНИИ ЖИЗНИ¹

Колхоз

После летнего отдыха я пришла в ОКБ электровакуумного завода в группу тонких пленок, начальником которой был Юрий Иванович Полещук. Группа небольшая, буквально несколько человек, а работа — сплошной поиск и эксперименты, в которых мне предстояло участвовать. В первый рабочий день Юрий Иванович подсел ко мне и доверительным голосом сказал, что работать я начну позже, а сейчас нужно поехать в деревню Долгово Тогучинского района и сменить там нашего сотрудника Мишу Климова. И пошла я домой собирать вещи. Конечно, это было неожиданно, но куда деваться...

Хотя стоял теплый сентябрь, надо было брать с собой резиновые сапоги, куртку теплую, свитера. Дорога длинная — электричка до Тогучина 2,5 часа, автобус до деревни, и я на месте. Миша не скрывал радости и быстро уехал домой. А для меня началась интересная и трудная колхозная жизнь.

Наши люди жили в доме с двумя входами. С одной стороны жили девчонки, а с другой — три взрослых мужика из мехцеха, а с ними какая-то деваха. Там же в отдельной комнатке жили мальчишки, с которыми мы общались. С остальными встречались только в столовой. Забор разделял двор на две части.

В нашей части двора — огромная собачья конура, в которой почему-то жила гигантская свинья с поросятами. Чья она, нам было неизвестно.

У нас было две комнаты друг за другом. В первой комнате стояла настоящая печь, которую топил дежурный, на печке мы сушили вещи и грели воду, чтобы помыться после работы. Во второй комнате — раскладушки. Мне выдали матрасовку и показали, где сено, которым я набила эту штуку, — получился матрас. Девчонок было много. Вера с Валея вызвались работать поварами. Рядом с домом стояла хибарка с плитой, там они готовили еду и там же мы ели утром и вечером. Длинный стол,

---

¹ Окончание. Начало в № 2/2024.

лавки с двух сторон, алюминиевые миски и ложки, тусклая лампочка свисала с потолка на длинном шнуре.

Вот первый день моей работы. Мы убирали кукурузу на силос. Нас привезли на поле, по которому шел комбайн. Из него торчала труба, на конце которой как гибкое продолжение висел брезент. Он нависал над кузовом идущей рядом грузовой машины. Из него вылетала кукуруза, разрубленная на кусочки длиной примерно 5 см. Поток с силой бил в пол кузова. Высота бортов машины увеличена примерно в 2,5 раза прибитыми досками. Двигаться комбайн и машина должны были параллельно, чтобы не потерять силос. А наша задача — стоять в кузове с вилами в руках и топтать падающую рыхлую массу. С наполненной выше бортов машины мы спрыгивали, она уходила с поля в весовую, а мы ждали следующую.

Самое трудное — залезть на эту машину. Встать на колесо, зацепиться за верхнюю доску, потом подтянуться на этом заборе и перевернуться внутрь. Сначала это было легко, я была высокой и мало весила. После погрузки первой машины вся одежда на мне промокла, стала сладкой и прилипла к телу, а одеты мы были легко — трико, футболка, на голове косынка. Мокрой на ветру стоять не очень приятно, и хотя осень была теплой, все-таки это не лето. И можно было запросто застудиться, что и случилось со мной впоследствии.

Я попала на машину с Галкой, так мы в тандеме и работали. Мне почему-то казалось, что, если наполненная с верхом машина дернется, я упаду с нее через задний борт, поэтому выбрала место у кабины шофера, мне там было не так страшно, а Галка стояла у заднего борта, ей почему-то было страшнее у кабины.

Вот мы влезаем в кузов пустой машины, комбайн стоит рядом, мотор ревет, но кукуруза еще не выскакивает. Начало движения машины и комбайна в первый момент не синхронно, поэтому мы не знаем, где встать, чтобы спрятаться от первых ударов. Поток силоса вылетает из ворота со страшной силой! Куски стеблей кукурузы бьют по ногам, по животу, от резких ударов мы всегда были в синяках. Но потом начинается параллельное движение, мы понимаем, где стоять, и начинаем растаскивать силос вилами, топчя его сапогами. Машина и комбайн едут, кузов постепенно наполняется, мы оказываемся все выше и выше, и вот стоим на самом верху. До земли очень высоко. Борты уже не защищают. Страшно, мокро, больно, смешно — всё вместе.

Иногда между машинами образовывался большой временной промежуток, ждать приходилось долго. Как потом выяснилось, колхозники в это время занимались своими делами на личных огородах, ведь им тоже надо было заготавливать себе и сено, и силос. А мы за это время обсыхали и примерзали.

Приходим домой после работы, страшно смотреть на нас! Мы все зеленые от кукурузы, трико стоит колом, ноги в сапогах мокрые. К нашему возвращению дежурный нагревал воду, мы начинали мыться, сушить сапоги. А завтра этот ужас надо надевать снова.

Вера, очень боевая девица, была у нас старостой. Она выбивала нам авансы от колхоза в размере трех рублей, которые мы тут же тратили в магазине на конфеты «дунькина радость», засохшие пряники, а парни на сигареты и дешевое вино «Гиссар», «Солнцедар».

И вот Вера поругалась с бригадиром и обязала его достать спец-одежду. Выдали нам огромные солдатские штаны из кирзы. Стали мы примерять их, боже! Они огромные, достают до подмышек, тяжелые. Кто как исхитрялся закрепить их на себе. Пришивали помочи через плечо, завязывали веревками на поясе. Конечно, эти штаны тоже намокали, но не так быстро. Правда, подвижность уменьшилась, стало трудно влезать на машину, а спрыгивать вообще невозможно, приходилось просто сваливаться вниз. А дома позеленевшие и засохшие штаны стояли на полу! Силос же сладкий, сахар застывал.

Однажды утром случилось страшное. Один мой сапог ночью упал на печку с заслонки и расплавился. Я осталась в кедах. Пошла в местный магазин и купила себе кирзовые сапоги, но размер был 39, других не было, а ношу я 36-й. Ноги в них не промокали, но стало так трудно лазить туда-сюда! Пошла на почту, позвонила в город маме на работу и попросила ее купить и прислать мне кирзовые сапоги меньшего размера. Через пару дней я получила от мамы посылку! Что это была за прелесть! Мой размер, тонкая кожа, такие ладные! И на силосную работу в них я не ходила, а надевала вечером, когда шли на ужин, в кино или на танцы.

Однажды случилось вот что. Машина была уже полна, мы на самой вершине, которая еще не растоптана в плоскость, а силос падал и образовывал в центре холмик. Мы обе пытались растаскивать его в стороны. Одно неловкое движение — и ворот сбивает меня с ног! Я вместе с вилами падаю на спину на склон силосного холма параллельно левому борту машины ногами к кабине. Шофер этого не видит, так как силос выше кабины. Галка кричит из всех сил, ее не слышно. Я лежу, боясь свалиться, и только слабым движением ладони смахиваю кукурузу с лица. А сама чувствую, что медленно съезжаю вниз, к земле. В это время по полю ехал пастух на коне, вокруг него брели коровы, доедая остатки кукурузы. Он видел все происходящее, понял, что я сейчас упаду. Пришпорил лошадь и с матами поскакал к кабине шофера, размахивая кнутом.

— Что ж ты, мать твою, девку сейчас угробишь!

Шофер услышал и резко затормозил. От толчка я плавно свалилась вниз в том же положении, что и лежала на силосе, то есть параллельно земле. Меня спасли штаны и сапоги, они были так тяжелы, что развернули меня, и я приземлилась на ноги. Вилы из рук не выпустила, и они воткнулись рядом со мной. Почему-то было смешно. Да и сейчас пишу и улыбаюсь.

Голод

Кормили нас на заработанные нами деньги. Выделяли какие-то продукты, девчонки-повара готовили. Но мы все время были голодными, я это помню. Все-таки работа была физическая, и организм

все время хотел есть. Во время ужина нам привозили с фермы флягу молока. А один раз было так. Привезли молоко, разлили по кружкам, но я удивилась, почему цвет молока какой-то синеватый, а сверху — пена? Над столом была очень тусклая лампочка, не все разглядели напиток, кое-кто уже выпил его. Вдруг слышим, телега тарахтит обратно. Возчик входит и говорит, что он спутал фляги и вместо молока отдал нам флягу с обратом. Почему-то это слово мне жутко не понравилось. Я подумала, что это чуть ли не помой. Оказалось, что этим поят телят.

И вот однажды милая тихая девочка Люда схватила меня за руку и говорит:

— Пойдем, что-то покажу!

И тянет меня во двор к конуре с поросятами. Надо вам сказать, что все поросята по размеру были одинаковыми, а один — очень маленький, с котенка, просто игрушка. Подходим к конуре, заглядываем, а там свињи нет, одни поросята. Люда мне и говорит:

— Возьмем самого маленького и съедим его!

При этом глаза у нее горят, она не шутит! Да, голод не тетка! Но поросенок остался жив, мы его пожалели.

Лошадь

Однажды нас с Колей из мехцеха послали с ответственным заданием: отвезти в поле какие-то фляги. Для этого нужно было запрячь лошадь в телегу. Мы пришли на хоздвор, причем ни я, ни он не умели этого. Но кому это было интересно? Лошадь нам в телегу запрягли, фляги погрузили, дорогу указали, мы сели, Коля взял вожжи в руки и весело сказал:

— Но-о!

И лошадь пошла.

Сначала дорога пересекла поле, потом свернула в лес. В дороге Коля пел мне новую песню Ободзинского «Эти глаза напротив», а я запоминала, чтобы вечером попеть. В результате за этим занятием мы не заметили, что уже не едем — телега стоит. Лошадь элегантно подняла по очереди все четыре ноги, вышла из упавших палок и стала мирно щипать травку. Мы не сразу поняли, что это — конец. Во-первых, мы оба лошадей боялись в принципе, а во-вторых, как поставить ее обратно и прикрепить к телеге? Сначала Коля пытался взять лошадь за гриву и тянуть ее, но она только махнула головой и продолжала свое мирное дело. Мы впали в уныние. Теперь нас никто не найдет, придется бросать телегу и тащиться обратно пешком, а как будут ругаться и ржать над нами колхозники!

И вдруг пришло спасение. Из зарослей внезапно вышел деревенский мужик в длинном плаще с корзиной грибов. Он увидел нас, посмотрел на лошадь и спросил:

— А что это вы тут, мать вашу, делаете? Вас же ждут!

Мы ответили, что не знаем, как вернуть лошадь обратно.

— Чему вас только там, в городе, папка с мамкой учат? Ничего не умеете!

Он подошел к лошади, как-то справно взял ее за нужное место и повернул. Лошадь стала быстро пятиться назад и оказалась между оглоблями, лежащими на земле. (Я уже потом узнала, что палки, идущие от телеги к лошади, — это оглобли.) Он крикнул Коле, чтобы тот ему помог, оглобли подняли, закрепили. И все это с такими матами, что мой словарный запас сильно пополнился. Мы уселись на телегу, а мужик хлестанул лошадь по заднице, поддал еще матюками и бросил Коле вожжи. Лошадь понесла — слава богу, в нужном направлении.

Ток

Кроме уборки силоса нас еще посылали на ток — это место, куда ссыпают зерно. Ток был окружен забором из тонких прутьев, переплетенных довольно тесно. На земле лежало зерно, его было еще немного. Основная опасность — гуси, которые лезли сквозь дыры в заборе, чтобы на халяву покормиться. Главное — они там гадили на землю, и нужно было гонять врагов, проникших на охраняемую территорию, а следы их деятельности собирать и выбрасывать за забор. Вот так целый день какая-нибудь девчонка из наших бегала вдоль забора с веником и совком. И кстати, за день ей начисляли больше трудодней, чем нам на топтании силоса.

Запомнился погожий день. Работы не было, мы ждали машины, сидели около небольшого стожка. Солнце светило так ласково, полетному, хотелось просто лежать и не двигаться. Так все и сделали — легли головами на сено, ноги на траве. Тихо, тепло, хорошо... Сначала переговаривались, пробовали петь, но постепенно стали засыпать. Я лежала рядом с кем-то из девчонок, разговор зашел про оперу Чайковского «Евгений Онегин», которую знаю практически наизусть. Соседка не поверила, тогда я сказала, что могу спеть всю последнюю сцену Татьяны и Онегина — обе партии. И начала петь. Слушали меня или спали, не знаю. Так и запомнилось — осеннее солнце, мягкое сено, запах травы, покой и музыка...

Рядом с нашим домом, кроме столовой, был клуб, старый, страшный, в котором показывали кино и даже случались танцы. Приходили деревенские, они задирались, и однажды случилась драка между ними и нашими, городскими.

Если проходил минимальный дождь, то улица вдоль дома делалась просто невозможной для перехода. Глубокая жирная коричневая грязь засасывала сапоги выше щиколотки. Вот такая была земля в деревне Долгово.

Приближался конец моей ссылки. Очень хотелось домой. Несколько человек уже могли уезжать, и я в том числе. Мы пошли в контору за справками о работе и за расчетом. И тут оказалось, что мы не только ничего не заработали, но некоторые остались должны колхозу! Нам

выдавали несколько раз авансы, потом вычли еще и за еду. Слава богу, я не была должна, но и не получила ничего.

Картошка

Я приехала домой и сразу постирала всю одежду. Стояла осень, отопления в доме еще не было. Свитера, брюки, куртка — все висело и не сохло. На следующий день пошла на работу. Пришла и сильно удивилась, что коридоры ОКБ пусты, в нашей 309-й комнате вообще никого нет. Пришел Юрий Иванович, опять подсел ко мне и, как бы извиняясь, сказал, что все — на уборке картошки, и мне надо завтра тоже туда отправиться. Я пыталась сказать, что мне не в чем ехать, все мокрое, но, увы, надо было выкручиваться. Пошла к двоюродной сестре Кате, и она выделила мне какую-то одежду.

Вообще описывать ежегодные картофельные баталии нет желания. От этой работы остались одни нецензурные слова. Практически каждый год в это время была плохая мокрая или даже снежная погода, но ехать было надо. Как только народ не пытался от этой каторги отвертеться! И справки, и болезни, и бог знает что! Тяжелая, не женская работа! Самое противное, что начальниками отделов всегда были мужчины, они только руководили, а сами не работали. Не хочу вспоминать про эту каторгу.

Но если выпадала редкая теплая осенняя погода, то жизнь казалось не такой уж и тяжелой.

У каждого отдела был костровой, который варил обед. Обычно это была какая-нибудь пожилая коллега. У нас бессменным костровым была Галина Сергеевна Лукашевич. Она прекрасно готовила. Мы скидывались на мясо, картошка — с поля. Мужики и все желающие выпивали.

Вспоминается только один момент — как на мне выносили с завода через проходную фляжку со спиртом. У меня была серая курточка с напуском, на широком поясе на бедрах, сама шила. И вот мне к спине привязали эту фляжку, а под этим напуском ничего не было видно.

Однако в первый год моей работы в ОКБ погода была отвратная, внезапно пошел снег — мокрый, липкий. Все были в куртках и плащах, присели на ведра, и снег сразу превратил каждого в огромный сугроб. Ноги в резиновых сапогах облеплены грязью, передвигаться трудно. Господи, за что мы страдали? А весной и летом — посылали еще на пикировку и прополку капусты, будь она неладна.

А после картошки — рубка капусты. Это вообще ужас. Уже лежит снег, холодно, мокро, накануне нам всем выдавали пленку, из которой каждый сооружал себе нарукавники и огромные фартуки. К капусте надо подойти, срубить ее заточенной лопатой — это делали мужчины и шли вперед. А женщины должны были каждый вилок поднять, донести его до кучи и осторожно положить, стараясь не повредить. Как нарочно, вилки были всегда огромными. После дня такой работы у меня отказывали руки от нагрузки. На следующий день невозможно было застегнуть пуговицу, раздеться, поднять руки, причесаться и т. д.

Но были интересные поездки, например, пару раз летом нас направляли на сбор смородины, черноплодки и облепихи. Это было уже вкусно! Но я пострадала на сборе облепихи. В совхозе была очень колючая облепиха. На следующий день я пришла на работу, а вся тыльная сторона ладоней в колючках, причем их не видно, но больно и мешают. И вот коллега, дай бог ему здоровья, включил рабочий стол, на котором обычно при хорошем освещении мы готовили образцы, и лично вынул пинцетом все мои колючки, глядя в микроскоп. Но самое главное, ни одна ранка не загноилась, ведь облепиха — лечебная ягода.

Начало работы

Но вот закончилась уборочная, все вышли на работу. Мы с коллегами работали в кабинете № 309, в котором было две комнаты: одна — для нашей группы, другая — для отдела керамики. Я сидела вместе с Верой Балахоновой, Наташей Зелепухиной, Виктором Коробовым, Мишей Климовым, Гришей Забилой. Вера имела виды на Коробова, я — нет, и мы с ней вместе подшучивали над ним: то нальем ему в обувь одеколон, то подложим деток от кактуса.

Вскоре Полещук принял в нашу маленькую группу пожилую даму, химика по специальности, Софью Матвеевну. Мы немножко посмеивались между собой над ее старомодностью, однако она запомнилась вот чем. Все мы были молоды, называли друг друга просто по именам: Миша, Наташа, Таня. Софья Матвеевна услышала это и сказала:

— Это неправильно! Привыкайте называть друг друга по именам с отчеством! И пусть это не кажется вам смешным. Вы только представьте себе: вам исполнилось 50 лет, а какой-то молодой специалист скажет вам: «Ну-ка, Таня, сделай то-то и то-то!» Как вы себя будете чувствовать?

И мы задумались. Не сразу, но постепенно начали в разговорах на совещаниях называть друг друга именно так. Потом никто уже Таней меня не называл, правда, для быстроты называли просто Борисовной. И мне это нравилось. Спасибо, Софья Матвеевна, за урок!

Помню собрание молодых специалистов в конференц-зале с участием руководства. Тогда начальником ОКБ был Валентин Макарович Браславец. Про него ходили легенды, что он такой строгий, что и не строгий даже, а просто ужасный. Он и правда выглядел страшновато — высокий, мрачный, с косматыми бровями. Когда он входил в какой-нибудь кабинет, все цепенели. Нельзя было останавливаться в коридоре, чтобы с кем-то поболтать. Для разговора нужно было зайти в ближайший кабинет и разговаривать там. Короче, больше двух не собираться. Но все это я узнала позднее. А на том собрании я сидела сзади и все время задавала вопросы, а когда вставала, весь зал на меня оборачивался и смотрел с изумлением. Фамилию Браславца я уже слышала, но в лицо не знала. Мне кто-то отвечал из президиума — раз, другой, третий. Вот собрание закончилось, у выхода из зала мне кто-то говорит:

— Ну ты смелая! С самим Браславцем спорила!

— Как с Браславцем?

Тут ноженьки у меня и подкосились. Потом я тоже стала от него шарахаться.

Когда шла проверка техники безопасности во главе с Браславцем, это было страшно! Все всё прятали, бутылки с неизрасходованным спиртом убирали внутрь напылительных установок, чайные принадлежности складывали в ящики от приборов. Но он все равно находил что-нибудь запрещенное.

Про работу писать не хочу. Скажу одно — мне больше нравилось заниматься самодеятельностью.

Мы со Светой Шоколо, Геной Воинцевым и Любой Проскуряковой уже пели в ансамбле, нам сшили из темно-синего вельвета брюки и пиджачки, как у битлов, мы удачно выступали и даже прошли на городской смотр, но нам поставили условие — сменить костюмы: вместо брюк надеть юбки. Мы отказались и на смотр не попали. А пели мы хорошо.

Брючные костюмы тогда носили единицы. Одной из таких единиц была я — сшила в ателье брючный костюм из клетчатого драпа, но ходить в нем стеснялась, потому что в мою сторону сворачивали головы все, кто шел навстречу. А по коридору ОКБ я осмеливалась пройти только от нашего кабинета до соседнего — в это трудно сейчас поверить, теперь женщина без брюк не представляет своего гардероба!

Шушенское

В декабре 1969 года к столетию со дня рождения Ленина было принято решение: организовать лыжный агитпоход по ленинским местам в Шушенское, где Ленин отбывал ссылку. Инициатором стал заводской музей.

Собрали бригаду из девяти человек — шестеро парней и три девчонки — я, Галка и Света. Наш вокальный руководитель, комсомольский секретарь ОКБ Люба, в поход не пошла, она готовилась к конкурсу и берегла голос.

Все участники должны были быть хорошими лыжниками, а мы с Галкой таковыми не являлись. Но мы были артистами, поэтому нас взяли.

Командиром назначили Бориса Арефьева. Борис был опытным туристом, он обладал огромной физической силой, выносливостью и опытом, в чем мы не раз убеждались.

Володя Комиссаров был фотокорреспондентом. После похода мы выпустили в ОКБ огромную стенгазету с его фотографиями, а каждый участник получил весь набор снимков, за это мы все благодарны Володе, за его титанический труд.

Итак, стояла зима. Собираться опытным туристам было просто, у них амуниции хватало. Я же собирала все вещи по друзьям. Шапочку вязаную дала Люда, пуховку — Володя, спелеолог, с которым я дружила. Рюкзак тоже кто-то дал. Деньги на билеты, на продукты выделил завод. Лыжи у кого свои, у меня — с заводской лыжной базы. Простые холодные ботинки, как тогда были у всех.

Мама меня всячески отговаривала, какой из меня турист? Да еще на лыжах! Но кто кого слушал! В рюкзаке у меня был костюм вельветовый для выступлений, бигуди, что-то из одежды.

Весь наш путь был организован заводским комсомолом, везде была договоренность, кто, где встречает отряд, провожает и направляет.

Пункт назначения — Абакан, туда мы прилетели под вечер и пошли в гостиницу. Номера для нас должны были освободиться через пару часов. Оставили рюкзаки, лыжи и пошли гулять по тихому городку. Всем весело, погода отличная, градусов десять, пушистый снег. Недалеко от гостиницы была такая аллея, как у нас на Красном. Слева и справа вдоль аллеи стояли скамейки, на каждой — огромный пушистый сугроб. Мы с девчонками идем впереди, парни сзади, разговариваем, смеемся. Вдруг на нас набегают ребята, хватают каждую с одной стороны за руку и ногу, и с другой стороны так же — мы повисаем параллельно земле. И как мы ни визжали, но вырваться не удавалось. Летим, ребята бегут вперед, подбегают к скамейкам с сугробами и быстро протаскивают нас вдоль сидений так, что мы головами, лицом и всем туловищем счищаем снег! А ребята орут:

— Теперь вы у нас — нюхательные собачки!

И так нами сшибают снег со всех скамеек! Мы в снегу, все хохочут!

Нагулялись, вернулись в гостиницу мокрые, всклокоченные. Поужинали сухим пайком. А потом долго пели.

Утром пошли на рейсовый автобус до Шушенского. Обыкновенный маленький пазик, но в него садилось столько людей, что мы не верили, как с такими большими рюкзаками и лыжами сможем в него попасть. Однако влезли и даже сидели. Уже не помню, кто придумал эту шутку, но на какую-то проволочку привязали длинную узкую красную ленточку и по очереди прицепляли друг другу на спину или шапку. Вокруг начинали хохотать, человек ничего не понимал, вертел головой, не сразу, но замечал, отцеплял и ожидал, пока очередная жертва расслабится и позволит подшутить над собой. Все это беззлбно, и хохотали мы непрерывно.

Приехали в Шушенское, идем в гостиницу. Первым в дверь вошел командир и нарочно бросил свой рюкзак на пол прямо в проеме двери. Я перелезла через него, а ребята подходили и с возмущением пытались поднять и передвинуть рюкзак, но сдвинуть его с места не могли. Говорили:

— Ого! Вот это да!

А командир смотрел со стороны и посмеивался. Его рюкзак весил очень много. А когда девчонки сильно уставали, то Борис брал рюкзак у кого-то из нас и надевал его на грудь, а на спине — неподъемный свой. И шел дальше.

Вечером я была дежурной по еде. Моей задачей было разделить хлеб и сыр на девять частей — по числу людей. Я сидела в сторонке и делала на длинном куске сыра риски. Первая риска на половине куска, две вторых делили обе части еще раз пополам, получалось четыре, потом каждую часть еще раз надвое. И все время получалось четное

количество. Уже весь сыр был в зарубках, но частей все время было десять. Все занимались своими делами, укладывали вещи, распределяли продукты по рюкзакам. Никто не видел, как я мучаюсь. И тут ко мне подполз Генка и спросил, что я делаю. Все уже хотели есть. Я показала сыр с зарубками. И тут Генка мне шепчет:

— Дели на десять частей, лишнюю съедим, пока никто не видит!

Так я и сделала. Десятую часть я разрежала пополам, и каждый засунул свой кусок в рот. Только начали жевать, как раздался строгий голос командира:

— Что это вы делаете?

А мы и говорить не можем, так как рот полон сыра. Наша хитрость была замечена, и опять все хохотали.

Утром мы отправились в музей Ленина, фотографировались, Володя вел съемку, экскурсовод рассказывал про жизнь Ленина в ссылке.

Это была обязательная программа нашего агитпохода. Потом мы пошли к другому дому, где Ленин жил до приезда Крупской. Сам дом был закрыт, но перед окном на пьедестале стояла очередная статуя Ленина в полный рост с протянутой вперед рукой, причем на голове и на ладони были довольно объемистые сугробики. Забавно это было, но попробовали бы мы вслух над этим посмеяться! Снимать не стали.

В Шушенском построили такую старинную улицу, которая была в далекие времена. Для этого из окрестных деревень свозили старые дома. Там даже был кабак, на крыльце которого мы сфотографировались, изображая подвыпивших крестьян.

На окраине Шушенского наш отряд окончательно выстроился в цепочку, и поход начался. Впереди по целине шел командир, прокладывая дорогу, девочки шли в центре, замыкал цепь кто-то из ребят, они периодически менялись. Все были мастера бегать на лыжах, и без нас они бы не шли по лыжне, а неслись, несмотря на тяжелые рюкзаки. Но мы с Галкой бежать бы не смогли ни при каких обстоятельствах, даже если бы нас преследовали волки. Мы просто тупо шли, передвигая лыжи. А Света шла на лыжах наравне с ребятами.

Надо отметить, что на улице при любой минусовой температуре у меня из носа начинает выделяться жидкость. Ее нужно убирать платком. Что же происходило? Я останавливалась, при этом передние уходили вперед, а те, кто шел за мной, замедляли ход и останавливались. Итак, я втыкала палки в снег, освобождала руки из петель, снимала рукавички, доставала платочек, вытирала нос, затем все в обратном порядке — платочек прятала, рукавички надевала, вставляла руки в петли, брала палки и начинала движение. Меня никто не обгонял, так как нельзя было нарушать порядок движения. Я сделала это раз, другой, третий. Командир заметил, что цепочка лыжников прерывается и «хвост» застревает. Он рванул ко мне по снежной целине, и некоторое время шел со мной параллельно — я по лыжне, а он по снегу. Пронаблюдал всю эту процедуру и сказал:

— Так! Это надо прекратить! Делаешь вот так!

И показал следующее — не вынимая ладоней из петель, поднял руку с палкой, рукавицей зажал одну ноздрю и с резким звуком освободил половину носа, затем зажал другую ноздрю и сделал то же самое, после чего рукавицей вытер нос. И все это быстро, резко, не прекращая движения ногами и никого не задерживая. Я сказала, что нос после таких процедур покраснеет, а как потом на сцену? Он ответил, что вечером можно смазать нос кремом. Командир ушел вперед, а я с ужасом стала ждать приближения рокового момента, собираясь в точности повторить действия, так наглядно мне показанные.

В дороге мы отдохали, при этом дежурный раздавал всем по кусочку колбасы или сыра и по карамельке для поддержания сил.

У Коробова под клапаном рюкзака торчали две пары наших с Галкой валенок, в которые мы переодевались на отдыхе. Следом за Виктором ехала запасная пара лыж, привязанная к рюкзаку веревкой. К счастью, поломок в походе не случилось. Коробов называл эту пару лыж Жучкой и просил дополнительную порцию сыра и конфет — для его Жучки.

Однажды мы с Галкой устали больше, чем обычно, и спросили проезжающего на санях мужичка, в какую деревню он едет. Оказалось, что в ту же, куда шел наш отряд. Мы спросили командира: нельзя ли бросить свои рюкзаки на сани, а самим идти налегке. Но Борис сказал, что отряд разбивать нельзя и придется тащиться с рюкзаками всем вместе. Мы приуныли и продолжили идти.

Во время движения по укатанной дороге стройный порядок следования нарушался, парни позволяли себе пробежаться, где-то скатиться с горки, но все были в пределах видимости. В какой-то момент мы с Галкой вдруг увидели, что наши товарищи лихо проезжают мимо нас с гиканьем и победными криками, зацепившись лыжными палками за очередные обгоняющие нас сани! При этом все свои рюкзаки они побросали на сани! В одно мгновение товарищи нас покинули! Мы очень обиделись, шли и говорили, что так нельзя, нам не разрешили, а сами уехали... Но, конечно, это были обиды несерьезные. Вскоре мы увидели, что нам навстречу идут Гена и Володя-фотограф. И уже вместе с ними мы пришли в клуб, где нам предстояло выступить и ночевать.

Я уже писала, что наш отряд по цепочке передавали из деревни в деревню. Обычно к нашему приходу готовили место выступления, ночевку, топили клуб. А зрителей привозили прямо к концерту. Но часто клуб протопить не успевали, в помещении было видно дыхание изо рта. Зрители сидели в телогрейках, валенках, над ними белый дым. А нам надо было переодеться в наши концертные костюмы, а ребятам раздеться до маек и трусов в миниатюрах. Но искусство требует жертв!

Перед концертами Коля делал политинформацию о текущем моменте в мире, и зрители внимательно слушали. Только ребяташки бегали в пространстве между сценой и первым рядом. В то время такого засилья информации в глухих местах не было, поэтому все, что мы рассказывали и показывали, принималось на ура.

Обычно концерты вела я: объявляла номера и даже пела одна, без квартета. Прямо во время похода я решила, что могу спеть песню, которую услышала по радио, и она меня покорила.

Ох, не растет трава зимою,
Поливай — не поливай!
Ох, не вернуть любовь обратно,
Вспоминай — не вспоминай!
Любил он, забыл он,
Ко мне не идет,
Улыбок не дарит и писем не шлет.
И писем не шлет.
Уж я ли в этом виновата,
Или милый виноват,
Ох, не вернуть любовь обратно,
Не вернуть ее назад.

Вот сейчас поискала в интернете автора этих строк — Виктор Бокков. Спасибо ему!

Вышла я петь на ледяную сцену одна, без сопровождения гитары. Обхватила себя руками, чтобы хоть как-то унять дрожь, и вдруг слышу, как кто-то в зале сказал:

— Смотри, от страха трясется!

А это я от холода! Вообще в зале говорили вслух, запросто. И в конце концерта присылали записочки или просто кричали, что именно им понравилось и что повторить.

Очень смеялись над миниатюрами! Один раз зал так хохотал, глядя на ребят, что я вышла из образа ведущей и засмеялась вместе со всеми. В это время ребята показывали наш старый студенческий номер «Фонтан “Диана”». В трусах и майках ребята вставали каждый на одно колено, откидывали головы назад, брались за руки, образуя круг. В центре круга стоял Гена в майке, изображая кокетливую Диану. Все это я комментировала, стоя рядом. Потом я говорила:

— Детям до 16 лет смотреть воспрещается!

В это время Гена приспускал одну лябочку с плеча, а остальные одновременно выпускали на него изо рта струи специально припасенной воды. Это обычно вызывало восторг зрителей. Один раз кто-то из ребят поперхнулся, подавился, остальные проглотили воду, заржали, зрители тоже и я вместе с ними! И вот пара минут, все умирают со смеху — и зал, и артисты, а я просто сгибаюсь пополам от смеха!

Обычно после концерта включали музыку, в зале начинались пляски со зрителями. Обычно Галка танцевала цыганочку с выходом, ей хлопали, кто-нибудь из деревенских выходил с ней на круг — кто кого перепляшет. Все стояли кругом и хлопали. Потом женщины начинали уговаривать нашего командира, чтобы он отпустил девочек к ним ночевать — всех по разным избам. Но командир был строг — отряд не должен разбиваться.

Чаще всего мы ночевали либо на сцене, либо в каких-нибудь помещениях за сценой. Сначала ужинали, потом расстлали свои спальники,

укладывались, гасили свет, и тут начиналось какое-нибудь хулиганство. В полной темноте кто-нибудь кидал вверх и в сторону или меховую рукавицу, или толстый колючий носок — куда бог пошлет! Кому-то это попадало на лицо, начинались перебрасывания с взвизгиваниями.

Самое главное — за время похода никто ни разу не пил спиртное, никто ни с кем не поссорился.

В один из вечеров Галка почувствовала, что заболела. А наутро надо было двигаться дальше. Ребята решили ее лечить. Развели спирт, затолкали больную в спальник и велели выпить лекарство залпом. Галка кричала, что лучше она умрет, чем будет пить эту гадость, но ее просто придавили и влили зелье в рот. Она еще что-то кричала, тогда молнию на спальнике застегнули до самого конца! Она вся оказалась внутри, лица не было видно. Она еще немного побарахталась и утихла.

Утром, когда все еще спали, я подползла к ее спальнику и тихо открыла молнию. Каково же было мое удивление, когда я не увидела ее лица! Только огромная кипа черных вьющихся волос! Оказалось, что она перевернулась на живот и спала носом вниз. Но проснулась она совершенно здоровой!

Конечно, нам с Галкой было труднее всех, мы же не были спортсменами. И чаще всего мы тащились в конце процессии. И вот однажды мы договорились с ней, что в очередной поход выйдем намного раньше всех. С пристрастием расспросили ребят, в какую сторону сейчас пойдём. Дорогу нам показали. Мы вышли из клуба сразу после завтрака и пошли в указанном направлении. Идем друг за другом и не устаем хвалить себя, что сейчас нам не надо торопиться и скоро нас все догонят, они же умеют бегать на лыжах! И вот мы идем, идем, довольные собой, и не слышим, что нам уже давно что-то кричат. Наконец мы услышали крики, оглянулись и пришли в ужас. Вся наша команда двигалась по полю совершенно в другом направлении, примерно под 45 градусов к траектории нашего движения! Ну надо же так осрамиться! Опять нас разыграли! Пришлось поворачивать и догонять своих. Конечно, над нами долго хохотали.

Запомнилась деревня Ермолаево. Комсомольский секретарь этой деревни поселил нас в доме своих родителей. Они встретили нас так приветливо, будто мы были их родными детьми. Выступать на сцене клуба нам предстояло на следующий день. Хозяева накрыли стол. Там я впервые в жизни попробовала соленые арбузы и полюбила это необычное блюдо. А еще пирожки с черникой и черемухой.

Ребята спали в одной комнате, мы с Галкой на хозяйской кровати — в другой. На стене яркий простой коврик.

Потом пришел сын хозяев и сказал нам, что концерта не будет, так как почему-то (не помню сейчас почему) людей с ферм не привезли. Хозяева расстроились ужасно, они же собирались с нами на концерт! И чтобы как-то отблагодарить их за вкусную еду, за радушный прием, мы решили прямо здесь, у них дома, сделать небольшой концерт только для них. Володя обещал их сфотографировать. Помню, как хозяйка зарделась от удовольствия, полезла в сундук и достала себе и хозяину

праздничную одежду. Платье было сильно помятым, но мы уверили ее, что все прекрасно. Они чинно сели, а мы пели для них. Никогда не забуду этого.

После этого наш путь лежал в сторону Саяно-Шушенской ГЭС.

Галка запомнила название поселка — Черемушки, а вот я почему-то нет. Ей запомнилась столовая в Черемушках с интересной деревянной архитектурой. И именно там мы случайно познакомились с двумя молодыми людьми, геологами, мужем и женой по фамилии Видунок. Они увидели туристов с рюкзаками, лыжами, гитарой, подошли к нам и позвали в свой маленький дом на берегу Енисея. Он был действительно крошечным. Поэтому мы все разместились на полу на своих рюкзаках... Видунки очень соскучились по новым людям, новым песням. Поэтому они включили магнитофон на запись, а мы начали петь. И пели мы всю ночь, никто не спал, да и не до сна было. Вот так и разбегались песни по свету.

Дальше мы добрались до Майны. В поселке Майна мы зашли в книжный магазин и закупили много книг. В нашем городе в то время хорошие книги были дефицитом. Особенно много было детских книг.

Совершенно не помню, где и как мы познакомились с диктором абаканского телевидения. Но она пригласила нас выступить с рассказом о нашем агитпоходе.

По какой-то причине само выступление не состоялось, не могу вспомнить почему. Галка утверждает, что мы все были охрипшими.

Как мы добирались от Майны до Абакана, тоже в памяти не держалось. Зато хорошо помню возвращение домой на поезде. Сели мы в него вечером, а утром часов в одиннадцать должны были быть в Новосибирске.

Мы, конечно, попели в вагоне для народа, потом Володя нас всех фотографировал по очереди, усаживая напротив себя на боковой полке. Позже эти портреты украсили нашу газету.

Началась триумфальная неделя. Володя печатал фото, а мы делали газету. Сдали в музей камеру и фильм, дневник похода. Вскоре нас пригласили в музей на просмотр фильма. Боже, как мы орали и смеялись, глядя на себя на экране! Теперь уже нет в живых Коли Шабуневича, он ушел молодым, просто упал на улице и умер. Много позже умер Володя Комиссаров, он работал с СВЧ, и много ребят из этого отдела уже умерли. Умер мой муж, а тогда еще просто Витя Коробов.

Вот я пишу эти строки, разговариваю с Галкой по телефону, уточняю какие-то детали. И мы приходим к выводу, что этот поход могли совершить только совершенно безбашенные люди, которыми мы в то время являлись. Нам было 25—30 лет. Сейчас я с удивлением вспоминаю о своем решении пойти в такой лыжный поход — для меня это был подвиг.

Электричка

На нашем заводе с весны до осени все становились туристами.

К концу рабочего дня в четверг в каждой комнате ОКБ кто-то брал ручку, бумагу, составлял список тех, кто идет в поход, сочинял меню

на два дня, делал раскладку продуктов, после чего каждый знал, что он покупает и несет в своем рюкзаке. Руководители туристского движения выделяли пару ребят, которые ехали в поля-леса выбирать поляну. А в пятницу после работы надевали рюкзаки и отправлялись на вокзал.

Все знали, на какой электричке, в каком вагоне собираются туристы, и вся толпа, веселая, поющая, гомонящая, заполняла его целиком. Почему-то считалось обычным делом ехать без билетов. Контролеры проходили сквозь наш вагон, улыбаясь, и никого не проверяли. У многих гитары, всю дорогу песни. От конечной станции до выбранной поляны чаще всего нужно было идти несколько километров.

Огромная толпа туристов выстраивалась в цепочку и направлялась за ведущим в леса-поля и горы. Когда добирались до места, командующий (часто это был Вася Некипелов) первым делом направлял всех собирать хворост для костра. Сначала я возмущалась и говорила, что надо сначала ставить палатки, а потом собирать хворост, но я была совершенно не права и понимала это буквально через полчаса. Палатки можно ставить и при свете костра, а вот собирать хворост в темноте невозможно. Темнело достаточно быстро, костровые зажигали большой общий костер, от него было много света и тепла. Ужинали сухим пайком, потом садились вокруг костра и начинали петь. И длилась эта благодать долго. Я и сейчас вижу этот костер, сидящих на траве людей, плотно сомкнутый круг — плечо к плечу.

Утром народ разбивался по отделам, разводили костры, дежурные варили еду. Если это был заводской турслет, то начинались всякие соревнования. Играли в волейбол, бегали, прыгали, ставили палатки на время, переправлялись через овраги, носили «раненых». Каждый цех готовил праздничный обед из многих блюд, умудрялись приготовить что-то совсем не походное, даже блины стряпали, и это — на костре!

Потом комиссия обходила все команды. Снимали пробу, учитывалось все — посуда, приветствие, способ подачи блюд. Потом объявляли результаты. А ближе к вечеру каждый цех готовил какой-нибудь сюрприз — номер самодеятельности. Общие результаты подсчитывались, определялся победитель, который получал солидный приз: что-нибудь походное. Я однажды входила в состав такой комиссии. И помню, как победила команда, которая удивила всех: на возвышении стояла статуя, закрытая покрывалом. Комиссия участвовала в открытии «памятника»: сняли покрывало, а там на пеньке стоит парень в плавках, в руках у которого картонная раскрашенная рыба. Памятник назывался «Мальчик с простипой».

Обычно по понедельникам «уставшие, но отдохнувшие» туристы приходили на работу сонными и неразговорчивыми. В 10 часов начиналось чаепитие и «разбор полетов». Как всегда, кто-то был чем-то недоволен, вспоминая выходные на природе. То комары заели, то спали плохо, то еда была не очень, то судили несправедливо, то проиграли в соревнованиях, то рюкзак был слишком тяжелый. И следовали выводы — больше в поход не пойду (не пойдем), а просидим в городе, сходим в кино, выспимся, наконец.

Но все эти разговоры — только по понедельникам. Остальные дни недели про турслеты не говорили вообще! Как будто их не было никогда и нигде!

Далее смотри начало главы: «К концу рабочего дня в четверг в каждой комнате кто-то брал ручку, бумагу...» И так все лето, с весны до поздней осени!

Я хорошо помню, как 9 мая мы возвращались с поляны очередного турслета, посвященного на сей раз Дню Победы. Накануне было тепло, настоящая весна! Шли через лес по высокой траве до пояса, стараясь не топтать огоньки, которые почти сплошным ковром ярко горели среди свежей зелени. А с неба на нас и это оранжевое чудо медленно опускались крупные снежинки. Так и запечатлелось в памяти — зелень травы, оранжевые огоньки и белые снежинки-бабочки... Такое сочетание могло быть только в нашей Сибири.

Мой выход

Утром проходишь через проходную завода, а из репродукторов над всей территорией звучат бодрые песни советских композиторов. И под эти веселые звуки доходишь до своего корпуса. Ровно в 8 музыка прекращалась, начиналась работа. Народ посмеивался, потому что каждое утро повторялись одни и те же песни.

Еще одним из предметов наших насмешек был такой факт: в рабочее время два раза в день в корпусе раздавался звонок на десятиминутный перерыв, во время которого можно было легально попить чаю и перекусить. В это время в комнате часто появлялась уборщица со шваброй. Но люди сидели и пили чай, приходилось же бросать чаепитие и выходить в коридор. И каждый раз все думали — удастся ли попить чай без уборщицы?

И вот на одном из выступлений команды ОКБ во время очередного просмотра художественной самодеятельности мы никак не могли придумать, как нам соединить номера. И я предложила идею — пустить одну из тех песен, которая набила оскомину, и связать это с маневрами уборщиц. На меня надели темно-синий халат, я взяла швабру с тряпкой. Номер закончился, зазвучала надоевшая всем песня, и я вышла из одной кулисы правым боком к залу, двигаясь спиной к другой кулисе. При этом я энергично двигала шваброй в такт музыке, акцентируя движением ударные моменты в песне. Раздался хохот в зале. Я невозмутимо отступала к противоположной кулисе. Связка получилась, и, как оказалось, очень смешно!

А что я действительно когда-то буду работать уборщицей, никто не мог и подумать...

Алма-Ата

Профсоюз ОКБ часто выделял нам путевки выходного дня в разные города. Так мой муж попал в Ереван, в Прибалтику, а я побывала в Алма-Ате. Летели в самолете, была зима, холодно. Заселились в гостиницу,

потом экскурсии: по городу, на известный каток Медео, прокатились по канатной дороге.

В центре города стоит памятник Абаю, про него рассказывали, что наши альпинисты, возвращаясь с гор, всегда после банкетов залезали на Абая и надевали ему на голову тазик. К этому уже привыкли, утром тазик привычно снимали милиционеры.

Вечером собрались в гостинице у кого-то в номере, хотели посидеть и попеть. Но тут Ольга, наш комсомольский лидер, стала тащить всех в ресторан. Я не хотела идти, так как была в теплом свитере, для ресторана одежда была явно не подходящей. Но она меня сильно уговаривала, да и все ребята кричали, что как же петь без меня. Ну, пришлось идти.

Помню огромный зал с таким высоким потолком, что дух захватывало. Сели за стол, народ танцевал под живой оркестр. Когда оркестранты отдыхали, начинали петь мы. Но вот оркестр закончил свою работу, попрощался и покинул сцену. Тут настало наше время. Мы продолжали петь, а народ стал танцевать. Когда песня закачивалась, нам аплодировали и рассаживались, но не расходились.

В это время начинала завоевывать популярность песня Анны Герман «Один раз в год сады цветут». Мы уже знали мелодию и слова припева, но всех слов не знали. Запели первый куплет, люди начали танцевать, а мы снова начали повторять первый куплет. Я сидела спиной к залу. И вдруг кто-то подошел сзади — вижу руку, которая кладет прямо передо мной лист бумаги, а на ней — полный текст этой песни, только что написанный от руки! Первый куплет как раз заканчивался, и я автоматически начала петь второй куплет. Все подхватили! Мы спели всю песню — танцевал весь ресторан! Когда мы закончили, начали аплодировать и кричать «бис!» и «браво!». Почему-то это так запомнилось — какое-то единение поющих за столом друзей и танцующего зала...

Призма

В Питере мне довелось побывать два раза. И оба — командировки в ЛОМО. Первый раз я летала туда за призмой для ИКС-14. Она вышла из строя, мы написали письмо-заказ на получение новой. Пришел ответ, что можно приезжать, но жильем не обеспечат. В Питере в это время жила моя подруга Клара, которая училась в аспирантуре Политехнического института. Она и обещала меня приютить. Правда, чужих в общежитие аспирантов не селили, но она говорила, что сможет уломать вахтершу.

В ЛОМО мне выписали пропуск, за мной пришел провожатый по территории, и мы пошли в нужный корпус. Там — переодевание в белые халаты, тапочки, идем по этажу с оптическими лабораториями. В коридоре — стеклянные стены, между комнатами тоже прозрачные перегородки. Всё и всех видно, никуда не спрятаться. Меня привели в комнату к начальнику. Он посмотрел мои документы и говорит:

- А где ваша доверенность?
- Какая доверенность?
- На получение оптики.

— У меня ее нет!

— Без доверенности ничего не выдадим!

Я помчалась на переговорный пункт, позвонила в ОКБ и рассказала про доверенность. Начальник меня пожурил, что не взяла ее сразу, но я же понятия не имела, что она нужна. В общем, доверенность я получила телеграфом на следующий день.

И вот опять иду по знакомым коридорам. Захожу в нужный отсек. Встречает меня женщина средних лет, смотрит письмо ЛОМО, в котором черным по белому написано, что призма из хлористого натрия для Новосибирска готова, приезжайте, ждем-с! Однако говорит она мне, мило улыбаясь: призмы нет! При этом открывает по очереди несколько эксикаторов (такие круглые матовые емкости с притертыми крышками, в которых хранят соляную оптику):

— Вот это — призма для Саратова, эта — для Иркутска! А для вас ничего нет!

Я в шоке! Как нет? А что мне делать? Ждать? Но я же в командировке! Я уйду в тоске — что делать? Все улыбаются и ничего не объясняют. Приезжаю к Кларе, рассказываю ей про эту дурацкую ситуацию, а она мне говорит:

— Надо дать ей взятку!

— Как взятку? Это же не мне лично, а для предприятия! Они же сами обещали, что все готово и можно приехать!

— Ты не понимаешь! Здесь так принято! Надо ей дать хотя бы шоколадку!

Я все никак не могу с этим согласиться, мы спорим, Клара меня убеждает, так как она уже пожила в столичном городе и знает, что так везде — и в кафе, и в парикмахерских, да и в ЛОМО то же самое!

— Но я не умею! Как это — дать взятку?

— А вот так! Мило улыбнешься и дашь!

— Но там все стены стеклянные, увидят! И как я туда протащу шоколадку? Это же вакуумная гигиена! Все личные вещи остаются в кабинках в раздевалке!

— Придумай как!

В понедельник я купила большую шоколадку и три огромные ромашки, в диаметре — с кофейное блюдце. Видела такие в первый раз. Надо было придумать, как протащить их внутрь. Но я смогла это сделать, мы и у себя на работе протаскивали под халатами все то, что не разрешалось.

Когда я вошла в комнату с призмами, та женщина по-прежнему улыбалась мне, но отрицательно качала головой на мой немой вопрос. Призмы для меня не было! Тогда я встала так, чтобы заслонить ее от посторонних глаз, вынула из-под халата ромашки, положила их на стол и накрыла салфеткой. Она расширила глаза от удивления, а я вынула шоколад и положила на край стола со словами:

— Это вам!

Она моментально накрыла шоколад ладонью и быстро опустила его в карман своего халата, одновременно говоря:

— Ой, ну что вы, что вы!

Все произошло очень быстро, мгновенно! После этого ее лицо осветилось лучезарной улыбкой, она подвела меня к тому эксикатору, в котором, по ее словам, лежала призма для Иркутска, открыла его и сказала:

— За ней еще не приехали, поэтому я отдаю ее вам!

Вот так я получила нужную мне призму.

Но мне еще были нужны силитовые стержни — это источники излучения для моего прибора. Они из кремния, маленькие, похожие на карандаши. Мне нужно было идти в другое здание — склад. Вышла на территорию завода и изумилась. Она была огромной! Идти надо очень далеко. Но вдруг увидела трамвай, который шел прямо на меня. Я была удивлена, надо же — трамвай на территории завода! Но оказалось, что на нем можно подъехать ближе к нужному мне складу, что я и сделала.

Клара меня проводила и уехала. А я застряла в Пулково на сутки — рейсы отменили, пришлось ночевать прямо в кресле большого зала. Контейнер с призмой никуда не влезал, в камеру хранения сдать его побоялась, пришлось носить с собой. Я дала телеграмму в ОКБ о задержке. Мне удалось убедить работников аэропорта, что металлический серый контейнер открывать нельзя и что это — не бомба. Тогда еще не было такой тотальной проверки в аэропортах.

Москва. Новодевичье и Ваганьковское

Не помню точно год, но первый раз на Новодевичьем кладбище я была совсем еще молодой, незамужней, со мной никого не было, никто не мешал. Я с юности хотела сюда попасть и найти могилы тех людей, которые меня поразили: Зои Космодемьянской, например. Книгу о Зое и Шуре я перечитывала многократно.

В то время вход на кладбище был свободный. Где расположена могила Зои, я не знала, поэтому стала прочесывать ряды, начиная с правой стороны. Неожиданно для себя наткнулась на стелу из белого мрамора на могиле Надежды Аллилуевой. Я вспомнила, что отец рассказывал про этот памятник, он говорил, что верх стелы украшала изящная аккуратная головка. Но ее не было, могу поклясться!

Потом я увидела плиту на могиле Дмитрия Ульянова, Марии Андреевой, могилу Маяковского, Собинова. Удивило огромное количество давних захоронений маленьких детей. Я шла и шла, а могилы Зои все не было. На кладбище пусто. Но вдруг я увидела пожилую женщину, которая подметала листья на старой могиле. К ней я и обратилась с вопросом: как мне найти могилу Зои Космодемьянской? Услышав мой вопрос, она разогнулась, опустила веник и посмотрела на меня с таким сожалением и даже пренебрежением, что я опешила. Долго молчала, глядя на меня, потом показала направление. Я пошла, ощущая на себе ее осуждающий взгляд. До сих пор не знаю, почему она так смотрела.

Ну вот она, Зоя, а рядом, через дорожку, Шура, все, как написано в книжке. Детская мечта сбылась.

Сейчас смотрела в интернете могилы знаменитостей на Новодевичьем и ужасалась! Могилы просто друг на друге! Негде ступить! И везде фигуры в полный рост, в разных позах. И все это напоказ, как у цыган. Мне кажется, что достаточно хорошей фотографии, профиля на камне, какого-то выразительного символа...

Закончить книгу...

Никак не поставлю последнюю точку:
мне кажется — главное я не сказала.
Пока по страницам брела в одиночку,
мой поезд с родными ушел от вокзала.
Остались в альбомах семейные снимки,
прикрытые тонким сиреневым флёром,
игрушки на елке, смешные картинки
и пение птиц громче всех разговоров.
И можно еще вспоминать бесконечно,
как дети выросли и дом покидали,
но время торопит и память не вечна...
Начать бы сначала... Успею? Едва ли...

Алексей КОЛОБРОДОВ

ЮРИЙ БОНДАРЕВ: НАКАНУНЕ СТОЛЕТИЯ

Писатель Юрий Бондарев, ушедший в 2020-м в возрасте 96 лет, накануне столетнего юбилея вновь сделался чрезвычайно актуален. Страна нуждается в сильных идеях и людях, мобилизующем художественном творчестве; естественно, востребован соответствующий опыт великой войны — от песенной военной поэзии до «лейтенантской прозы», одним из лидеров которой был Юрий Васильевич.

Напомним, однако, что у «лейтенантской прозы» своя и особенная хронология: первые ее незаурядные образцы увидели свет в конце 1950-х — начале и середине 1960-х; после окончания Великой Отечественной прошло от дюжины («Батальоны просят огня» Юрия Бондарева и «Южнее главного удара» Григория Бакланова, 1957) до двух десятков лет («На войне как на войне» Виктора Курочкина, 1965). Проза о войне, войне как главном событии в жизни — это, помимо прочего, еще сюжет поколения — его творческого взросления и осмысляющего вызревания. Для подобных процессов необходим общественный и художественный фундамент, эмоциональный и мировоззренческий, созданный либо на войне, либо сразу после нее. «Лейтенанты» имели в бэкграунде весь корпус аутентичной публицистики и прозы, прежде всего Михаила Шолохова (главы «Они сражались за Родину» печатались в «Правде» уже в 1943 году). Великолепная песенная поэзия Великой Отечественной — явление феноменальное и беспрецедентное — дала нерв и интонацию всему направлению.

Вот любопытный пример взаимовлияния военных текстов: фамилия Деев (т. е. «божественный», скорее всего — священнического происхождения; впрочем, был в России и княжеский род Деевых, угасший в XVIII веке) привлекла ведущих писателей-баталистов.

Артиллерийский майор Деев — один из главных героев маленькой поэмы Константина Симонова «Сын артиллериста» (1941), вынужденный отправить на смертельно опасное боевое задание приемного сына-лейтенанта. Поэму очень любили наши мамы и бабушки, знали наизусть.

У Юрия Бондарева в романе «Горячий снег» герои-артиллеристы воюют в дивизии полковника Деева — именно на нее обрушивается

бронированный кулак танков Манштейна, прорывающихся к окруженному в Сталинграде Паулюсу.

И снова «лейтенантская проза»: Виктор Курочкин и его замечательная повесть «На войне как на войне». В ней фигурирует Герой Советского Союза полковник Дей, «самый боевой командир в корпусе», который «не щадит ни себя, ни своих солдат».

Но, пожалуй, главным предтечей «оттепельной» баталистики был Виктор Некрасов (повесть «В окопах Сталинграда», первая публикация 1946 года, журнал «Знамя», сам автор предпочитал называть ее «Сталинград»).

Повесть, из которой вышла «лейтенантская проза», — вещь, интересная не одной окопной правдой. Иосиф Сталин наградил повесть премией своего имени в обход союзписательского выдвижения, всего тогдашнего порядка вещей. Возможно, как читатель-профессионал, он рассмотрел в ней не только нижний, солдатский слой, но и верхний, о метафизике войны, государства и создания монолита нации, эдакого непрерывного «сверх». Поскольку «В окопах Сталинграда» — книга о том, как жесточайшая война из обычных людей создает сверхчеловеков, виртуозов боевой работы, адептов державного стоицизма, которые, выжив, сделаются строителями сверхгосударства. Этот пафос и станет принципиальным для всей «лейтенантской прозы».

Захар Прилепин в предисловии к сборнику воспоминаний участников СВО «Жизнь за други своя» говорит:

Соревноваться с той литературой, в сущности, почти невозможно: ее профессиональный уровень — запредельный. Они все умели делать: и сюжет, и фабулу, и образ, и метафору, и завязку, и кульминацию. Галереи героев вырисовывали до мельчайших деталей: каждого запомнишь, как родного. И природу умели изобразить, и любовь. И баталии описать. Да так, что по Александру Беку по сей день военное дело в академиях изучают, а на повестях Юрия Бондарева будущие артиллеристы вполне могут письменную практику проходить.

Однако было ведь и что-то еще, помимо лично пережитого и приобретенного. Я бы сказал об общественном климате: когда индивидуальный опыт каждого имеет все возможности прорасти в национальный миф.

Это особенно заметно на примере Юрия Бондарева. Известный историк кино Михаил Трофименков пишет в некрологе:

...Он оставался в глубине души демобилизованным по ранениям капитаном с двумя медалями «За отвагу» на груди. Чудом выжившим смертником — командиром минометного расчета, затем — артиллерийской батареей, останавливавшим немецкие танки, рвавшиеся на выручку к Паулюсу, форсировавшим Днепр, бравшим Киев.

Про боевой путь и штатскую жизнь — все верно, тем не менее «демобилизованный капитан с двумя медалями «За отвагу» на груди» — красивый миф, зрительный образ, но для фронтовой реальности — оксюморон. Поскольку тут либо одно, либо другое — или офицерские погоны, или, по слову самого же Бондарева, «ценнейшая солдатская медаль “За отвагу”».

Кстати, коллеги Бондарева по «лейтенантской прозе» имели, как писал Александр Солженицын, «малый джентльменский набор» орденов за войну; Виктор Курочкин — Отечественной войны II степени и Красной Звезды, Григорий Бакланов — Красной Звезды, аналогично — у Василя Быкова.

А вот у Юрия Бондарева две солдатские медали «За отвагу». Смотрим формулировки в наградных документах:

1. От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю медалью «За отвагу»

Командира орудия 76 мм пушек гвардии сержанта Бондарева Юрия Васильевича за то, что он в боях районе села Боромля Сумской области с 13 по 17 августа, следуя в боевых порядках нашей пехоты, метким огнём своего орудия уничтожил три огневых точки, одну автомашину, одну противотанковую пушку и 20 солдат и офицеров противника.

1924 года рождения, член ВЛКСМ с 1942 года, русский, призван в РККА Актюбинским городским военным комиссариатом.

2. От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю медалью «За отвагу»

Командира орудия 4-й батареи — гвардии старшего сержанта Бондарева Юрия Васильевича за то, что 30 марта 1944 года противник, стремясь вернуть г. Каменец-Подольск, перешёл в контратаку при поддержке танков. Товарищ Бондарев встретил немецкие танки и пехоту огнём своего орудия с открытой ОП [огневой позиции]. Один танк был подбит и пехота рассеяна. Контратака противника была отбита.

Итак, награды у Юрия Васильевича именно и отменно солдатские — две медали «За отвагу», орденов премногих тяжелей, если перефразировать Афанасия Фета.

Таким образом, выходит, что Юрий Бондарев, основоположник «лейтенантской прозы», самые славные и главные свои военные годы лейтенантом и вообще офицером не был? Здесь парадокс, который способен нам объяснить многие сюжеты на стыке биографии писателя и его прозы.

Именно этот момент во фронтовой биографии Бондарева весьма загадочен — отчего он, москвич, окончивший десятилетку (по тем временам очень высокий уровень образования), выпускается из 2-го Бердичевского пехотного училища, эвакуированного в Актюбинск, и отправляется на фронт под Сталинград не офицером, а сержантом? Возможно, дело тут именно в Сталинграде, то есть в ускоренном курсе обучения, вызванном критическим положением на фронтах? Но, судя по всему, Бондарев был призван в училище сразу по окончании школы, не позднее июня 1942 года, на фронт отправлен в октябре, а в тот тяжелейший год 4-месячный курс мог считаться ускоренным, но едва ли становился основанием лишать курсантов офицерских званий, а подразделения — командного состава. Видимо, случай Бондарева — сугубо частный.

И тут нам, как всегда, приходит на помощь литература — роман «Горячий снег», посвященный тому самому эпизоду Сталинградской битвы, где Юрий Васильевич получил боевое крещение, ранение,

обморожение и медаль «За оборону Сталинграда». Уже на первых страницах появляется яркая фигура старшего сержанта Уханова, командира орудия во взводе лейтенанта Кузнецова.

— Не понимаю, Уханов, почему тебе не присвоили звания? — сказал несколько задетый его насмешливым тоном Кузнецов. — Может, объяснишь?

Со старшим сержантом Ухановым он вместе заканчивал военное артиллерийское училище, но в силу непонятных причин Уханова не допустили к экзаменам, и он прибыл в полк в звании старшего сержанта, зачислен был в первый взвод командиром орудия, что чрезвычайно стесняло Кузнецова.

В дальнейшем Уханов с усмешечкой рассказывает свою историю — и в ней и впрямь больше смешного, чем криминального, — банальная самоволка, из которой вернулся в училище через окошко казарменного сортира, да и увидел в оном начальника в непотребном и юмористическом виде. Однако по мере разворачивания романа этот «скверный анекдот» становится как бы излишним — Уханов проявляет себя честным и умелым тружеником войны (его орудие — единственное уцелевшее во взводе Кузнецова и батарее Дроздовского). На фоне главного в настоящем суэта и заусеницы прошлого стираются дочиста. Прием, распространенный в военных вещах Юрия Бондарева, в нем много от христианского мироощущения: когда война становится аналогом крещения во избавление от прежних грехов.

Тем не менее следует ли понимать этого персонажа в качестве бондаревского протагониста? Нам также известно, что до войны Уханов служил в уголовном розыске, а что мы знаем о довоенной юности Бондарева?

Из интервью пожилого уже писателя с Сергеем Шаргуновым:

С. Ш.: Вы жили в Замоскворечье... Что самое яркое там запомнилось?

Ю. Б.: Это были неповторимые и беспримерные времена. Двор был — одна семья. Почти все ночью выносили кровати и спали под столетними липами. Старшие рассказывали о Гражданской войне... Я во дворе поставил турник, делал солнышко... У меня был второй разряд по гимнастике. Скажу без ложной скромности, что считался самым сильным и храбрым во дворе. Может быть, на меня повлиял Джек Лондон, я любил и до сих пор люблю его безоглядно отважных мужественных героев.

В Замоскворечье, где прошло мое детство, я полюбил голубей. И там, в Замоскворечье, были сплошные голубятни. У меня были все породы голубей!

Какую-то связь между автором и героем здесь можно установить голубиной почтой, поскольку голуби в довоенной и послевоенной Москве — бизнес отчасти криминальный и где-то краями соприкасается с ухановским уголовным розыском. (Отметим также: генерал Бессонов — один из главных героев «Горячего снега» — вспоминает, как в той, прошлой жизни, выпорол сына-подростка за украденные из сумочки матери деньги, спущенные именно «на голубей».)

То есть Бондарев не занимается игрой в прототипы, но подбрасывает ключи, в том числе и к собственной фронтовой биографии. Сам

по себе набор из двора в Замоскворечье, гимнастики, голубятен густо намекает на известную независимость характера и поведения, которая могла привести к такому вот результату: офицерское звание младшего лейтенанта Бондарев получил уже после войны. Когда окончил Чкаловское артиллерийское училище, куда был направлен в октябре 1944 г. В декабре 1945 г. его демобилизуют по ранениям, на следующий год он поступает в Литературный институт.

Пройти всю войну солдатом, чтобы прийти офицером в русскую литературу. Красиво и символично.

Отметим, что в главных военных вещах Юрия Васильевича — «Батальоны просят огня» и «Горячем снеге» — определенно заметен солдатский, несколько отчужденный, взгляд на младшее офицерство. (Прием этот не магистральный, он как бы вплетен в многожильный провод бондаревской психологической полифонии.) Диапазон тут довольно широк:

— от иронии с лирическими и трагическими обертонами — лейтенант Прошин в «Батальонах» романтически представляет собственную гибель, а гибнет всерьез и навсегда:

Прошин не раздумал, что на войне его не убьют, но если уж суждено умереть, то он не погибнет случайно, сраженный шальной пулей. Нет, он доползет под огнем до разбитого орудия, обнимет ствол, поцелует его еще живыми губами, прижмется к нему щекой и умрет, как должен умереть офицер-артиллерист. Его понесут от орудия к могиле на плащ-палатке, и он почувствует, что солдаты скорбно смотрят на его молодое и после смерти прекрасное своей мужественностью лицо, и будут плакать, и жалеть, и восхищаться героической его смертью. Потом прозвучит залп на могиле, и клятвы мстить, и последние слезы по любимому всеми лейтенанту, которого никто никогда не забудет, а капитан Ермаков, этот грубый солдафон, горько пожалеет, что был несправедлив и не полюбил его.

— до четко артикулированной неприязни, которую вызывает у автора «Горячего снега» службист и наполеончик — командир батареи лейтенант Дроздовский, стремительно линияющий в последующих страшных боях.

(Тут снова значимая фамилия и оставленные Бондаревым ключи, сродни постмодернистским. Генерал Бессонов вспоминает, и подчас мучительно, откуда ему памятна эта фамилия? Бессонов, несомненно, воевал в Гражданскую войну, заметной фигурой которой был генерал-майор Михаил Гордеевич Дроздовский, представитель военной династии, икона Белого движения, один из немногих последовательных монархистов в Добровольческой армии; на мелодию «Марша дроздовцев» были написаны слова раннесоветского походного хита «По долинам и по взгорьям».)

Можно отметить этот своеобразный комплекс и в литературной жизни — прошедший войну солдатом, Юрий Бондарев стал многолетним писательским генералом и носил эти эполеты не без удовольствия. Он даже ухитрился в реку литературного генеральства войти

дважды — секретарь и председатель правления Союза писателей России (1971—1994), а затем стал председателем Международного сообщества писательских союзов — организации, без особого успеха в новые времена пытавшейся удержать остатки писательского имущества времен Союза.

* * *

Юрий Бондарев первым из своей генерации, после «Батальонов» и «Последних залпов» — «лейтенантская проза» еще только оформляется в перспективное направление, — решается преодолеть инерцию чистой баталистики, замахнуться на Льва нашего Николаевича (большинство русских писателей XX века будут отнесены к толстовскому корню, но Бондарев — среди первых), в рамках многослойной эпопеи не только с войной, но и миром — в обоих смыслах.

Я веду речь о своеобразной дилогии Бондарева из романов «Тишина» (1962) и «Двое» (1964), объединенных не столько персонажами и общим мерцающим сюжетом их судеб, сколько историко-эмоциональным антуражем — напряженной, сгущенной атмосферой послевоенной жизни. И здесь надо говорить в первую очередь об экзистенциальном переживании; когда стирается граница между реальным и сновидческим, и это становится сильной метафорой очередных «страшных лет России». Приобретенное мастерство баталиста, динамика и рельеф письма Юрию Васильевичу очень помогли:

Выбиваясь из сил, он бежал посреди лунной мостовой мимо зияющих подъездов, мимо разбитых фонарей, поваленных заборов. Он видел: черные, лохматые, как пауки, самолеты с хищно вытянутыми лапами беззвучно кружили над ним, широкими тенями проплывали меж заводских труб, снижаясь над ущельем улицы. Он ясно видел, что это были не самолеты, а угрюмые гигантские пауки, но в то же время это были самолеты, и они сверху выследили его, одного среди развалин погибшего города.

«Тишина», которую мы процитировали, более известна. Возможно, по причине экранизации Владимира Басова 1964 года (там впервые прозвучал песенный шедевр «На безымянной высоте»). Что касается романа «Двое» — по моему ощущению, зрелый Бондарев его несколько конфузился (глагол не точен, но не очень понимаю, какой здесь может быть точнее). Ситуация очевидна из библиографии: в первом собрании сочинений Бондарева (4-томник, «Молодая гвардия», 1973—1974) «Двое» отсутствуют. В советском 6-томнике (ИХЛ, 1984—1986) и постсоветском 8-томнике («Голос», 1993—1996) — тоже, и только в последнем прижизненном 6-томнике («Книгобек», 2013) роман «Двое» реабилитирован и восстановлен в правах.

В чем здесь даже, кажется, не причина, а проблема? Явно не в качестве — Бондарев из тех писателей, кто, согласно Пастернаку, не отличает поражения от победы. «Двое» — вещь, при всем своем атмосферном экспрессионизме, лаконичная, точная, почти избежавшая традиционных у Бондарева мелкой описательности и стилистической рыхлости;

в конце концов, финальные страницы «Двоих» — лучшее, пожалуй, в русской литературе отражение похорон Сталина (прошу прощения за объемную цитату, она того стоит):

Людской вал неистовым напором вырывался к проходу, наваливался сзади на машины, на Константина. А он, напрягая мускулы спины, рук, опершись в железную дверцу грузовика, старался удержать всем своим телом натиск толпы, охранить этот уголок подножки с Асей. И видел лишь ее огромные, молящие глаза, раскрытые на половину лица от боли. Он уже не слышал крики и гул толпы, темными кругами шло в голове. «Сколько так будет — секунда? Минута? — туманно мелькнуло в его сознании. — День? Год? Всю жизнь? Я не выдержу так пяти минут... Я не чувствую рук. Что же делать? Что же делать? Я ничего не могу сделать! Неужели я не могу!.. Вот легче, стало легче...» Сквозь пот, разъедающий глаза, он вдруг заметил под ногами цепляющиеся красные пальчики, они поползли из-под машины, и, как из серого тумана, поднялось грязное, дурное лицо девочки — она захлебывалась слезами, высовывая голову из-под машины, и, царапая пальцем по рубчатой резине колеса, позвала тоненьким, комариным голосом:

— Мама... Мамочка... Я хочу к маме... Я хочу домой...

Константин увидел ее в тот момент, когда толпа, оттиснутая цепью милиционеров, качнулась назад. Он оглянулся. Знал — сейчас толпа, напираемая сзади, снова качнется вперед, забьет трещину, в нее ринутся что-то оружие милиционерам, лезущие сбоку и из-за спины парни с ничего не видящими сизыми лицами...

— Под машину... Под машину, Ася! С девочкой... Под машину! Он улавливал воющий, нечеловеческий крик, и как будто в зрачки ему лезло лицо женщины с развалившимися на два крыла черными волосами, ее раздирающий вопль:

— Сам ушел и детей моих унес! А-а!.. И голоса сквозь звон в ушах:

— Товарищи! Товарищи! Назад! Мы не пойдем! Милиция! Остановите!

— Людей... что сделали с людьми?

— Кто виноват? Кто виноват? Кто виноват во всем?

И еще голос: — Стойте! Стойте!.. Потом все исчезло, и пустота понесла его. Он хрипел в эту пустоту: — Ася... Ася... Под машину! Под машину!..

Полагаю, зрелого Бондарева смущал в романе «Двое» очевидный антисталинский пафос — после 1960-х его отношение к Иосифу Сталину менялось и эволюционировало (что заметно по сюжетной линии генерала Бессонова в «Горячем снеге», и я имею в виду не только знаменитую сцену аудиенции с Верховным). Тем не менее тогдашняя светлоликая общественность явно скакала впереди паровоза, объявляя Бондарева упоротым сталинистом. Упомянутый историк кино Михаил Трофименков говорит о данной коллизии в связи с выходом знаменитой киноэпопеи «Освобождение», где Юрий Васильевич был одним из сценаристов:

Насколько была — уже тогда — сбита либеральная оптика, демонстрирует восприятие «прогрессистами» «Освобождения» Юрия Озерова, величайшей военной эпопеи: лучше в этом жанре ничего не было и уже не будет снято в целом мире. В общественно-политическом смысле она была знаменательна тем, что после пятнадцатилетнего запрета на упоминание Сталина как Верховного главнокомандующего он вернулся на экран во всем

своем страшном величии — вопреки сопротивлению цензуры и антисталинского лобби во главе едва ли не с самим Михаилом Сусловым. И тут же родился миф: это все Бондарев, Бондарев, это он, сталинист, сложил гимн своему кумиру. Между тем почерк Бондарева невозможно было не узнать в окопных, а не в кремлевских эпизодах фильма. За образ Сталина в «Освобождении» отвечал бондаревский соавтор Оскар Курганов, но его либералы ничем не попрекали.

Здесь возникает сюжет, внешне укладывающийся в литературную ситуацию ранних 1960-х, но по историко-социальным параметрам многократно ее превосходящий — виртуальное соперничество Юрия Бондарева и Александра Солженицына. Известный литературный критик Виктор Топоров в 1998 году в статье «Когда тайное становится... скучным» задался вопросом, имея в виду, разумеется, контекст не только литературный: а что, если бы в 1963-м Солженицыну дали бы за «Ивана Денисовича» Ленинскую премию, а Юрия Бондарева тогда же «притравили» за «Тишину» и роман «Двое», сделав фактически оппозиционным автором? Кто бы из них оказался в Вермонте, издевательски продолжает Топоров, а кто в особняке на Комсомольском проспекте? Виктор Леонидович отлично понимал, что ответ будет вовсе не линеен и прост; во всяком случае, зеркальной смены функционалов точно не предвиделось бы... Если Александра Исаевича можно себе представить советским литературным генералом, на трибуне, в орденах и лауреатских звездах (что с некоторыми поправками на смену времен и нравов и произошло — после 1994 года), то вот Бондарева в солженицыных представить совершенно невозможно.

Топоров тогда с характерным для его литературного поколения пиететом перед Солженицыным сделал оговорку, предложив Бондареву в пару фигуру, как казалось Виктору Леонидовичу, более соразмерную — Виктора Некрасова. Но эту лестную для Солженицына конструкцию разрушил сам Александр Исаевич: вернувшись в Россию, старец взревновал авторов «лейтенантской прозы» и к войне, и к литературе и решил заменить собой все направление, опубликовав несколько военных текстов (прежде всего «Адлиг Швенкиттен», «Желябутские Выселки», «На краях»).

Так вот, сделаны они совершенно вторично, слабо, тускло, с ненужным историософским пережимом, с фальшивым надрывом и неестественными диалогами, по которым, как в детской хрестоматии, расставлены правильные ударения; не верится, будто автор этих написанных в 1990-е повестей создал хотя бы «Случай на станции Кречетовка», не говоря об «Иване Денисовиче». Тем не менее ключевая проблема даже не в амортизации литературного дара, а в том, насколько война и фронт — совершенно умозрительны для автора, не надо быть опытным читателем, чтобы понять: его там не было, и пишет он, в лучшем случае, «по источникам». И не то, чтобы заменить, но даже приблизиться к прозе «лейтенантов» у Солженицына не получится — как минимум по причине невозможности в его текстах эффекта присутствия, принципиального для их военной литературы.

Фронтovou биографию Солженицына подробно исследовал литературный критик Владимир Бушин, издевательски писавший о командире «беспушечной батареи» (она называлась «батарея звуковой разведки»), действовавшей, как правило, далеко от линий боевого соприкосновения. Александр Исаевич в военных повестях парадоксальным образом подтвердил тезисы Владимира Сергеевича.

* * *

И если уж речь зашла о Бушине. Однокашник по знаменитому послевоенному курсу Литературного института, приятель, а в последние для обоих годы (ушли с разницей в три месяца) — оппонент Юрия Бондарева, в эти самые годы и как бы впроброс сказал, что Бондарев, по сути, автор одной книги — «Горячий снег».

Сказано было в полемике, с явной целью — обидеть визави, но определенная логика в резком утверждении Владимира Сергеевича есть, если оговориться, что «Горячий снег» — не единственная настоящая литература в обширном корпусе Бондарева, но самая совершенная вещь среди им созданных.

Между романами «Батальоны просят огня» и «Горячий снег» — те же двенадцать лет, в историческом смысле вместившие в себя всю оттепель, от XX съезда до танков, идущих по Праге.

«Батальоны», кстати, дважды удачно экранизированные (фабула повести стала основой для второго, 1969 года, фильма «Прорыв» эпопеи «Освобождение»; в 1985-м, к юбилею Победы, режиссерами Владимиром Чеботаревым и Александром Боголюбовым был снят телевизионный сериал), открывают «лейтенантскую прозу», «Горячий снег» ее в известном смысле закрывает — поскольку Юрий Васильевич выражает уже не поколенческий, а общенародный взгляд на войну, аргументирует не только окопную, «лейтенантскую», но и генеральскую правоту, которая вовсе не очевидна была для него в «Батальонах» (Бессонов: «Ни шагу назад! Стоять — и о смерти забыть! Не думать о ней ни при каких обстоятельствах!»); подробная физика боя сменяется метафизикой, когда Бондарев как будто работает сразу на нескольких планетарных уровнях: боевая работа, начинаясь как свирепый спорт выживания, возвышается до мировой страды, через вовлечение в солдатский труд светил, стихий, таинств (и при этом ни малейшего символизма). Черное, белое, красное — цвета Армагеддона; страшноватое соединение тайны и мощи, «Горячий снег» можно сравнить с идеально подогнанным и уверенно запущенным сложнейшим механизмом.

После такой вещи неизбежно писательское выгорание — и в плане темы, и относительно метода. Куда должен был двинуться Бондарев? Дальше художественно оформлять десять сталинских ударов, поскольку есть уже Сталинград, форсирование Днепра, освобождение Польши («Последние залпы»)? Окончательно переместиться из «лейтенантской прозы» в генеральскую? Дать двойной сравнительный портрет Сталина и Власова (а темная сторона войны, ее диалектика — коллаборационизм,

предательство, недоеванная Гражданская — честного хроникера Бондарева интересовала, это заметно и в «Батальонах», и особенно в «Горячем снеге»? Пойти по второму и третьему кругу экранизаций? Так с этим и так все обстояло замечательно.

В семидесятые и доперестроечные восьмидесятые статусный и благополучный Бондарев выбирал, скорее, не тему и метод, а модель взаимодействия художника и времени. Где-то рядом работал над «московскими повестями» Юрий Трифонов, сам по себе становившийся явлением; строил циклопическую «Пирамиду» патриарх Леонид Леонов... Юрий Васильевич, создавая романную трилогию — «Берег» (1975), «Выбор» (1981), «Игра» (1985), — надо полагать, видел себя именно в этом ряду.

Однако, мне кажется, уместней другая аналогия — с Василием Аксёновым, которого, как и других фрондирующих шестидесятников, Бондарев, скорее всего, всерьез в литературе и не воспринимал.

Роман Аксёнова «Ожог» (1975), изначально написанный в расчете на западные публикации, тамошний хайп и нобелевские потенции (все эти мечты и звуки мимоходом торпедировал приобретающий значительное влияние на Западе Иосиф Бродский), — эдакая бунтарская панорама шестидесятнических страстей на фоне эпохи, мутноватая физиология диссиды. Основной прием — сюрреалистическая расчлененка, когда главного и во многом автобиографического героя представляют сразу несколько творческих интеллигентов — писатель, джазмен, скульптор, врач и секретный физик.

Между тем у Бондарева в трилогии профессии главных героев — соответственно писатель — живописец — режиссер. У Аксёнова в романых флешбэках — детство автора в столице мирового ГУЛАГа Магадане, у Бондарева — естественно, война. Стилистическая доминанта «Ожог» — по выражению Давида Самойлова, «бунт пьяных сперматозоидов», Бондарев в своей трилогии снова выглядит послушным учеником Константина Паустовского и Ивана Бунина, казалось, окончательно преодоленного в романах «Двое» и «Горячий снег». (Вообще, появление Бунина у Бондарева — первый признак того, насколько автору тяжело дается текст. «Бунина» я имею в виду в широком смысле — от мелкой, почти насекомой описательности до старческой конфузливой эротики.)

Я вовсе не собираюсь унижить зрелого Бондарева молодившимся Аксёновым, «Ожог» — вещь по-своему любопытная и для автора знаковая. Излишне также говорить о том, что в «Береге» и «Выборе» есть ряд сильных кусков, глубоких характеров, а военные сцены — всегда на прежнем высочайшем уровне. Похоже, проблема в принципиальной невозможности для того десятилетия свести глобальный замысел со сколько-нибудь выдающимся результатом; видимо, время незаметно ускорялось, тревожно сигнализировало о скором крушении миров и требовало иных форм.

Не случайно главным текстом зрелого Бондарева стал не роман, а манифест «Слово к народу» (23.07.1991), исполненный не индивидуально, а в коллективе (из писателей — Юрий Бондарев, Александр Проханов, Валентин Распутин). Архитектор перестройки Александр

Яковлев называл «Слово» документом, идеологически обеспечившим ГКЧП; интеллигенция, тогда почти поголовно либеральная и проельцинская, особенно возненавидела, по новому кругу, Бондарева и Проханова.

Однако Бондарева это каким-то странным образом уже и не очень затрагивало. Вместе с Советским Союзом он как будто и хотя бы отчасти переместился в Историю. Не в том смысле, что окончательно сгинул из актуального календаря — Бондарев писал, функционировал, делал принципиальные политические заявления (отказался принять от Ельцина орден Дружбы), — а в том, что оказался сразу и здесь, и там — где вещи и явления прочней и долговечнее, память крепче, судьбы ярче и определеннее. Как будто знал, что мир скоро вновь повернется этой суровой, сложной и, в конечном итоге, правильной стороной.

Так накануне столетия и получилось.

Лаборатория

Новая рубрика — совместный проект журнала и Лаборатории критического субъективизма. ЛКС — неформальное объединение авторов, пишущих о современной литературе, созданное известным критиком Анной Жучковой, его координатором и идейным вдохновителем. Наши читатели могут вспомнить вызвавший большой интерес «круглый стол» о Кирилле Рябове (№ 7 «Сибирских огней» за прошлый год), проведенный и подготовленный к публикации ЛКС. Это как раз пример того, как семь субъективных, оригинальных, подчас весьма неожиданных мнений дают в итоге предельно объективную картину. Такого принципа мы и будем придерживаться. В нашей «Лаборатории» главным инструментом исследования выступает яркая индивидуальность критика. Сегодня о текущей литературе и новых книгах рассказывают Ксения Бачурина, Василий Ширяев, Денис Балин, Вера Калмыкова.

Ксения БАЧУРИНА

ПИЛЮЛЯ В МЯТНОЙ ОБОЛОЧКЕ

О книге Анны Лужбиной «Юркие люди»¹

Есть выражение: проглотить горькую пилюлю. Но читатель — ребенок; горькое глотать не хочет, а если и проглотит, то останется, боже упаси, недоволен автором. «Юркие люди» Анны Лужбиной — пилюля горькая, но в мятной оболочке, отчего книжные обозреватели чуть не единогласно находят книгу утешительной, терапевтической и даже — что уж вовсе поразительно — уютной.

Создается этот эффект во многом за счет того, что конфликт в рассказах Лужбиной почти никогда не обнаруживается там, где ему как будто бы самое место. Вот рассказ «Зимовка» — история о двух бездомных, обитающих возле теплотрассы в Кускове. Возвращенные Гоголем и Платоновым, читатели напряженно ждут социальной драмы. А ну как прорвется у героев обида на отвергнувшее их общество? Или грянут

---

¹ М.: АСТ, редакция Елены Шубиной, 2023. 256 с.

совсем уж нестерпимые морозы, или кончится еда? Или дети примутся кидать в Егорыча камнями?

Но ничего подобного не происходит. Егорыч увлекается птичничеством, развешивает по березам кормушки из молочных пакетов и — раз уж ребяташки все равно прозвали его лешим — режет из бревнышек фигурки клювастых божков. Его товарищ Лева заводит роман по переписке с девушкой из Твери. Когда придет весна, Лева вернется в обычный мир — заводить семью. Егорыч исчезнет — и на тепло-трассе появится место, где круглый год цветут одуванчики. Конечно, эта сказка все равно о смерти — но жало ее запрятано так глубоко, что почти не ранит.

Упорные попытки книжных блогеров включить персонажей сборника в ряд «маленьких людей» обречены на провал именно потому, что главным признаком этого литературного типа было противостояние героя с четко структурированным социумом, с системой, жаждущей перемолоть всякую индивидуальность. Но героям Лужбиной некому противостоять, не с кем бороться, не от кого, в сущности, даже прятаться. Нет в ее мире ни государства, которое могло бы их подавить, ни зубастого капитализма, превращающего людей в шестеренки конвейера. «Юркость» ее героев не навык, не талант, даже не вынужденная мера — это укоренившаяся привычка находить путь наименьшего сопротивления. Если «юрким людям» и приходится сражаться, то, как правило, только с собственной неизбежной конформностью, с паническим страхом перед проявлением сильной воли и сильного чувства.

Характерный пример — «мапа» Рома из одноименного рассказа. «Мапа» — потому что работает и мамой, и папой маленькому Егорке. Настоящий отец — непоименованное «*патлатое чмо*» — ребенка и в глаза не видал. Настоящая мама Ира с Ромой разошлась и растаяла за горизонтом новой прекрасной жизни. Зачин вполне тривиальный, но, как часто у Лужбиной, драма разворачивается совсем не в плоскости быта. Сезонными болезнями, детскими утренниками и прочими прелестями сваленного на него родительства Рома жонглирует вполне успешно. Но это — «*от хорошего воспитания*»: дают — бери, просят — делай. А вот ответить на вопрос: «*так папа я или не папа*» — оказывается неожиданно трудно. Настолько, что внимательный читатель, пожалуй, в середине рассказа застынет в страхе от мелькнувшей мысли: а вернись Ира — не отдаст ли этот тюфяк, пожалуй, Егорку обратно так же безропотно, как когда-то усыновил? И, несколькими страницами позже, вздохнет с облегчением:

Рома открыл рот и подержал его какое-то время открытым, просто так.

— Я тебя люблю, — мало какие слова вызывали у него больший ужас и неудобство.

— И я тебя, — Егорка снова присосался к плюшевому воротнику, а после наклонился, чтобы понюхать цветок. — Пахнет ватрушкой.

В этой истории есть еще один персонаж — бабушка Ромы. Роль ее в сюжете рассказа невелика, но подобных ей эпизодических и внесценических героинь в сборнике так много, что они заслуживают особого упоминания. Едва ли не самое частотное в книге сочетание слов — «бабушка/тетя/свекровь говорит/говорила...» — звучит в несобственно-прямой или внутренней речи центральных героев навязчивым рефреном. Если они и пытаются подвергать эти обломки чужой житейской философии сомнению, то обычно бесславно проигрывают:

С бабушкой разговор строился так: она выдавала что-то отвратительное, Рома спорил. Потом она оказывалась права, но из сочувствия делала вид, что не предупреждала.

При детальном рассмотрении «Юркие люди» Лужбиной походят на приют для растерянных больших детей, так и не сумевших (да и не стремящихся) забрать бразды правления у всех этих решительных теток и бабок из прослойки позднесоветских людей-гвоздей, в точности знающих, почему фунт лиха и где раки зимуют. В некоторых историях преклонение персонажей перед авторитетом старшего поколения доходит до гротеска. Кульминацией этой темы оказывается «Методичка» — крохотный рассказ о неблагодарной работе коллектора Саши из ООО «Бэтмен», который на очередном задании наталкивается на неожиданное сопротивление: Марина Власова — очки в пол-лица, первый год на пенсии. Разговор она ведет с уверенностью заправского следователя, и Саша реагирует как пристыженный подросток на выволочку от родной бабки — паникует и вопит в удаляющуюся спину: «Я деньги зарабатываю, семью кормлю! <...> Слышишь ты меня?!»

В отличие от многих коллег по цеху, зачем-то стремящихся сгустить краски и нафаршировать постсоветскую реальность разнообразной бесовщиной — от Идиатуллина с его графоманом-убийцей до Чухлебовой с ее сатанистами, — Лужбина, кажется, прекрасно отдает себе отчет в том, что хтони российскому быту и так не занимать, а «жизнь такова, какова она есть, и больше — никакова!». Жутковатый абсурд повседневности в «Юрких людях» почти всегда прячется за интонацией ровной бодрости. Ее герои не удивляются окружающей несурразице и ничуть ею не травмированы, а с поразительной гибкостью акклиматизируются даже в самых гротескных ситуациях. Девочка из рассказа «Два утра» живет в «скворечнике» над лавкой на Черкизоне — потому что так «выгодно». Подросток Ефим из «Мотылька» переодевается в одежду умершей бабушки и маячит у окон, чтобы не попасть, по милости бдительных соседей, в детский дом.

В пересказе некоторые сюжеты «Юрких людей» звучат так, словно позаимствованы даже не из триллеров Бобылевой, а вовсе у какой-нибудь Яны Вагнер. Мария из местечка с жутковатым названием Грибница, окончив школу, прощается с приемной матерью, с подружкой — женой алкоголика, с любовником, пишущим лавкрафтианские рассказы про гигантских слизней, и уезжает в Барыш работать эскортницей. Хтонь

и чернуха? А у Лужбиной «Разлука с грибницей» — история о том, как внутри человека растет его будущее. Уже стоя на платформе в Барыше, Мария вывернет кофту наизнанку и наденет ее снова — «так приходят новые решения». Жаль только, читатель уже не узнает, каким будет это решение: в «Юрких людях» финал то и дело застает героя на пороге будущего — и тот замирает, как прыгун, заснятый на пленку прямо в полете.

Рассказ «Зона покоя Укок» с такого прыжка в неизведанное только начинается. Отслужив контракт, военный покидает «горячую точку». С присущим ей исключительным вниманием к кинестетике Лужбина описывает новое и странное для героя ощущение свободы:

— Куда поскачешь? — Леший косит улыбкой вправо, к низкому плечу.

— В Укок. — Олень скидывает на стол все тяжелое, сваливает патроны. Тело сразу становится легким, будто снял собственные ноги.

Рассказ о поездке Оленя с Кавказа до Алтая перемежается загадочными письмами, героиня которых движется в том же направлении — только совершенно иным, волшебным способом. И если вначале путешествие героя кажется вполне реалистичным, то постепенно современность сменяется архаикой, герой вступает в страну великанов. Граница проходит по реке Катунь: здесь «на одном берегу едут люди на автобусах и машинах, на другом — на лошадях и повозках». В Горно-Алтайске Оленю встретится продавщица киоска, способная оборачиваться голубем; позывной превратится в шаманское имя, а целью путешествия окажется возвращение «домой» разбуженной раскопками алтайской принцессы Очы-Бала — той самой, что пишет Оленю письма.

Но источником зла, ради защиты от которого Алексей-Олень проходит весь этот путь, оказывается в финале не мир духов и не демон Кан-Таадьи-Бий, а мир человеческий — тот, из которого вернулся сам Олень. Мир, полный разрушенных домов и заброшенных садов, в котором «из черной тучи лезет черное солнце». Именно от этого южного, кровавого, слишком-уж-реального мира героически прячет свой заповедный север Олень.

С тем же незаурядным упорством держит форпост старик Яков из заключительного рассказа «Бат». Завязка истории — предупреждение о тайфуне и наводнении на Амуре. С Распутиным не сравнивать: у того затопление — дело рук человеческих. С Сенчиным не сравнивать тоже: там с собственным народом воюет власть. У Лужбиной, напротив, тайфун — повод для молодежи покинуть окраину рассыпающейся страны. «Особенно боятся ветра: может, потому, что и без этого некрепко держатся», — проницательно подмечает Яков. Как и положено старожилу, эвакуироваться Яков отказывается, а уж потом, когда дом и впрямь затапливает, уплывает сам — на лодке-бате, расписанной древними узорами из таежной краски. Ночью бат зацепится за крест ушедшей под воду церкви. А когда, добравшись до цивилизации, Яков

станет решать, отправиться ли с односельчанами в заманчивый город Глюклиху, его потянет обратно, к затопленному дому, — туда, где «река от закатного солнца видится розовой, доброй, будто разбавленной ягодами».

«Юрких людей» Лужбиной можно читать наивно, в поисках занимательных историй и сентиментального катарсиса. Можно видеть в них терапевтическую прозу, которая дает позволение обить сладкой ватой стеночки своего уютного хюгге с березками и блэкджеком, тщательно позаткнуть дыры, из которых могло бы просквозить реальностью, — и притвориться, что это и есть счастье.

Но все же вот она, горькая пилюля: для героев этой книги любить ребенка, принимать решения и бороться за свой дом — дело почти неподъемно страшное и неудобное. Здесь мир от краха защищают старики и отчаянные одиночки. Здесь целое общество живет по принципу «что мир, что война, что жизнь, что смерть — лишь бы не трогали...».

И если читатель находит подобное утешительным, что ж. Оставим это на его совести.

Лаборатория

Василий ШИРЯЕВ

ВОЛОНТЕР, ДОБРОВОЛЕЦ, ОХОТНИК...

Роман Богословский написал богословский роман «Ганг-сталкер» — о человеке преследуемом.

В писательской резиденции «Антариус» Саша Рыбин (профессиональный антрополог, найден мертвым в пути 7 января 2024 года) ругательски ругал «Риф» Алексея Поляринова, после чего я не мог его не прочитать.

А в поселковой библиотеке я увидел «Плейлист волонтера» Мршавко Штапича.

Время такое: многие пишут, в сущности, об одном.

Штапич описывает будни поисковиков. Люди ищут человека. Как Диоген с фонарем. Штапич — сценарист и по его книге уже снят сериал.

Из книги Богословского я узнал о ганг-сталкинге. Как сказали бы наши предки, которые не различали охоту на крупного зверя и на человека, — гон и скрадывание. Я сперва засомневался и подумал, что это аллегорическая сатира на современные СМИ, подсеверяющие человеку в голову чужие голоса. Но, пораздумав, склонился к «постиронии».

Поляринов описывает рождение секты из отношения «учитель — ученик». «Риф» — остроумное сокращение «Ритуал и миф».

Надо сказать, что мир волонтеров (раньше — добровольцев, еще раньше — охотников) — это мир в хорошем смысле «позитива». Волонтерские организации в духе ранних христиан могут действительно изменить мир, создать новый социальный строй, который придет на смену акулам неолиберализма.

Между Штапичем и Богословским есть очевидная параллель. Поисковики ищут тела, ганг-сталкеры ищут души. ЧВК «Чичиков». У Штапича-рассказчика в книге есть темный двойник, он же постоянный собутыльник («поиски» рифмуются с «виски») — магаданский гопник Хрупкий. Судимый, в бегах, а туда же — ищет потерянцев. Хрупкий и опросы проводит по-гопничьи резко — «сюда иди!».

Хрупкий — трикстер, свободно перемещающийся между текстами Штапича и Богословского. Его легко представить и в роли поисковика, и в роли преследователя.

Базовую идею Штапича может подсветить зороастрийская байка из «Generation П». Группа людей в процессе поиска осознает, что они все вместе суть то, что они искали. Общность или, как сейчас говорят, сообщество. Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Найди себя! Потеряй себя! Снова найди себя! (В ритме «упал — отжался».)

«Ганг-сталкера» Богословского тоже может подсветить Пелевин. Я недавно прочел культовый текст 1990-х «Чапаев и Пустота». Он абсолютно ясен. Идеальный потребитель — шизоид системы «Пустота», сквозь которого идут информационно-товарно-денежные потоки. Основная задача — не дай боже, чтоб в нем завелась идентичность. Это будет препоной на пути потоков. А если этих препон будет много — экономика упадет. Постмодерн — бульжник неолиберализма.

Богословский пошагово описывает, как дрессируют такую личность, но в отличие от Петра Пустоты у Германа Слуцкого все-таки остается сокровенное ядро самости.

У Поляринова в «Рифе» тоже есть элементы ганг-сталкинга: хождение по пятам, ожидание в подъездах, пристаивания в общественных местах. У Алексея легкое перо, но он постеснялся договорить до конца две вещи:

А. Борцы с сектами сами становятся своего рода сектой, так же как алкоголик не излечивается, а становится «анонимным» и питается спасением других алкоголиков. А propos¹, создатель «анонимных алкоголиков» и создатель газовых камер вдохновлялись одним и тем же человеком, Джеком Лондоном, валлийцем, вскормленным черной женщиной, и тем не менее (или благодаря этому?..) расистом.

Б. Из секты возможен выход лишь в иную секту. Из безумия возможен выход лишь в иное, социально одобряемое, безумие.

Один из приемов сталкинга описан в стихотворении Александра Блока 1913 г.

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить. <...>

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят. <...>

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей — не собой.

¹ Кстати (франц.).

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

Отношение «смотрящий — соглядаяемый» неравноценны. Людей долго отучали смотреть в глаза. Они должны видеть друг друга сквозь фильтры запретограмма. Это такой гражданский хиджаб. Человек имеет право смотреть только рекламу и в телефон. А видеть разрешено только всевидящему Гуглу.

Если зрение человека поработщено, у него отнято видение, перспектива. Если у человека отнята перспектива, у него отнят хронотоп. Если у него отнят хронотоп, у него отнято время. Он живет в том ритме, в котором прикажут.

Хокинг уверяет, что времени как такового нет. Время мы определяем по окружающим нас процессам. Дольше всех живут садовники и лесничие. Потому что они умеют ждать, пока вырастет лес.

В противном случае — *live fast die young*². Машины снуют, люди спешат, время не ждет. На самом деле машины часами торчат в пробках, а люди убивают свое время. «Люди отказываются от долгосрочной ментальности в пользу краткосрочной. Те, кто может, обитают во времени, кто не может — суеются в пространстве» (Зигмунт Бауман, Индивидуализированное общество).

Что нужно, чтобы спеленать клиента? Порча языка через гиперсемантизацию (политкорректность). Все вокруг должно стать настолько исполнено смысла и «полно богов» (Фалес Милетский), чтоб клиент и плюнуть не мог никуда, как в древнегреческом анекдоте: «так красиво кругом, что плюнуть некуда, кроме как тебе в рот».

Гиперсемантизация издавна заставляла людей выражаться максимально двусмысленно, но и юриспруденция не стоит на месте. Мы еще увидим, как моргание глазом и дергание щеки будут квалифицироваться как значимая форма согласия. По мере того как язык будет уходить, лоера³ должны будут опутать правовым полем все формы невербального общения: язык тела, подмигивания и почесывания. А язык будет сводиться через системы речевок.

Как выражались герои драматурга Островского, «человек чувствовать должен». Так формируются «новые городские племена». Болеть за московское «Динамо» — это религия, «есть вещи поважнее футбола». Поисковики и сталкеры, вслед за футбольными фанатами, могут в один прекрасный момент превратиться в ЧВК, а спустя чуть больший срок — в народ. Есть же версия, что цыгане (ромы) — каста артистов, превратившаяся в народ в процессе гастролей.

Чтобы освободить новый пролетариат, следует дать ему новый образ времени. Это можно сделать через музыку, как «Роллинг Стоунз» в 1960-е. Как собирается время?

² Живи быстро, умри молодым (англ.).

³ *Lawyer* — юрист (англ.).

По рекомендации легендарного Игоря Манцова прочел я «Идеологию и утопию» Карла Манхейма. У него есть остроумная морфология времени. Не зря его люто ненавидели гг. Поппер и Хайек.

Время реакционеров — неподвижное.

Время традиционалистов — цикличное.

Время консерваторов — накопительное.

Время либералов — прирастающее.

Время социал-демократов — развивающееся.

Время революционеров — целеустремленное.

Время фашистов — возобновимое.

Время утопистов — нет времени.

Как каждый из них будет читать толстую книгу?

Реакционер оставит в книге закладку и положит на стол. Традиционалист будет перечитывать по кругу. Консерватор перечитывать и толковать. Либерал — писать статью про «приращение смыслов». Социал-демократ — писать критику. Революционер прочтет вводную статью и будет толковать книгу, как написано в статье. Фашист — выдирать из контекста произвольные цитаты. Утопист расскажет, о чем написано в книге, даже не взглянув на обложку.

Только этого мало.

Народ с перегоревшими дофаминовыми рецепторами придется сажать на якоря и воспитывать как собак Павлова. Как у Кирилла Рябова в «Живодерне», где писатель должен гнать строку с интенсивностью коровы в перманентной лактации.

Жертв ганг-сталкинга стараются выставить параноиками. Но сказано мудрыми: если ты параноик, это еще не значит, что за тобою не следят.

Второй сезон сериала про волонтеров — будет про ганг-сталкинг. Третий — про ЧВК. Четвертый сезон — про народ.

Лаборатория

Денис БАЛИН

О КНИГЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «СОБАКИ И ДРУГИЕ ЛЮДИ»¹

Новая проза Захара Прилепина (как написано на обложке) действительно новая, и не только по времени публикации.

Книга «Собаки и другие люди» составлена из коротких историй, связанных между собой общим пространством, ритмом и героями, сменяющимися друг друга по мере развития сюжета.

Прилепинский стиль все так же узнаваем, но выходит на какой-то иной уровень. Удастся это автору, на мой взгляд, за счет выдвигания автофикшна на передний план. Сочетание удивительно прямого высказывания, практически лишенного метафорических конструкций, с игрой и фантазмагорией рождает особенно яркие и живые образы. Ты их видишь, ты им веришь, ты им соперничаешь.

Элементы автофикшна можно найти во многих прилепинских книгах («Грех», «Ботинки, полные горячей водкой», «Некоторые не попадут в ад», «Ополченский романс»), но именно в этой новой прозе образ автора и образ лирического героя настолько переплетаются между собой, что возникает особый эффект погружения в нарратив, усиливающий объем высказывания при ограниченном количестве приемов.

В какой-то момент эта смесь из автофикшна и натурфилософского осмысления реальности, это прозрачное, светлое, сентиментальное и трагическое повествование перевоплощается в мифопрозу. Из новелл сплетается общий метатекст.

Отдельно стоит отметить красивое оформление, делающее книгу похожей скорее на подарочное издание, и иллюстрации, создающие сказочную атмосферу, хотя это отнюдь не детская книга.

Итак, сборник Прилепина состоит из небольших новелл, которые в свою очередь делятся на фрагменты. Но ощущения отсутствия

---

¹ М.: АСТ, серия Neoclassic, 2023. 251 с.

цельности не возникает. От одной истории к другой книга сохраняет единство. Ее героями являются бассеты Толька и Золька, русская борзая Кай, мастино неаполитано Нигга, тибетский мастиф Кержак, сенбернар Шмель, попугай Хьюго и сам автор, который в финале называет себя «призраком». Перед глазами читателей проходит короткая, но наполненная событиями жизнь зверей. Она очень поэтична и похожа на стихотворение. Можно ли взять и пересказать ее? Наверное, тогда стихи будут уже не поэзией, а чем-то другим. Вот и тут образ куда важнее сюжета, который прост и сложен одновременно, как наша с вами судьба куда сложнее фактов биографии. Интонация и ритм завораживают, попадая в их орбиту, ты словно становишься частью повествования. Наполняешься его эмоциями. Начинается история с того, как рассказчик заходит в свою городскую квартиру и видит щенка. Он сходу придумывает ему имя — Шмель. Далее семья перебирается в деревню, где щенок вырастает в огромного сенбернара, становясь всеобщим любимцем. Проходят года. Умирает Шмель, появляется Нигга, умирает Нигга, приходит Кержак... Каждый из них растет, меняется, что-то свое понимает в этой жизни, а рассказчик смотрит на жизнь через их быт и тоже меняется с годами: в начале книги он молодой человек, в финале — уже седеющий мужчина.

Интересно, что «другие люди», населяющие эту вселенную, находясь как бы на втором плане, не теряют при этом своей значимости. Они неотъемлемые части этого пейзажа, этого рассказа. Вот жена героя, вот дети, вот донбасский ополченец «Злой», вот соседи. С каждым из них связана какая-то история, какое-то событие, происходящее в нижегородской деревне возле реки Керженец. Они все одинаково важны, они и есть то настоящее, чем дышит лирический герой. Даже сосед-алкоголик Алешка вызывает чувство некоего родства. Он тоже свой, он такой же полноправный житель этой книги, этой деревни, этого пейзажа.

Трудно сказать, чего в книге больше: внутреннего света, сентиментальности, человеческой и животной доброты или трагичности. Кажется, что основное настроение этого единого нарратива грустное и меланхоличное, но оно не отменяет мимолетных радостей, открытий, удивлений. Жизнь мимолетна, а жизнь животного тем более, но это с точки зрения человека, а сами животные воспринимают время по-своему и успевают за свой короткий век прожить насыщенную жизнь. Но смерть неизбежна. Она воспринимается героями как естественный и необратимый процесс. В ней нет ничего сакрального, она просто рано или поздно должна произойти. Остается только смириться с ней. Между тем, при всем этом смирении, уход в иной мир персонажей относится к числу самых щемящих сердце страниц книги. С одной стороны, повествование максимально лишено художественных приемов и неожиданных сюжетных решений, но, с другой стороны, очень поэтично и является одной большой метафорой жизни человека.

Интересно, что в сюжете практически отсутствуют отрицательные персонажи. Они появляются в коротких эпизодах, но надолго не задерживаются, словно чужеродные и не особо необходимые элементы.

Какие выводы можно из всего прочитанного сделать? В какой-то степени они вполне банальны, но намного сложнее, чем звучат: мы отвечаем за тех, с кем живем рядом, природа сильнее человека, а люди и животные равны, не зря ведь последних называют нашими «меньшими братьями», жизнь коротка, но интересна, цени момент, когда твои родные и близкие рядом, будь честен перед самим собой. Вроде бы все просто, но жизнь сложнее.

Лаборатория

Вера КАЛМЫКОВА

**О МОДЕЛИРОВАНИИ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА**

Литературный процесс в России — авторский проект Петра Алексеевича Романова. По его инициативе в начале XVIII в. был заключен *мистический контракт* словесности с государственностью, с которой писателям пришлось соотноситься по-разному — то истину царям с улыбкой говоря, то загибаясь на колымском холоде.

В 1890-е Валерию Брюсову пришло в голову основать русский символизм. Затея удалась, причем за считанные годы. В 1910-х Брюсов решил повторить попытку. Он тогда плотно занимался Древним Римом и в статье «Пентадий» (Русская мысль, 1910, № 1) решил применить периодизацию латинской литературы к современной отечественной словесности. «Золотой век» (эпоха Августа) сменился «серебряным» (от Тиберия до смерти Траяна), а тот в свою очередь уступил место эпохе, не осмысленной при помощи вещественной метафоры, но отчетливо характеризующейся «более высокой степенью искусства», поисками «более сложных форм», т. е. стилистики, способной передать малейшие оттенки утонченной внутренней жизни, «особую изысканность мысли, чувства и выражений». Однако вторая попытка Брюсова провалилась с треском: мы считаем «золотым» весь XIX век, а «серебряным» — начало XX-го. Легализация периода поиска новых форм как самостоятельного не прошла.

Далее естественный ход литературного процесса претерпел две серьезные трансформации, навязанные извне: 1) объявление социалистического реализма единственным возможным методом для писателей СССР; 2) отлучение от печатного станка тех сочинений, которые методу не соответствовали.

СССР прекратил существовать, тем самым аннулировав почти 300-летний контракт. Гутенберг заработал в обратном направлении, и к читателю массивом вышли романы, повести и стихи, ранее лежавшие под спудом. Возникла проблема, как их числить по ведомству

литпроцесса: по дате написания — или по факту публикации?.. Вопрос не решен до сих пор. Но самое главное, что впервые литература отделилась от государства и получила возможность вести жизнь *вида искусства* — со всеми вытекающими плюсами и минусами.

Критик Андрей Семенович Немзер (1957—2023) в статье «Замечательное десятилетие. О русской прозе 90-х годов» (Новый мир, 2000, № 1), обозначив публикации неподцензурных сочинений как «компенсаторную» стратегию, предложил собственную модель дальнейшего развития. Во-первых, расценил вышеупомянутый феномен как вредный:

«Компенсаторная» стратегия времен перестройки была чревата дурными последствиями. То, что она невольно мешала сложившимся писателям идти вперед, — наименьшее из зол. Куда хуже, что она сказывалась на редакторском отношении к писателям, коих в России принято называть «молодыми».

Во-вторых, сбросил с корабля современности ряд авторов — Людмилу Петрушевскую с «Карамзиным», Андрея Битова, Василия Аксёнова, поздних Владимира Войновича и Фазиля Искандера. Основание — самоповторы в творчестве этих писателей — сформулировано без анализа, оценочно:

...Изготавливаемых конвейерным способом метафизических страшилок и самопародийного романа... при бросающейся в глаза неряшливости, тесно связанной с авторским самоупоением...

В итоге Немзер оговорился: «я нимало не удивлюсь, если завтра любой из этих писателей выдаст полноценный шедевр. ...иные из мэтров пришли в новые времена не в лучшей форме». В том же тексте досталось и Вячеславу Пьецуху, и Марку Харитонову, и Евгению Попову. Туда же и Анатолия Наймана.

Тенденция, однако. Из литературы того периода Немзер — с оговоркой об ожидании шедевра — исключил всех писателей, в чьем творчестве была заметна стилистическая игра с читателем, расширяющая эстетические границы картины мира. Противопоставлены Петрушевской-Битову Владимир Маканин, дуэт Нины Горлановой и Вячеслава Букура, Юрий Буйда, Юрий Давыдов, Леонид Бородин, Анатолий Азольский, Георгий Владимов, Виктор Астафьев. После чего сделан вывод:

Серьезный русский писатель 90-х так или иначе — в большей или меньшей степени, сознательно или полусознательно — ориентирован на саморефлексию и утверждение значимого статуса литературы.

Итак, новая модель: большая форма, выполняющая, помимо обычных задач — характеристика героя, построение сюжета и др., — и сверхзадачу: утверждение особого статуса литературы в обществе. Об этом Немзер писал и впоследствии, ни разу ни от кого не услышав упрека в самоповторении.

На один и, кажется, ключевой вопрос он нигде не ответил, да его и не ставил: чем поддерживается, чем гарантируется — при отсутствии

госконтракта — высокий статус словесности? Саморефлексией писателя?.. Ответ единственный — только общим высоким уровнем культуры. А как его поднять и удерживать?

Естествен приход Немзера к творчеству Солженицына — вот уж автор серьезнее некуда. Державный шаг этой прозы, однако, обеспечен не столько эстетическим наполнением (в этом плане тексты после «Ивана Денисовича» и «Матрёнина двора» скорее нейтральны), сколько публицистическим пафосом автора, а голый пафос, без отражения на уровне художественности, сам по себе привлечь читателя не может: для этого нужна какая-никакая занимательность. Типовая композиция (наверное, это что-то другое, не самоповторение?) рано или поздно вызывает ощущение скуки.

Впрочем, вкусовщина это все, модель как модель. Правда, совершенно неясно, чем «хтонический» человек Петрушевской отличается от «андеграундного» у Маканина. Разве что авторской подачей: в одном случае — на уровне творимого мифа, во втором — в духе суровой (и серьезной!) реальности. Однако по мере усиления — из романа в роман, от автора к автору — серьезности все слышнее читательское *не хочу*. В какой-то момент мрачность перестает восприниматься как глубокомыслие и начинает — как безысходность. А от искусства все-таки ожидается, как и тысячелетия назад, — катарсис, т. е. хоть в каком-то плане возвышение за счет разрешения внутренних конфликтов, а не жизненно неподобного нагнетания.

Игровое начало в литературе второй половины XX века персонифицируется фигурой Андрея Синявского, он же Абрам Терц. Интересно, что все отвергнутые Немзером авторы относятся к тому же типу творчества. О Синявском он, считай, не писал никогда (если не иметь в виду некоторого невнятного текста, содержавшего маловразумительные и бездоказательные упреки в некой личной непорядочности) — будто его и не было.

Модель развития, предложенная в конце прошлого века, и работает, и нет. Да, потому что авторы изо всех сил тужатся, сочиняя большие формы с установкой на значительность. И нет, потому что читатель остается теплохладен, а литература по-прежнему теряет позиции. Всеобщей любовью пользуются разве что романы Алексея Иванова, к которому критики строги. Но литература — дело живое, и она способна прорасти и сквозь бетонные плиты концепций. Взять недавний роман Галины Климовой «Сирота на морозе». По-пушкински лапидарный, драматически насыщенный (что ни герой, то несбывшаяся радость), он тем не менее дает искомое катарсическое разрешение за счет авторского стиля, легкого, летящего, стремительного.

Неудобно вскользь и обзорно упоминать Евгения Водолазкина, разве что сказать: от читателей отбою нет, книги не залеживаются, кризис литературы имеет быть без этого автора. Пишет он так, как будто не было ни постмодернизма, ни моделей развития.

Напротив, в романе «Тебя все ждут» Андрея Понизовского все постмодернистские приемы выложены буквально поверх содержания,

да и катарсиса не предоставлено, но зато есть правда о человеке, который никак не желает взрослеть и становиться серьезным, не подчиняется жизненной задаче и поневоле растет, растет...

Сможет ли словесность выжить в одиночку, без социального заказа и вне сопротивления оному, как было в советские годы, покажет время. Хорошо бы начать ретроспективный разговор, опираясь на материал, который уже есть, и прекратить думать вперед — пусть литература сама проложит себе русло. Она-то не забудет, что искусство, по Манделштаму, — «игра Отца с детьми».

ИЗДАНО В СИБИРИ

НОВОСИБИРСК

Кудрявцева Мария. Как простить, когда простить невозможно. 12 шагов к полной свободе от обиды и боли. — Новосибирск: *Свиньин и сыновья*, 2023. — 220 с.: илл.

Кто виноват и что делать, если от обиды вы ушли в себя, на душе скребут кошки, не хочется даже говорить о случившемся? Или, наоборот, все, чего вам хочется, — это громко кричать или реветь от бесилия, обнимая подушку. Если вы думаете о неприятной ситуации с утра до вечера и с вечера до утра, вынашивая план мести, тогда эта книга для вас.

Клинический психолог Мария Кудрявцева иллюстрирует универсальные методики прощения обид на примерах людей, переживших измену, тяжелый развод или серьезное разочарование. Емкая теория и фрагменты автобиографии легко сочетаются с примерами из практики в форме живых рассказов. Книга будет полезна всем, кто мечтает освободиться от обиды, обрести умиротворение и согласие с собой.

Подистов Андрей. Жила-была семья. Необычные приключения обычных новосибирцев. — Новосибирск: *Свиньин и сыновья*, 2023. — 123 с.: илл.

Живет-поживает в Новосибирске обычная вроде семья: папа, мама, дочка Ниночка и кот Рыжик. Но, как говорится, удивительное рядом: то ежики, то зайцы почему-то появляются в городской квартире, а по соседству вообще живет изобретатель вечного двигателя... И это только начало! Впереди еще нашествие интересных людей, сказка, которая становится былью, и даже путешествие на воздушном шаре к семейной мечте... не скажем какой. Потому что пока перед вами лишь первая порция необычных приключений обычной новосибирской семьи.

Помозов Олег. Рассвет над Искером. Образование, культура и самосознание сибиряков в XVII — нач. XIX века (от Ермака до Сперанского). — Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2022. — 526 с.: вкл.

Книга является началом трилогии под общим названием «Рассвет над Искером». В ней содержатся материалы о первых сибирских летописцах, а также об историках, изучавших Сибирь в XVIII — начале XIX века, о подвижниках культурного развития региона, об открытии первых учебных заведений в крупнейших городах Сибири того периода. Прослеживается процесс зарождения театрального искусства, книгопечатания и другой издательской деятельности. Особое внимание уделено влиянию эпохи Просвещения на сибирский регион, проникновению литературы новиковских издательств, а также масонских веяний, что отразилось на пробуждении самосознания в среде передовых представителей сибирского общества, главным образом богатого купечества и образованного чиновничества. Логическим завершением этого периода сибирской истории явились реформы М. М. Сперанского, проведенные в 1819—1822 годах, об этом ведется речь в завершающей части книги.

Отличительной особенностью издания является то, что в нем впервые обобщен и представлен в едином целом основной комплекс наработок дореволюционных, советских и современных историков по данной тематике. Новизна же работы состоит в прослеживании начал зарождения гражданского самосознания в среде сибирского общества.

Визер Николай. Власть налогов. История государственных поборов: от древности до ближайшего будущего. — Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2023. — 192 с.

Эта книга адресована тем, кто ничего не знает о налогах либо никогда о них не задумывался. Автором книги — специалистом по налоговому праву — представлен анализ причин появления налогов в глубокой древности, эволюции налогов в разных странах и культурах, а также их современного состояния. Разбираются последствия возникновения налогообложения и особенности современной налоговой системы, описаны ее слабые места. Вместе с тем намечены возможные изменения и даны предложения относительно того, как можно улучшить и сделать более цивилизованной эту сферу в будущем.

Автор приглашает всех читателей к дискуссии, чтобы окончательно определиться, кто и сколько налогов должен платить.

Маранин Игорь, Тихонов Александр. Тайны Оби и легенды Иртыша. Мифы, легенды и байки с берегов больших и малых рек Западной Сибири. — Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2023. — 174 с.: илл.

Эта книга — попытка двух сибирских писателей и краеведов (Игоря Маранина из Новосибирска и Александра Тихонова из Омска) рассказать

истории и легенды городов и деревень Обь-Иртышского бассейна современным языком цифровой эпохи. Выбранный формат помогает сделать текст не только увлекательным, но и привычным для читателей поколения блогов и социальных сетей, полнее и ярче раскрыть перед ними реальные события минувших веков и легенды, сформировавшиеся у народов, населявших эти места в прошлом. Помимо тайн и загадок, хранимых древними сибирскими реками, авторы разворачивают перед читателем богатую деталями картину быта прежних времен, начиная от путешествий по сухопутным трактам и речным путям и заканчивая рассказами о забытых промыслах, подорожных документах и конокрадстве.

Бехтенёва Дарья. Академгородок: тропинки в Большую науку. — Новосибирск: *Свиньин и сыновья*, 2023. — 64 с.: илл.

Академгородок — маленький город на окраине большого Новосибирска. Здесь поют птицы, шумит лес, серьезные ученые раскрывают тайны Вселенной. Здесь живут веселые и творческие люди.

Автор приглашает детей от семи лет и их родителей познакомиться с Академгородком прошлого и прогуляться по Городку сегодняшнему. Читатели узнают о буднях и праздниках, о людях, которые создавали центр сибирской науки. А пройдя с книгой по улицам и тропинкам, отметив на карте интересные места, смогут заметить детали, на которые раньше не обращали внимания.

Мифосибирск в картинках. 13 историй города N. — Новосибирск: *Свиньин и сыновья*, 2023. — 126 с.: илл.

Историй, мифов и легенд о Новосибирске накопилось предостаточно. Некоторые из них известны и находятся на слуху, другие почти никто не слышал.

Комиксы сборника «13 историй города N» нарисованы по мотивам рассказов Игоря Маранина из его книг «Мифосибирск» и «Легендариум». С позволения автора новосибирские художники адаптировали лишь малую часть историй.

Робинсон Борис, Полякова Ирена. Имя, ставшее знаменитым. Российская книга о Захаре Броне. — Новосибирск: *Свиньин и сыновья*, 2021. — 346 с.: илл.

Книга профессоров Новосибирской государственной консерватории Б. В. Робинсона и И. В. Поляковой посвящена творческой судьбе всемирно известного музыканта-педагога, скрипача, лауреата международных конкурсов, Народного артиста России, профессора Захара Нухимовича Брона. Пожалуй, нет таких восторженных эпитетов, которые (и вполне заслуженно!) не звучали в адрес прославленного Маэстро. Величайшим педагогом скрипичной игры назвал его не кто-нибудь, а сам Мстислав Ростропович. Выпускник аспирантуры Московской консерватории, он ворвался в размеренную музыкальную жизнь Новосибирска яркой

кометой. Сейчас имя Захара Брона стало знаменитым во всем музыкальном мире.

Жанр книги определить довольно трудно. Это не мемуары, не академическое музыковедческое исследование, не методическое пособие и не сборник забавных историй. В ней представлены многочисленные, в том числе малоизвестные, факты биографии З. Н. Брона, фрагменты личных бесед, высказывания его коллег, учеников, современников, уточняющие остроумные цитаты из мыслей великих людей. Вместе с тем фактологическая база книги строго документальна: она основана на интервью, данных Б. В. Робинсону З. Н. Броном во время их встреч в Новосибирске (в 1995—2001 гг.) и в Кёльне (в 2000 г.).

Ольга СВЕЧНИКОВА

СОЗИДАЮЩИЙ ОГОНЬ АЛЕНЫ ЗАЛУЦКОЙ

Одним из ярких представителей новосибирского художественного сообщества является член Союза художников, художник-керамист, скульптор Алена Залуцкая, известная в России и за рубежом своими неординарными выставками, проектами, творческими экспериментами.

Путь в изобразительное искусство для нее начался в детстве, сознательным выбором еще маленького, но уже целеустремленного человека, в трудных условиях жизни середины семидесятых годов на Крайнем Севере, в маленьком колымском поселке, а затем в городе Магадане. Сначала была художественная школа, затем Алена поступила в Новосибирское государственное художественное училище на специальность «промышленная графика». С 1992-го по 1997-й она училась в Красноярском государственном художественном институте (ныне Сибирский государственный институт искусств им. Дмитрия Хворостовского), кафедры художественной керамики (мастерская А. Я. Мигаса). Алена окончила вуз с отличием, дипломная работа «Состояния» была удостоена премии имени народного художника России Ю. Ишханова как лучшая дипломная работа выпуска.

Сразу по окончании института было возвращение в Новосибирск и начало трудовой деятельности в качестве преподавателя на кафедре монументально-декоративного искусства Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии. Во многом благодаря энтузиазму, жизненной энергии, новаторству молодого преподавателя в Новосибирске в 1997—2013 годах сложилось поколение замечательных художников.

И, разумеется, все эти годы идет активная творческая работа: создание керамических объектов, графики, дизайна, участие в значимых художественных проектах, керамических симпозиумах и пленэрах. Алена Залуцкая является лауреатом Десятой региональной художественной выставки «Сибирь» (2008, Новосибирск). Также она была удостоена золотой медали Союза художников России (2017), стала обладателем Гран-при двух международных фестивалей керамики, премии «Короли изящных искусств» (Новосибирск, 2020). Алена Залуцкая ярко проявила

себя как участник многочисленных региональных, российских и международных выставок. Ее произведения находятся в галереях, в частных коллекциях в России и за рубежом.

Отдельно хочется рассказать о такой деятельности художника, как выставочные проекты; проведение керамических фестивалей. Все выставочные проекты Алены Залуцкой — концептуальные, продуманные и при этом живые, вибрирующие. Автор в постоянном диалоге со своим зрителем — диалоге как художественными средствами, так и прямым контактом. Алена Залуцкая является идейным вдохновителем и организатором заметного выставочного проекта «Лед» (Новосибирск, 2020), автором идеи и исполнителем персональной выставки-проекта *Strutturologia*. В 2023 году было осуществлено сразу два масштабных проекта.

Фестиваль огненной скульптуры «Белая невеста» Залуцкая проводила в своей арт-резиденции (п. Ташара). Резиденция создана для развития и изучения керамики, для реализации ландшафтных проектов. По задумке автора, территория в итоге должна заполниться экстерьерными скульптурами, стать выставкой под открытым небом.

Фестиваль огненной скульптуры — это энергетически и финансово затратное мероприятие, которое невозможно осуществить без привлечения заинтересованных и умелых помощников. Для нашего города это необычный формат художественного мероприятия. Чтобы праздник получился, необходима была большая подготовка с учетом множества данных. Помимо создания скульптуры, которая изготавливалась тут же в резиденции, нужно было сделать проект печи, соответствующей значительным размерам скульптуры, подготовить место под ее установку, собрать печь из специальных материалов, рассчитать количество дров на определенное время топки (около пяти часов), транспортировать скульптуру до места обжига в целостности. Одному художнику осуществить это — непосильная задача. Алена Залуцкая как никто другой умеет организовывать подобные творческие процессы, объединять целью и зажигать идеями. В фестивале приняли участие около 60 человек, кульминацией его явилось раскрытие кожуха печи в конце процесса обжига и явление зрителю скульптуры в огне — раскаленной мистической фигуры. При работе над ней автор вдохновлялся образом и песней этно-испительницы Холли.

Выставка «Дневник экспедиции Тетис» открыта в выставочных залах ЦК19 в конце прошедшего года. Это грандиозный по своему масштабу и подготовке проект с участием художников, музыкантов, с авторским исполнением произведений и театральным действием. Необычна подача самого материала — керамики, которая представлена в сочетании со многими другими материалами: дерево, металл, стекло. В некоторых работах используется подсветка. На открытии скульптуры были укутаны укрывным материалом и раскрывались зрителю по мере рассказа автора. Автор — главный персонаж, он объединяет работы рассказом, живописанием эмоций и впечатлений, под воздействием которых создавались представленные композиции. По задумке, вся выставка — это дневники различных людей или рассказы о людях, воплотившиеся в материале.

Действие сопровождалось игрой актеров, живой музыкой в исполнении известных новосибирских музыкантов, песнями и танцами. В течение всей выставки Алена продолжала общение со зрителями.

Идея выставки поражает своей глубиной и масштабностью. В основе всего Тетис — древний океан, в котором зародилась жизнь. Скульптуры — это своеобразные артефакты, которые мы наблюдаем, путешествуя по дну океана, погружение в историю планеты. Керамические работы дополняют графические материалы, эскизы, выполненные на баннерах, символизирующие паруса.

Каждый зал — отдельная часть выставки под своим названием. Любовь — работы «Любовники», «Сирены», биоморфные структуры, навеянные морскими обитателями, модульные пласти «Селенография» — идея в вариативности и трансформации объекта. Ихтис — тема духа внутри нас, отпечатков сознания, вопросов к себе, метафоричность — работы «Трое», «Острова», «Большой Ихтис», «Малый Ихтис». Терос — страна Тартария, звериное начало, огонь и страсть — работы: «Coda», посвященная группе Led Zeppelin, «Хозяин» — ассоциация с пелевинским Псом — адским зверем, «Белая невеста» — скульптура с огненного фестиваля. Здесь же переработки этнографического материала, фигуративные текстурные ритмы, графичность, так любимая и близкая автору, — «Тувинский плат». Следуя дальше по залам, попадаем в Орнис — птицы, тема генетической памяти, предков — работы в стиле метамодернизма, здесь же представлена новая освоенная техника росписи эмалью по меди. Завершающий зал — Антропос, человек, — работы «Говорит и показывает», где керамические объекты должны работать в пространстве своими тенями, «Шоперы» — с лицами людей, цикл пластов «Пластинки», кульминационная работа по Бродскому «Дураки» — памятник карательной психиатрии. По словам самой художницы, она любит, когда ее работы трогают руками, потому что керамика требует реального контакта с фактурой, для лучшего взаимодействия и полноты восприятия.

Творческая и педагогическая жизни художника идут тесно бок о бок. Алена Залуцкая является идейным организатором творческой мастерской «База». В мастерской она ведет свой курс для детей и взрослых по керамике и композиции, а также преподает в АНО проектного творчества «Студия Контур».

Алена Залуцкая — уникальный в своем роде художник-исследователь и наблюдатель, не только творящий, но и вовлекающий в творческий процесс зрителя, вступающий с ним в активный диалог. Художник, чье кредо — честность как форма существования, открытый миру, взаимодействующий с пространством, ставящий перед собой не только технические и изобразительные, но и культурологические задачи. Это художник нового формата, который создает вокруг художественную среду, наполняя ее прекрасным и драматическим, но всегда оставляющим место для размышлений искусством.

АВТОРЫ НОМЕРА

Бакирова Наталья Викторовна родилась в 1975 году в Заречном (Свердловская область). Окончила Уральский государственный университет им. Горького. Работает преподавателем в технологическом колледже. Публиковалась в изданиях «Новая Юность», «Причал», «Сибирские огни». Лауреат литературных конкурсов, в том числе международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2022). Лауреат премии «Сибирских огней» по итогам 2023 года. Рассказы входили в межавторские сборники. Живет в Заречном.

Балин Денис родился в 1988 году в п. Мга Ленинградской области. Поэт и публицист. Лауреат премии «Лицей» (2022). Поэзия и статьи публиковались в федеральных и региональных изданиях. Живет в поселке Мга.

Бачурина Ксения Вадимовна родилась в 1991 году в Нижнем Новгороде. Окончила филологический факультет Московского государственного университета. Работает в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Волынкина Светлана Викторовна родилась в 1987 г. в Бийске (Алтайский край). Окончила Новосибирский государственный технический университет по специальности «экономика». Училась в сценарной мастерской режиссера Дарьи Лебедевой. В настоящий момент — студентка второго курса Литературного института им. Горького, мастерской прозы Павла Басинского. Живет в р. п. Кольцово Новосибирской области.

Гловацкая Татьяна Борисовна родилась в Новосибирске, окончила НИИГАиК (ныне СГУГиТ). Работала в ОКБ Новосибирского электровакуумного завода, в Пенсионном фонде России. Живет в Новосибирске.

Ивантер Алексей Ильич родился в 1961 году в Москве. Постоянный автор журналов «Наш современник», «Москва», «Иерусалимский журнал», «Дружба народов», «Сибирские огни» и другой периодики.

Калмыкова Вера Владимировна родилась в 1967 году в Москве. Кандидат филологических наук, главный редактор издательства «Русский импульс», искусствовед. Публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Арион», «Дружба народов», «Звезда», «Литературная учеба» и др. Автор двух поэтических сборников, а также книги «Очень маленькая родина» (совместно с фотографом Сергеем Ивановым), которая стала лауреатом конкурса «Книга года». Лауреат премии имени А. М. Зверева (журнал «Иностранная литература»).

Колобродов Алексей Юрьевич родился в 1970 году в Камышине. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя»,

«Дружба народов», «Русский журнал» и пр. Автор книг прозы и нон-фикшн, в том числе «Алюминиевый Голливуд», «Здравые смыслы», «Вежливый герой. Путин, революции, литература» (лонг-лист премии «Национальный бестселлер»). Координатор и идеолог проекта «Литературная мастерская Захара Прилепина» (за четыре сезона работы мастерской обучение и писательскую практику в ней прошло около 170 литераторов). Участник издательской группы «КПД» (Колобродов, Прилепин, Демидов), реализовавшей несколько издательских проектов.

Костин Владимир Михайлович родился в 1955 году в Абакане. Окончил филологический факультет Томского государственного университета, кандидат филологических наук. Преподавал, работал на телевидении. Автор нескольких книг прозы. Живет в Томске.

Крюков Владимир Михайлович родился в 1949 году в селе Пудино (Томская область). Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Автор ряда поэтических сборников, двух книг прозы и воспоминаний «Заметки о нашем времени». Член Союза российских писателей. Живет в селе Тимирязевском под Томском.

Свечникова Ольга Анатольевна родилась в Новосибирске. Окончила Новосибирское государственное художественное училище (1997), Новосибирскую государственную архитектурно-художественную академию (2001). Керамист-монументалист, художник-реставратор (ГАУК НСО НГКМ), член Союза реставраторов России. Имеет публикации в специализированных изданиях.

Тен Виктор Викторович родился в 1957 году в Целиноградской области. Окончил исторический факультет УрГУ (Свердловск). Работал археологом, преподавателем. Кандидат философских наук. Автор ряда научных и научно-популярных книг. Печатался в журналах «Сибирские огни», «Московский журнал» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Ширяев Василий Михайлович родился в 1978 году на Камчатке. Литературный критик. Лауреат литературных премий им. Демьяна Бедного, «Неистовый Виссарион» и журнала «Урал». Автор читательского дневника «Колодцы». Живет в поселке Вулканный Камчатского края.

Шляхова Галина Николаевна родилась в 1976 году в Красноярском крае. Окончила Красноярский педагогический университет. Работает преподавателем искусства и педагогом индивидуально-обучения детей с ОВЗ. Публиковалась в альманахах «Енисей» и «Новый енисейский литератор», журналах «Сибирские огни», «День и ночь». Проживает в поселке Бор Красноярского края.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: sibirskieogni.pf

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.pf>

Сдано в набор 14.02.2024. Дата выхода № 3 за 2024 г. в свет 20.03.2024.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,59. Тираж 1500 экз.

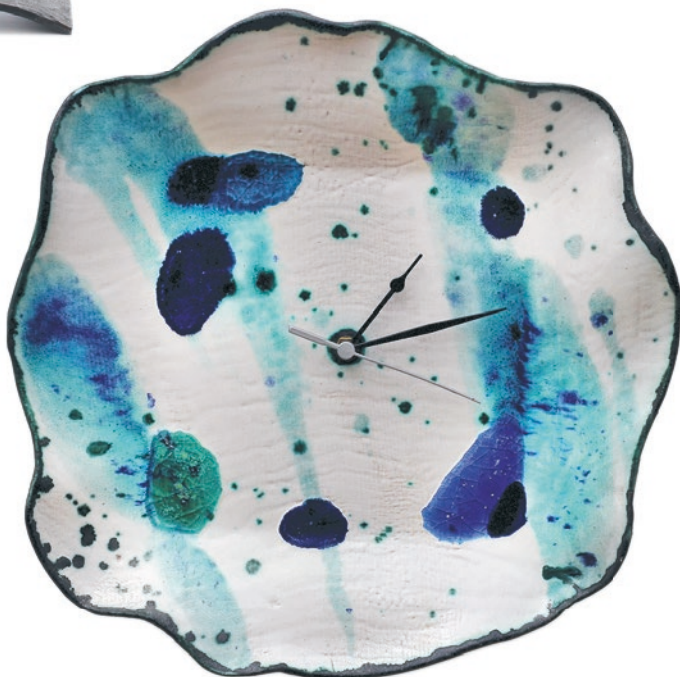
Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.

Алена Залуцкая. Чёт-нечет. Шамот, глазури, флюсные ангобы. Окислительная среда. (2018)

Алена Залуцкая. Глубоководная.
Шамот, паталь, кованный металл. Окислительная среда.
(2017)

Алена Залуцкая. Морское.
Каменная масса, эмали,
оксиды металлов, стекло.
Окислительная среда. (2019)

Общероссийская литературная Премия «Дальний Восток» им. В.К. Арсеньева

3 приза
по 500 000 р.

в трёх
номинациях

- Длинная проза
- Короткая проза
- Проза для детей

Прием заявок
с 1 февраля
2024 года

18+

премияарсеньева.рф